

А.В. ИВАНОВ

О ВЕЧНЫХ УСТОЯХ В ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

(ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ)

БАРНАУЛ 2010

87.3 (2) + 87.25

И 20

Иванов А.В.

О вечных устоях в последние времена (философско-публицистические этюды). — Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай — 21 век», 2010, 182 с.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского аграрного госуниверситета Андрей Владимирович Иванов давно известен своими работами, в особенности по проблемам сознания, евразийского мировоззрения, процессов, идущих в современной культуре и в обществе. Но, кроме того, он еще и оригинальный публицист, в чем читатель может убедиться, открыв эту книгу.

Ответственный редактор И.В. Фотиева

На 1-й странице обложки: Н.К. Рерих «Армагеддон»

© *Иванов А.В.*

© *Алтайский краевой общественный фонд «Алтай — 21 век»*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Евразийский культурно-географический мир перед лицом глобальных вызовов современности	6
Этюд 1. Знаки последних времен	6
Этюд 2. Деглобализация как мировая тенденция	31
Этюд 3. Снова о «вечно-бабьем» в русской душе	36
Этюд 4. Евразийство — идеологическая конструкция или целостное мировоззрение?	51
Этюд 5. Бытие–на–границе как геополитическая и культурная константа Евразии	64
Глава 2. Сибирь, Монголия и Алтай как твердыни Евразии	82
Этюд 6. Стоит ли нам подражать Москве?	82
Этюд 7. Как нам спасти и обустроить Сибирь?	89
Этюд 8. Российско-монгольские устои Евразии	97
Этюд 9. Алтай как сердце евразийского пространства ...	104
Глава 3. Битва за вечные ценности	128
Этюд 10. О необходимости твердой иерархии ценностей и о законах духовной жизни	128
Этюд 11. Почему необходимо защищать нравственность?	140
Этюд 12. Нестыжательство против коррупции	146
Этюд 13. Яд сквернословия	159
Этюд 14. Тупики «реформирования» отечественного образования	163
Этюд 15. Традиции живые и мертвые	170
Этюд 16. Об истинном и ложном патриотизме	175
Послесловие	180

ВВЕДЕНИЕ

Этюды, с которыми предстоит ознакомиться читателю, писались в разное время и по разному поводу. Здесь и непосредственная реакция философа на события нашей современной российской действительности, и попытки метафизически осмыслить глобальные процессы, происходящие в мире, и, наконец, размышления над вечными ценностями человеческого бытия в эпоху исторического безвременья. Автору было суждено, как и многим миллионам граждан некогда великой державы, пережить ее трагическое крушение в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, стать свидетелем ее бессовестного грабежа и унижения в 90-е годы и сохранить веру в ее культурное и геополитическое возрождение в первое десятилетие XXI века, хотя нынешние времена грозят обернуться для нашей страны и всего мира еще большими потрясениями. Отсюда и попытка утвердиться на тех краеугольных и, увы, хорошо забытых сегодня **духовно-экологических** основах, без которых, по мнению автора, человечеству не выжить и не встать на путь процветания.

При всей общности метафизической тональности публицистические этюды естественно распадаются на три группы, что нашло отражение в структуре книги. В первую группу вошли работы, где осмыслиется современный этап мирового развития и те исторические вызовы, с которыми сталкивается Россия. Особое внимание уделяется евразийской идее, которую автор считает наиболее адекватной формой национально-государственного самосознания и действенной платформой практического обустройства нашего российского бытия. Вторая глава посвящена осмыслению статуса Сибири и Алтая на евразийском пространстве и той роли, которую они призваны сыграть в возрождении нашего Отечества. Наконец, третью группу образовали этюды, где под разными углами зрения осмысливаются трагические судьбы российского образования, культуры и духовности, а также исследуются пути активного противодействия таким язвам нашего российского бытия, как сквернословие и коррупция, гражданское равнодушие и покор-

ность чужой политической воле, моральный релятивизм и скептицизм. Одна из ключевых идей книги — необходимость экологизации нашего российского бытия, утверждения принципов общего блага и духовного совершенствования, уважения чужих культурных и религиозных традиций параллельно с сознательным укоренением в родной культурной почве.

Но главный дефицит сегодня — это дефицит воли к личному жизнеустроению и соборному мирозиданию; забвение, а где-то и откровенное предательство живительных — **нестыжательских** — традиций нашего российского прошлого. Прискорбно, что место героя занял сегодня мещанин, а идеал человеческого бытия задают не святые праведники и ученые-подвижники, а вороватые бизнесмены и подловатые политики. Но всегда жива надежда, что бесы канут, не оставив после себя даже тени, как канули в бездну «демократы» 90-х годов прошлого века, а абсолютные ценности, великие идеи и светлые лики России лишь отчетливее проступят на скрижалях истории. Этой цели и пытается посильно послужить данная книга.

Хочется выразить глубокую признательность моим ближайшим друзьям и духовным соратникам — докторам философских наук Фотиевой Ирине Валерьевне и Шишину Михаилу Юрьевичу, а также моей супруге, кандидату философских наук, Журавлевой Светлане Михайловне. Без их помощи эти этюды никогда бы не были написаны. Моя особая благодарность — Алтаю, его людям, природе и культуре, любовь к которым вдохновляла и вдохновляет меня на жизненном пути.

Алтай, весна 2010

ГЛАВА 1.

ЕВРАЗИЙСКИЙ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МИР ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Этюд 1. Знаки последних времен

Ощущение того, что мы стоим на пороге каких-то глобальных потрясений, носит уже массовый характер. При этом апокалиптические настроения охватили не только страны, пребывающие в состоянии кризиса, типа нашей России, но и вполне процветающие государства той же Западной Европы. Вокруг проблемы «конца света в 2012 года» уже успела сложиться целая бизнес-индустрия, мастерски эксплуатирующая страхи и предрассудки массового сознания. Однако и научно-технократическое бодрчество, типа того, что в мире ничего особенно опасного не происходит, а все экологические и технократические катастрофы последних десятилетий — не более, чем следствие естественных изменений климата и усложнения техносферы, в свою очередь, не может вызвать ничего, кроме недоумения. Антропогенная дестабилизация биосферных процессов на всем пространстве земного шара, включая Антарктиду и Арктику, — это реальный факт, и считать человечество не виновным за разрушение своего природного дома — это все равно, что считать дровосека не виновным за деградацию лесного массива, который он вырубал десятилетиями. Тем более что многие последствия сказываются не сразу. Когда только начала развиваться атомная промышленность — кто знал, сколькими жертвами и бедами это обернется? Когда с научной эйфорией, достойной лучшего применения, ученые бросились механически тасовать геном живых существ — кто из них предвидел весь комплекс угроз, который возникнет из человеческого соблазна в одно мгновение породить новую форму жизни? Понятно, что человечество веками ждет конца света, а

он все не наступает и не наступает. Но это еще не основание считать, что глобальная катастрофа нашей цивилизации невозможна, ведь века — миг для истории планеты. Увы, такой печальный исход объективно весьма вероятен, в чем единодушны многие ученые из самых разных отраслей знания.

В этом этюде я бы хотел, избегая обывательских суеверий и ложного технократического оптимизма, рационально проанализировать некоторые события последнего времени, как те знаки, которые посылает окружающий мир, дабы в очередной и, не исключено, в последний раз предупредить нас о грозящих опасностях и, одновременно, напомнить о забытых ценностях. Я, естественно, буду исходить из вполне определенных философско-мировоззренческих предпосылок, а именно, что Космос, частью которого мы являемся, устроен справедливо и мудро, а наши человеческие разум и нравственная интуиция не возникли случайно из безжизненной и неразумной материи, а укоренены в Разумной Основе Вселенной, в свою очередь, нуждающейся в нашем свободном творчестве и нравственно ответственном деянии.

Можно, конечно, верить, что появление сознания и разума на Земле и в Космосе — всего лишь случайное стечение благоприятных физических условий и факторов, которые могли и не сложиться. Но есть один часто забываемый факт, который делает эту веру не более чем наивной верой: все наши рассуждения о физической Вселенной и ее законах, как и вообще любое рассуждение о внешних объектах, — исходят из первичной реальности сознания. Нам все дано только сквозь его призму; оно — необходимая и существенная предпосылка всех наших рассуждений о мире и самих себе. Мы не способны выскочить за пределы собственного сознания точно так же, как не может барон Мюнхгаузен вытащить самого себя за волосы из болота.

Из факта безусловной первичности сознания относительно любых его конкретных содержаний (что было четко зафиксировано уже Р. Декартом) можно, естественно, сделать разные философские выводы. Один из возможных фундаментальных ходов мысли состоит в том, чтобы признать: сознание столь же укоренено в физическом Космосе, сколь и Космос укоренен в нем. Эта касается не только нашего несовершенного челове-

ского сознания, но и сознаний гораздо более высокого уровня, способных, по-видимому, куда как к более мощной познавательной и конструктивной деятельности, нежели мы способны себе представить. У нас ведь и между людьми разница в качестве сознаний колоссальная, особенно если сравнить сознание В.И. Вернадского и П.А. Флоренского с сознанием какого-нибудь первобытного дикаря. Не буду далее обосновывать этот философский тезис, отсылая читателя к соответствующей монографии¹. Подчеркну только еще раз: вера в иерархию сознаний и разумность устройства Космоса гораздо более научна, чем иррациональная вера в его исходную неразумность и безжизненность. Следует вообще отказаться от совершенно ложного мнения, которое еще весьма распространено среди ученых, будто атеизм и скептицизм — это синонимы научности и рациональности.

Дело обстоит прямо противоположным образом, и в этом будет заключаться ключевой тезис моей статьи: именно иррационально-атеистическое отношение к Космосу как к первично безжизненной и лишенной сознания физической среде, равно как и безответственное отношение к материальным продуктам и живым актам собственной мысли, — породили тот тяжелейший цивилизационный кризис, свидетелями которого мы все являемся. Именно об этом говорят и те знаки-предупреждения последнего времени, о которых речь пойдет ниже. Но начну я свой анализ со страшного знака совсем другого рода — не иррационально-атеистического, а иррационально-религиозного, ведь тупиковые крайности, как известно, сходятся.

Знак 1. Террористические взрывы смертников на станциях «Лубянка» и «Парк культуры»

Я не буду, да и не в моей это компетенции, обсуждать проблемы международного терроризма, его причин и сопутствующих условий, а уж тем более — методов государственной борьбы с ним. Я лишь подчеркну некоторые знаковые вещи,

¹ Иванов А.В. Мир сознания. Барнаул, 2000.

касающиеся террористических взрывов в московском метро весной 2010²:

— взрывы в московском метро устроили совсем молодые женщины-вдовы, получившие хорошее образование и даже причастные к школьному воспитанию детей;

— родители (по крайней мере, отец одной из смертниц) знали, какую страшную вещь задумали их дети;

— женщины-смертницы перед преступлением молились, т.е. верили в высшую — нравственно-религиозную — санкционированность своего чудовищного деяния;

— наш информационный официоз в очередной раз отказался серьезно и публично обсудить давно назревший кантовский вопрос: как возможен сегодня воинствующий фанатизм, приводящий к массовым жертвам?

Во-первых, самоубийство вообще, а тем более самоубийство с убиением сотен безвинных людей, — это сам по себе колоссальный вызов человеческой природе и культуре. Если же смертница — женщина, т.е. мать-жизнедательница и хранительница устоев культуры, то это — тройной вызов основам человечности. Не пытаться системно и соборно разобраться, что стоит за взрывами смертниц в Москве, — значит быть соучастниками будущих потенциальных преступлений подобного рода. Как человек превращается в воинствующую нелюдь? Какими порочными идеями он зажигается, которые оказываются сильнее первичного инстинкта самосохранения и чувства сопричастности с другими людьми? Одними технологиями зомбирования и жаждой мести феномена «религиозного смертничества» не объяснить, как и не победить его чисто полицейскими методами.

Во-вторых, для меня темным знаком является принципиальная ориентация наших властей на физическое уничтожение террористов («мочение в сортире»), а не на их поимку, суд и справедливое публичное наказание. Непонятно, зачем нам в России повторять практику Израиля с его ветхозаветным принципом «око за око». Ничего, кроме яркого озлобления, у му-

² Конечно, есть события еще более знаковые в своей жути, типа трагедии в Беслане или взрывов зданий ВТО в Нью-Йорке, но они уже достаточно хорошо проанализированы.

сульманского населения это не вызывает. Почему у нас в России результаты должны быть иными? Из порочного круга крови, как известно, вырваться невозможно. Может быть, властям просто удобно переводить стрелки народного негодования с тупиковых реформ, напоминающих всенародный разор, на пресловутый терроризм, борьба с которым требует-де огромного государственного напряжения и финансовых расходов. Опять-таки очень удобно сплачивать разобщенный народ — нищего учителя с богатым Чубайсом — вокруг общего террористического врага. Чтобы убедить меня в ложности этих подозрений, власть должна продемонстрировать умение эффективно и в рамках закона противодействовать терроризму, а самое главное — системно бороться с его социальными, психологическими и религиозными корнями. А как с ними бороться, если нет гласного и всестороннего обсуждения проблемы, а одни сплошные фигуры умолчания и призывы не накалять ситуацию в обществе.

В-третьих, знаковой является вялая публичная реакция исламских кругов в нашей стране и за рубежом на феномен исламского терроризма-смертничества. А ведь это — прямой метафизический и моральный вызов исламу. При широкой географии религиозного террора в мире, фанатиков-смертников (а тем более — смертниц!) нет ни в христианстве, ни в индуизме, ни в иудаизме, ни тем более в буддизме. Исламской догматике многие европейские аналитики прямо вменяют в вину отсутствие запрета на убийство человека и тезис о возможности прямого попадания в исламский рай (с яствами и любвеобильными гуриями) для мужчин-мучеников, погибших за веру. Они избегают даже Страшного суда в конце времен. Что касается женщин, то в некоторых исламских источниках можно найти утверждения об ущербности их душ без души живого мужа. Если же женщина была при жизни правомерной мусульманкой, то может надеяться на вечное блаженство с мужем в раю. Отсюда мученическая гибель «черной вдовы» в битве с врагами ислама оказывается едва ли не самым предпочтительным вариантом завершения земного пути.

Понятно, что в богатейшем исламском идейном наследии есть совсем другие интерпретации сложных мест Корана и

прямое осуждение религиозного насилия, включая признание фанатика-смертника преступным самоубийцей. Самоубийство в исламе, как и в большинстве религий, является одним из самых страшных грехов. Но ведь надо обсуждать эти проблемы на телевидении — гласно и честно, с участием духовных исламских авторитетов. Пусть в этом публичном диалоге, где, конечно, недопустимо никакое оскорбление религиозных чувств верующих³, примут участие представители других конфессий, а также психологи и социологи, политики и религиоведы, представители разных религиозных общин. Известен старый психотерапевтический эффект: как только причины болезни начинают осознавать и проговаривать, она начинает отступать.

Важно также, чтобы публично и всеми религиозными конфессиями было зафиксировано: **подлинная религиозная вера несовместима ни с какими видами насилия, и никаких посмертных наград не может быть для изуверов, убивающих безвинных людей. Их ждут только адские муки и небытие, если посмертная жизнь существует.**

А она с высокой степенью вероятности существует, о чем свидетельствуют исследования людей, бывших в состоянии клинической смерти, а также многочисленные факты общения с существами иных слоев реальности. Причем таких фактов становится все больше и больше, и в этом нет никакой «дурной мистики». Напротив, в этих знаках «жизни после смерти» есть глубочайшая рациональность. Станным было бы обратное: если в Космосе, устроенном справедливо и мудро, люди не получали бы воздаяния по заслугам, а если не в этом — то в иных, более справедливых мирах. Кстати, псевдорационалистическое неверие в загробную жизнь базируется на двух основных предрассудках: а) я лично не вижу никакой загробной жизни и б) жизнь очевидно прекращается вместе со смертью физического тела человека.

Но из того, что чего-то не видишь лично ты и окружающие, еще совсем не следует, что этого не видят и не знают люди с более развитым сознанием. Многие способны созерцать вещи

³ Но при этом надо помнить, что о вере не спорят ровно до того момента, пока чьи-то религиозные верования не начинают оскорблять твои верования.

сквозь плотные предметы (явление проскопии), видеть в темноте, на ощупь определять цвета. Удивительными способностями сознания обладают гении. Моцарт, например, слышал всю симфонию сразу и целиком; глаз Леонардо безошибочно различал все завихрения воды, падающей в бассейн с высоты нескольких метров. Святым же праведникам и подвижникам, о чем свидетельствуют не только их жития, но и сотни очевидцев, непосредственно открываются иные слои реальности, пока просто недоступные для научного наблюдения. Правда, некоторые опыты с фотографией прямо фиксируют различные так называемые астральные сущности. Здесь надо вести дальнейшие экспериментальные исследования, приняв посылку, что подобные явления в природе возможны.

Что же касается мнения, будто наше сознание гибнет со смертью физического тела, то для этого надо сперва обосновать тезис, что его реальность напрямую зависит от физиологических процессов в теле и мозге. А она от них зависит, как известно, весьма косвенно, ибо «при участии» — вовсе не значит «по причине».

Если же мы признаем, что сознание — это нередуцируемая к материи идеально-информационная реальность, тогда смерть и недвижимость физического тела никак не будут свидетельствовать о его смерти. Тело может умереть, но сознание будет жить и действовать, опираясь на свои более тонкие материально-несущие основы, нежели физиологические процессы в мозге. Многочисленные исследования людей, находившихся в состоянии клинической смерти, говорят об их способности видеть свое умирающее тело со стороны и испытывать вполне определенный опыт посмертных состояний сознания. Это, в свою очередь, ставит вопрос о существовании особых материальных переносчиков явлений сознания, к изучению которых только-только подступает современная наука. Кстати, самоуверенный отказ некоторых ученых обсуждать «антинаучную» проблему жизни после смерти сам является антинаучным и иррациональным. Такой отказ только порождает волну псевдо-окультурных домыслов и спекуляций. Вместо ученых феномен жизни сознания после смерти будут «изучать» «гробовые», наживаясь на людской доверчивости и людском горе. Кстати,

связь Гробового с трагедией в Беслане — тоже знаковое явление.

К обоснованию тезиса о том, что наука может приобретать иррациональные черты и даже превращаться в магию, я вернусь чуть позже, а пока хочу зафиксировать ключевой вывод из страшного знака массового убийства безвинных людей в Московском метро: религиозному изуверству можно положить предел только путем его публичного и аргументированного развенчания совместными усилиями рациональной науки, рационально мыслящих деятелей Церкви и равнодушной общественности. Что же касается силового государственного ответа террористам, то любое неконтролируемое насилие вызовет лишь волну ответного насилия и появление новых «мучеников» за веру. Кровь рождает только кровь, как культ могил порождает лишь новые могилы.

Знак 2. Крушение самолета с польской элитой под Смоленском

Крушение самолета с политической и военной элитой Польши потрясло всех нормальных людей до глубины души. Сопереживание полякам — чувство естественное и искреннее. Иного и быть не могло, ведь мгновенная гибель такого количества высокопоставленных людей одной страны ужасна. Однако нравственное сопереживание трагедии польского народа соседствует с тайным, но стойким чувством не случайности произошедшего. Спрашивается: разве можно сплачивать нацию вокруг могил прошлого, принося в жертву исторической некрофии стратегические интересы будущего? Разве в угоду историческим обидам, пусть и имеющим основания, можно забывать о глубокой объективной потребности современных наций, тем более славянских, во взаимном доверии и уважении? Нельзя призывать к покаянию чужой народ, не будучи готовым покаяться самому. *При требовании покаяния от других никогда не оказывается победителей; одни проигравшие.* А ведь Катынское дело было, по сути, превращено польской политической элитой в пляску на костях, в какое-то совсем не христианское, а скорее языческое магическое камлание. Культ могил и мучеников словно притянул к ним новые могилы и новых му-

чеников. Возникшая сатанинская воронка потребовала новых человеческих жертв.

Я лично готов попросить у поляков прощения за то, что на наших русских землях без суда и тайно расстреляли польских офицеров и не требовать от них встречного покаяния за красноармейцев, расстрелянных, заморенных голодом и холодом в польских концлагерях в 1919-1920 годах. Однако у меня, как внука русского офицера, освобождавшего Польшу от фашистов и потерявшего там своих близких друзей, возникает один совершенно обоснованный вопрос: разве мы сотнями тысяч жизней, положенных ради спасения польской нации и польской культуры, стократно не искупили свою катынскую вину? Разве не кощунственно требовать от нас публичного покаяния, когда мы спасли от уничтожения их священный Краков? Случившееся — это индивидуальное и коллективное возмездие тем, кто забыл об исторической честности и благодарности, но, самое главное, — это указующий знак, из которого надо всем извлекать уроки, причем не только русским и полякам:

— за все несправедливости в этом справедливом мире приходится платить, причем страдают не только их непосредственные, но и косвенные виновники, и, по-видимому, нет абсолютно безвинных жертв. И коль скоро над порочными причинами прошлого, приводящими к трагическим последствиям сегодня, мы не властны; то не будем хотя бы плодить разрушительные причины в настоящем, дабы их ядовитые плоды не пожали потомки в будущем;

— нельзя превращать настоящее в орудие мести за прошлые — подлинные и мнимые — исторические обиды, равно как и прошлое недопустимо использовать для решения нынешних политических проблем;

— недопустимо нравственно судить своих и чужих предков. Мы должны быть им благодарны за сохранение жизни и культуры на Земле. Ответственное историческое сознание требует сильного понимания и объяснения исторических событий с обязательным извлечением личных моральных уроков. По самой высокой нравственной мерке нужно судить *самих себя* и не потворствовать *в настоящем* тому, что тебе не нравится в истории. Сегодня все клеймят сталинизм и рабское тотали-

тарное сознание, но чьи портреты висят в чиновничьих кабинетах по всей России?

— в истории взаимоотношений между народами ничего не следует скрывать и забывать, как бы это ни ущемляло национальное самолюбие. Но сознательный упор должен быть сделан на то, что взаимно сближало и вдохновляло, а не разъединяло народы. Разве в нашей совместной истории с поляками не было героической битвы при Грюнвальде в 1410 году, когда мы вместе отразили нашествие на славянские земли тевтонского ордена? Разве не было искренней человеческой симпатии и взаимного творческого восхищения у двух гениев наших национальных культур — Мицкевича и Пушкина? Они оказались способными переступить через ложную национальную гордыню, почему же этого не можем сделать мы? Разве не отогревали и не давали приют сосланным полякам мои земляки в Алтайском крае? О щедрости сибирской русской души не раз рассказывал тот же Войцех Ярузельский. Но разве воины Войска польского не положили свои жизни за освобождение нашей русской земли от фашистских оккупантов и не заслужили от нас вечной благодарной памяти?

В сущности, крушение польского самолета близ Смоленска должно напомнить всем враждующим и испытывающим взаимное недоверие народам о спасительной истине, когда-то высказанной русским философом С.Л. Франком. Он писал: «В ужасающей бойне, хаосе и бесчеловечности, царящих ныне в мире, победит в конечном счете тот, кто первым начнет прощать». *А ведь это была бы победа, где нет проигравших.*

Знак 3. Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС

Я, естественно, не собираюсь входить в технические причины этой ужасной катастрофы. Ими должны заниматься честные и независимые профессионалы. Моя задача совсем в другом. Саяно-Шушенская ГЭС была едва ли не последним советским гигантским энергетическим проектом, разрекламированным как чудо инженерно-технической мысли. Ради ее огромных потенциальных мегаватт были уничтожены тысячи культурных памятников и наскальных рисунков разных эпох, расположенных в долине Енисея; нарушен гидрологический режим реки, повреждена вся экосистема региона. Строители и

конструкторы, как всегда, убеждали народ в абсолютной безопасности станции, в том, что все просчитано, продумано и находится под контролем. И что в итоге? Техногенная катастрофа с огромным количеством погибших, с весьма туманными перспективами возобновления работы станции, с сумасшедшими затратами на ее ремонт и, самое главное, непредсказуемым характером поведения реки, на которую набросили бетонную удавку. В результате нынешней суровой зимой возникла реальная угроза прорыва плотины, и пришлось спешно пробивать отводные каналы для отвода паводковых вод. Не слишком ли высокая плата за технократическое самомнение, за корыстолюбие ее владельцев, за бездумное и безответственное вторжение в естественные экосистемы, обладающие, как сегодня выясняется, ценностью гораздо более высокой, чем все техногенные объекты, построенные на них?

Разве все это — не зримый предупреждающий знак для Русгидро и всего нашего правительства, которые с упорством, достойным лучшего применения, собираются сегодня возводить огромные Эвенкийскую и Богучанскую ГЭС, несколько раз предпринимали попытки вернуться к проекту Катунской (ныне Алтайской) ГЭС? Мало того, что в этом видится стойкое желание окончательно закрепить статус Сибири как колонии, но проглядывает абсолютная экологическая и культурная безответственность бизнеса и власти, которые ради барышей готовы пожертвовать нашими стратегическими сибирскими природными и рекреационными ресурсами. Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, на мой взгляд, совершенно недвусмысленно и знаково свидетельствует:

— нет сложных технических систем абсолютно безопасных, особенно если они связаны с механическим вторжением в сложные и хрупкие экосистемы. Перекрытие плотинами рек, особенно крупных, — это всегда потенциальная экологическая и социокультурная катастрофа, если вспомнить не только несчастный Енисей, но те же Волгу и Обь. Реки — это ведь не только энергоресурсы, но и вода для бытового потребления, и обиталище многих видов птиц и рыб, и место отдыха для миллионов граждан. Та же популяция пресноводных рыб в мире вдвое сократилась за последние четверть века. Реки — это еще

и важнейшая часть культурного ландшафта России, вдоль которых расселялись наши предки, строили на высоких берегах городища и храмы. Реки синевой своих вод вдохновляли сотни художников, композиторов и поэтов. Но ведь русские реки — это в буквальном смысле слова становые жилы нашего евразийского пространства. Они вместе с током вод переносят и огромное количество информации, которая может быть созидательной, но может быть и разрушительной. К анализу этой их функции только-только подступает современная наука. Те же алтайцы и русские староверы были убеждены, что воды Катунь несут талые воды с ледников, благие для человеческих тел и душ. Вихревые воздушные кольца, прокатывающиеся вдоль всего русла этой священной алтайской реки, физически ощущаются сотнями людей как очищающие и лечащие их организм. Разве все это можно измерить в мегаваттах и рублях, и разве за отказ от истинного и вечного ради суетного и ложного не справедливо следует кара?

— ставка сегодня должна быть сделана не на эскалацию энергетической гигантомании — технологического реликта XX века, а на комплексное развитие технологий нетрадиционной энергетики и энергосбережения. Это должно стать государственным приоритетом в области высоких технологий. Вместо сумасшедших денег, отданных на весьма сомнительные нанотехнологии, которые по старой привычке проест Чубайс, лучше бы создали в Сибири на базе Новосибирского Академгородка всероссийский инновационный центр по разработке и внедрению объектов нетрадиционной энергетики с соответствующим льготным законодательством. Это ведь национальный позор, что в сфере использования энергии малых водных потоков, солнца, ветра, биогаза мы находимся едва ли не позади планеты всей. В том же Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, граничащем с Республикой Алтай, нетрадиционная энергетика — самая динамично развивающаяся инновационная отрасль, гордость всех китайских технопарков. Она, по свидетельствам самих китайцев, экономически рентабельна и предельно наукоемка, способствует самому эффективному сращиванию науки и образования с бизнесом, повышает общую культуру и экологическую ответственность бытовых и промышлен-

ных потребителей, исключает разворовывание государственных средств в ходе крупных земляных и прочих работ.

Словом, Саяно-Шушенская ГЭС — знак того, чего нельзя делать с природой и в каком направлении должна позитивно эволюционировать созданная нами техносфера. Она — призвана служить гармоничному воспроизводству природных и социальных условий бытия, а также интересам всестороннего развития самого человека.

Знак 4. Землетрясение на Гаити

Масштабы катастрофы на Гаити, случившейся после январского землетрясения 2010 года, с трудом укладываются в голове: свыше 230 тысяч погибших и полностью разрушенная инфраструктура страны. Люди, и без того бедные, в одно мгновение лишились и того малого, что имели. При этом поразили три вещи:

- бессилие современной науки предсказывать подобные землетрясения с высокой степенью вероятности;

- неспособность развитых стран рационально организовать оказание гуманитарной помощи даже маленькой стране, подвергшейся тотальному разрушению;

- «дар» современного «информационного» общества забывать о страшных человеческих трагедиях уже через несколько недель. Так быстро забывает о боли собачка, захваченная новым внешним стимулом.

При этом попробуйте представить, уважаемый читатель, что бы творилось в нашем мире, если бы одновременно в разных концах Земли случилось «три Гаити» или, не дай Бог, подобное землетрясение произошло бы в сытых Европе или США. Гаитяне — те хоть привыкли довольствоваться малым, но вот что будет с привыкшими к теплым туалетами и ежедневному душу жителями «цивилизованных государств»? В чем они обретут новый смысл своего существования? Насколько быстро хваленый цивилизованный и толерантный западный человек превращается в двуногого зверя — свидетельствуют события в Новом Орлеане, когда его затопило. Кстати, нормальная жизнь в этом злосчастном городе полностью не восстановлена до сих пор.

А ведь налицо общая дестабилизация земного климата и нарастающее от года к году число природных и техногенных катастроф во всех частях Земли. В этом плане Гаити — разве не предупреждающий знак того, что трагедия может воспроизвестись в гораздо больших масштабах, и разве не повод, чтобы вновь серьезно задуматься на старыми вопросами:

— ради чего живет человек на Земле: ради славы, власти, комфорта и удовольствий или ради совершенствования и творчества — в мире с другими людьми и с природными стихиями?

— не являются ли природные катастрофы таких масштабов вовсе не случайностью, а возмездием за наши дурные деяния, порочные помыслы и сугубо плотские жизненные устремления, и не служит ли созданная нами агрессивная и бездушная мировая информационная среда активным источником природных и техногенных катастроф?

— мы существуем на тоненькой плотной пленочке толщиной в несколько десятков километров, а под ногами у нас кипит смертоносная магма и пульсирует ядро Земли, о законах жизни которых ученые только догадываются, а обыватели даже не задумываются. Но не провоцируем ли мы сами ситуацию глобального природного апокалипсиса, когда катастрофы, подобные гаитянской, станут происходить повсюду и непрерывной чередой, ведь объективная статистика увеличения частоты и силы природных аномалий за последние полвека свидетельствует именно об этом?

Я не собираюсь давать здесь ответы на эти вопросы. Они сложны и заслуживают обстоятельного обсуждения и, самое главное, конкретных научных экспериментов. Другое дело, что непосредственное воздействие наших мыслей на окружающие природные формы (те же растения и воду) — это сегодня безусловный научный факт, имеющий многочисленные экспериментальные подтверждения. Главная задача теперь заключается в том, чтобы экспериментально обнаружить и теоретически осмыслить ту незримую реальность Космоса, которая переносит и аккумулирует эти психические воздействия. Не случайно, по-видимому, в наиболее глубоких научно-философских и религиозных концепциях XIX-XX веков высказывается гипотеза о существовании *психической энергии*, лежащей в фундаменте

эволюции нашей Вселенной и неразрывно связанной с человеком. Научное признание, познание и практическое освоение этой энергии является, возможно, одной из насущнейших задач нынешнего исторического момента. Здесь же, не исключено, откроются и принципиально иные горизонты для эволюции нашей техносферы, призванной безусловно хранить потенциал нашей биосферы и, одновременно, существенно расширять наши творческие возможности. Но мы от понимания сущности этой энергии и ее практического использования пока, увы, весьма далеки. Здесь я перехожу еще к одному знаковому событию весны 2010 года.

Знак 5. Извержение вулкана в Исландии: атрофия предсказательных и эскалация магических черт современной науки

Малозначительное извержение вулкана в Исландии, которое первоначально никто всерьез и не воспринял, очень скоро превратилось в настоящую катастрофу для авиационных перевозок и для миллионов людей. За несколько апрельских дней 2010 года авиапредприятия понесли убытки, каких еще не знали в своей истории. А в каких суммах измерить проблемы и переживания людей, запертых в аэропортах? Техника в очередной раз оказалась бессильной и уязвимой перед лицом природных стихий. И, что очень показательно, — никто из специалистов толком предсказать этого не смог. Правы В.И. Бояринцев, А.Н. Самарин и Л.Н. Фионова, которые в своей статье «Кто в доме хозяин?» констатируют: «Самолеты, застывшие в аэропортах всего мира — это не просто мировой транспортный коллапс. Это — знак природы, которая показывает человеку, кто на планете главный»^{*}.

Можно задать в этой связи и более общий вопрос: не слишком ли много непредсказуемости в наших отношениях с природой и с творениями собственных рук, чтобы мы самоуверенно начинали рассуждать про всякие там «информационные» и «постиндустриальные» общества? **Надо честно признаться: от статуса господина природы человек сегодня даже дальше, чем сто лет назад.** Там хотя бы не было такой безумной и

^{*} www.za-nauku.ru/index/php?option

массовой потребительской ориентации жизни, и люди хоть перед чем-то еще благоговели. Не было там сомнительных технологических и экономических экспериментов глобального характера. Предсказательные возможности нашей науки выросли за это время также минимально, несмотря на создание многочисленных и дорогих станций наблюдения, лабораторий, научно-аналитических и прогностических институтов.

Знаменательно: самые важные события последнего времени наука предсказать не сумела. Глобальный экономический кризис осени 2008 специалисты предсказать не смогли; землетрясение на Гаити и катастрофу на Саяно-Шушенской ГЭС — тоже. Последствий извержения вулкана в Исландии не просчитали, по поводу возможных последствий экспериментов на адронном коллайдере полемизируют сами физики. Совершенно неожиданными оказались для человечества факты нарастающей наркотической зависимости человека от электронных игр, от дисплея компьютера, от футбола, хоккея и прочих адреналиновых вливаний. Столь же непредсказуемыми эффектами чреваты наши биотехнологические игрища, о чем речь пойдет чуть ниже. Но зато **современная наука начинает парадоксальным образом все больше напоминать черную магию**, о чем, кстати, предупреждали наиболее дальновидные мыслители России и Европы еще в начале прошлого века: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский — у нас; Э. Кассирер и К.С. Льюис — на Западе.

Сущность магии, как известно, состоит в том, чтобы посредством конечной системы действий или словесных формул добиться чудесных практических результатов — контроля над людьми и природными стихиями, богатства, бессмертия, уничтожения врагов и т.д. Но разве не духом магии веет от изощренных словесных и визуальных манипуляций сознанием людей, с чем мы ежедневно сталкиваемся в средствах массовой информации; от попыток путем механических перетасовок генома добиться изменения свойств целостного организма в желаемом направлении, а посредством перекомбинаций атомов на микроуровне — получать вещества с какими угодно заданными свойствами. Мир природы и человеческого сознания здесь уподобляются конструктору, где можно произвольно и безнака-

занно менять и комбинировать детали; а, влияя на часть, магически изменять свойства целого. Само слово «технология» в последнее время приобрело особую магическую популярность и привлекательность для общественного сознания, причем именно в своем магическом — манипулятивном и ритуальном — смысле. А сорное словосочетание «как бы», которым буквально отравлено языковое сознание россиян (это отлично знакомо любому педагогу!), — разве оно бессознательно не свидетельствует об иррационально-магической аберрации зрения, когда утрачиваются грани между мнимым и реальным, дозволенным и недозволенным, истинным и ложным, созиданием и разрушением?

И ведь практически не обсуждаются важнейшие вопросы о том, какой хаос и информационно-структурную дезорганизацию могут порождать такие мертво-механические вторжения в целостные живые системы. А ведь факты вопиют: клонированная овечка Долли отличалась неестественной агрессивностью и быстро состарилась; генетически модифицированные продукты питания вызывают аллергические реакции у людей. Лабораторные опыты по систематическому кормлению крыс генетически модифицированной соей, проведенные д.б.н. И.В. Ермаковой, дали и вовсе настораживающие результаты: подопытные животные уменьшались в размерах и в конце концов теряли репродуктивные способности. Какой веер этических, социальных и экзистенциальных проблем породили операции по перемене пола и пересадке органов, искусственному омоложению и суррогатному материнству — о том свидетельствует огромная современная литература по проблемам биоэтики.

Здесь глубоко иррациональна и магична сама безудержная готовность тысяч и тысяч ученых из-за денег, славы или простого безответственного любопытства пускаться в **смертельно опасное экспериментирование над жизнью**. Иррациональный естествоиспытатель похож на маленького мальчика, нашедшего боевую гранату и расковыривающего ее гвоздиком. «Современный человек плохо знает природу развиваемых им технических средств цивилизации, — справедливо писал еще Н.А. Бердяев. — Магическая природа этих технических сил ос-

тается закрытой для современного человека. Создается магическая среда, заколдовывающая душу человека... В колоссальной технической цивилизации точно выпущены на свободу злые демоны, мстящие падшему человеку за его царственное притязание»⁴.

В подтверждение этих слов мы сталкиваемся сегодня с примерами уже не просто научно-магического отношения к миру, а с фактами **откровенной черной магии и некрофилии**. Таково замораживание мозга богатых клиентов в американских клиниках (а сегодня уже и у нас!) с целью их «воскресения» в будущем; таковы настойчивые попытки механическим путем, обманывая природу, продлить человеческую жизнь до нескольких сотен лет, нейтрализовав «ген старения» или, наоборот, выведя из рецессивного состояния «ген бессмертия». При этом элементарное логическое промысливание подобных «научных» экспериментов быстро обнаруживает их иррациональный и античеловеческий характер. На миг представьте себе человека нашего времени, воскресшего лет через 60-70 среди своих внуков и правнуков в совершенно новом технологическом и социокультурном контексте. Что кроме насмешек и недоумения его ожидает? Чему сможет научить он своих потомков, кроме ненасытной любви к собственному телу? Или вообразите, что человек сможет жить до 200-500 лет. Спрашивается: куда ему торопиться, что может стимулировать его творческие способности, что способно придать остроту и интенсивность его личному бытию, коль скоро смерть — эта величайшая из жизненных погонщиц — отодвинута почти что в вечность? И что делать детям и внукам, если все рабочие места давно заняты бабушками и прабабушками? И зачем вообще нужны дети — обуза и вызов обществу этих наслаждающихся жизнью нетленных мертвецов? Можно слышать аргумент, что, живя так долго, человек сумеет сполна реализовать свои творческие планы. Но сполна реализуют творческие замыслы на Земле те, кто «жить торопится и чувствовать спешит». А здесь-то человеку куда и зачем торопиться?

На мой взгляд, действенным противоядием эскалации научного иррационализма (или антинауки) могут стать, во-

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 495.

первых, трезвое, без ложной научно-атеистической гордыни, обращение к религиозному опыту понимания мира и человека⁵, где магические соблазны и бесовские прелести были давно и системно осмыслены; во-вторых, широкое обсуждение и принятие **этических критериев рациональной научной деятельности**, выступающих органическим дополнением логико-методологических критериев рациональности научного знания. Специально хочу подчеркнуть, что эти этические критерии рациональности должны прилагаться и к фундаментальным, и к прикладным исследованиям. Ведь сама предметность современного фундаментального знания часто не является этически нейтральной (человеческий геном, здоровье, сознание), а антинаучно могут вести себя и маститые академики, создавая разного рода инквизиционные общества по борьбе с лженаукой, но, в конечном счете, защищающие свои собственные научные и мировоззренческие предрассудки. К таким этическим критериям научно-рациональной деятельности в самом первом приближении и, не претендуя на их исчерпывающий характер, я бы отнес недопустимость:

— априорных запретов на признание существования неисследованных процессов и явлений в мире, типа той же психической энергии, жизни после смерти, инфернальных бесовских сущностей или феномена одержания. Дело науки искать рациональные объяснения загадочным явлениям бытия, сколь бы необычными они нам ни казались. Явления и идеи, которые кажутся сегодня совершенно иррациональными и невозможными завтра часто становятся тривиальными. Так, для любого ученого XVII–XIX веков абсурдной выглядела даже сама идея делимости атома, а Лобачевского чуть ли не в лицо называли сумасшедшим за идею неевклидовых геометрий;

— ценностных квалифицирующих суждений (типа «лжетеория», «шарлатан», «псевдонаука») относительно конкретных

⁵ Упорствующим атеистам хотелось бы посоветовать более серьезно задуматься над простым вопросом: как могут ложные представления о посмертном бытии и физической мощи духовных актов сознания устойчиво воспроизводиться в течение тысячелетий в совершенно разных культурах и в разных регионах Земли? Здесь сплошь и рядом мы сталкиваемся с типичным ложным рассуждением: если тебе лично нечто не дано или не нравится, то это нечто объявляется ложным или несуществующим.

ученых, существующих научных теорий или школ. Если взгляды научных оппонентов сомнительны или ложны — приведите соответствующие экспериментальные факты и теоретические аргументы, но воздержитесь от наклеивания ярлыков;

— сознательного сокрытия от научной общественности возможных опасных и разрушительных последствий проводимых научных исследований и экспериментов;

— утаивания истинных и выдачу за действительные желаемых научных результатов, особенно если это связано с проблемами здоровья и продлением жизни человека.

И, наконец, надо честно признаться: современные ученые, а не только безответственные власть и бизнес, несут прямую этическую ответственность за нынешнее нарастание стихийных возмущений в биосфере. Во многом их темно-магическими усилиями выводятся из равновесия природные стихии. Воистину, самое разрушительное, что только может быть на Земле — это циничный и бездушный интеллектуал без святынь, без чести и без совести. Он не столь уж и далек от религиозного фанатика-смертника, разве что разрушительные последствия его опытов проявляются опосредствованно и не всегда сразу.

Однако угроза внешнего апокалиптического сценария — еще цветочки по сравнению с **возможностью апокалипсиса внутри нас, к чему наука тоже приложила руку.**

Знак 6. Индонезийский рыбак с корнями вместо конечностей

Информационные агентства всего мира распространили фото- и видеоматериалы об индонезийском рыбаке Деде, у которого после раны на колене руки и ноги стали постепенно превращаться в древовидные образования. Выяснилось, что поранился он на поле с генетически модифицированными объектами, и у него была нарушена антивирусная защита организма. В результате хорошо известный вирус папилломы стал бесконтрольно развиваться в его организме и принял столь пугающую форму*. Есть и другие факты, аналогичные приведенному, когда трансгенные объекты, созданные человеком, ведут себя агрессивно: проникают в другие организмы и начинают активно

* www.medgazeta.info/article/813

использовать их биологические ресурсы ради собственного выживания. Показательным случаем стало регулярное вырезание в руке женщины иголки от кактуса. Будучи удаленной хирургическим путем, иголка через некоторое время появляется снова. Оказывается эта женщина однажды укололась генетически модифицированным кактусом.

Подобные знаки, быть может, самые зловещие из всех. Они требуют тщательного и гласного научного исследования и обсуждения. Слишком уж опасным выглядят забвение тех фундаментальных функций, которые призван выполнять человек — хранитель и пастырь земного бытия — относительно низших форм жизни в биосфере. Как иерархически высшее начало на Земле, он обязан разумно и ответственно управлять низшими созданиями природы: сохранять существующее биологическое разнообразие и естественные биогеоценозы, проявлять силой своего разума скрытый эволюционный потенциал ландшафтов и существующих биологических форм. Он этим с большим или меньшим успехом занимался в течение тысячелетий, выводя естественным путем новые породы домашних растений и животных, засевая поля и выступая мощным фактором эволюции биосферы.

Человек — худо-бедно — всегда являлся и пока еще является разумным управляющим началом относительно жизни собственного тела, где есть и минеральные, и растительные, и животные формы — те же вирусы и бактерии. Известно, что здоровье и творческое долголетие зависят не только от наследственности, состояния окружающей среды, правильных физических действий и питания, но в очень значительной степени от нашего состояния духа — бодрости, оптимизма, постоянных интеллектуальных усилий и нравственности помыслов. Колоссальный эмпирический материал о жизни святых всех мировых религий, который был собран нашим великим социологом П.А. Сорокиным, неопровержимо свидетельствует: физическое здоровье тела, продолжительность и качество жизни человека напрямую зависят от состояния его духа. Так, святые, многие из которых подвергались гонениям и пыткам, пребывали в тяжелых бытовых условиях и практиковали аскезу, — тем не ме-

нее жили даже дольше, чем современные американцы⁶. Известно также, что раны у бойцов победившей армии заживают быстрее, чем у побежденных, а количество заболеваний в материально благополучной, но психологически дестабилизированной стране возрастает многократно. Фактом является, что наши солдаты на фронтах Великой отечественной войны мало болели обычными болезнями, а вот в условиях нашей злосчастной перестройки, наоборот, заболеваемость возросла многократно.

Все это заставляет признать, что современные люди попросту **забыли о своих обязанностях относительно всего живого на Земле. И это забвение смертельно опасно в первую очередь для них самих — их психического и физического здоровья.** Так, биотехнологическая погоня за *нужными для человека* свойствами биологических объектов приводит к утрате веками шлифовавшейся целостности их бытия, к внутренней энергетической и информационной разбалансировке, а также к выключению их из органической связи с внешними природными объектами и системами. Таким образом, высшие управляющие системы в лице человека не просто отказываются от выполнения своих разумных созидательных и контролирующих функций, но начинают самовольно творить в природе насилие и произвол.

Что происходит в обществе, когда «верхи» издеваются над собственным народом и существуют только ради самих себя? Правильно: они рано или поздно провоцируют народный бунт, «бессмысленный и беспощадный». По-видимому, в природе дело обстоит точно так же, и «низшее» в лице вирусов, бактерий, животных и растительных клеток нашего организма, а также генетически модифицированных объектов (этаких биологических уродцев-компрачи́ков из романа В. Гюго «Человек, который смеется») устраивает бессознательный бунт против «высшего», т.е. против человека-личности, переставшего быть ответственным хозяином. При этом низшее, бунтуя, начинает жить по собственным законам, обеспечивая свою выжи-

⁶ См. знаменитые исследования П.А. Сорокина по созидательному альтруизму в 50-ые годы прошлого века. С их итогами можно ознакомиться по его очень поучительной автобиографии: Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.

ваемость и воспроизводство за счет жизненных сил высших организмов. Об этом говорит агрессивность, с которой ведут себя в природе и в нашем теле многие искусственно и безответственно созданные нами трансгенные биологические структуры. Об этом же говорит бесконтрольное деление раковых клеток и возможность пробуждения доселе спящей наследственной памяти у низших клеток нашего организма. Если учесть, что онтогенез человеческого организма повторяет филогенез, то совсем не фантастикой выглядит предположение, что в скором времени, в результате искусственного нарушения эволюционно сложившихся корреляционных связей в геноме, у людей начнут расти не только корни вместо рук, но и клешни рака, и членики насекомых.

А ведь еще ведутся эксперименты по вживлению в организм человека электронных чипов; по изготовлению генномодифицированных медицинских препаратов из клеточных структур свиньи, весьма близких по структуре к клетке человека; по использованию в медицинских целях тканей человеческих зародышей, изъятых в результате абортов и т.д. Во всех этих «научных» экспериментах присутствует какая-то потрясающая духовная ограниченность и безответственность — действительно типичная черная магия, расплачиваться за которую придется всем. Фанатизм ученых здесь, действительно, оказывается сильно похожим на фанатизм религиозных фанатиков-террористов. Там — прямо насилюют людей; здесь — природу, но косвенно — и самого человека.

Правда, можно со стопроцентной уверенностью предположить, что если эти жуткие сценарии — не дай Бог — и впрямь начнут массово сбываться, то практически подтвердится древняя и вечная истина, на которой настаивали все по-настоящему глубокие религиозно-философские учения Востока и Запада: **внутренним иммунитетом против генно-спровоцированных антропологических кошмаров и внешних природных катастроф будут обладать именно духовные люди, отличающиеся нравственным образом мыслей и действий, способные к жертве ради других и органически неспособные сделать подлость ближнему.** Именно они-то и воплощают подлинно разумное отношение не только к себе подобным, но эталонное

отношение высшего по отношению к низшему, когда ясные и светоносные информационные импульсы, идущие от человеческого сознания, способны гармонизировать внутренние и внешние природные процессы и стихии. Тогда-то и станет очевидным, говоря языком В.С. Соловьева, безусловное преимущество невидимой силы мирового добра над видимым господством мирового зла⁷. Кстати, история мировых религий безусловно подтверждает благотворное воздействие тех же святых на окружающие природные формы. Лучшие розы в России, между прочим, росли в Оптиной пустыни, а урожайность монашеских огородов и парников на тех же Соловках была исключительной.

Но, конечно, очень хочется, чтобы люди вовремя опомнились и, избежав роковых сценариев, начали вновь и сознательно выполнять в биосфере свои созидательные пасторские функции — на благо и себе, и всем остальным живым существам планеты. А начинать всем действовать можно уже сейчас, начиная совсем с малого — хотя бы лично не сквернословить и не мусорить вокруг себя; а соборно — не давать нуворишам и технократам осквернять наши национальные святыни, а обезумевшей власти — разваливать науку, культуру и образование. Атрибут духовного человека — это еще и активное противостояние злу. Без «противления злу силою» — силою не оружия и хулы, а коллективного протеста и гражданского неповиновения — знаки последних времен грозят превратиться в зримую инфернальную реальность. Увы, один зловещий знак такой реальностью уже стал, и теперь непонятно, что с ним делать.

Знак 7. Московское Сити

Я имею в виду огромный черно-серый Сити, вздыбившийся над Москвой почти в самом ее центре. Он — типичное инородное тело, механически имплантированное в столицу. Этот кусочек одного культурного генома, встроенный в совсем другой культурный геном. Геометрически правильные формы зданий Сити образуют вопиющий контраст с ажурными слоями и шпилями тех же сталинских высотных домов, некогда безусловно украсивших столицу. Для меня, вся молодость которого

⁷ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1988. С. 303.

прошла в стенах Московского университета и для которого панорама Москвы с Ленинских гор — одно из самых дорогих воспоминаний, лужковский Сити наглядно воплощает то, что сделали с моей страной за последние двадцать лет.

Тьма невежества и корысти вытеснила свет истины и ценность бескорыстия. Произвол бесконтрольных властей и нуворишей породил массу безобразных вещей и явлений, типа безработицы, биржевых и банковских спекуляций, бомжевания, коррупции, публичного унижения культуры, науки, образования. Нудная болтовня о демократии прикрывает абсолютное нежелание власти прислушиваться к критике и учитывать мнение собственного народа. Купеческий пьяный размах нашего бизнеса и примкнувшей к нему богемы плодит чудовищную художественную безвкусицу и инфернальщину. Одни телесериалы чего стоят. А есть еще обильно подкармливаемая научная магия и информационная бесовщина с экстрасенсами и ведьмами в третьем поколении. Есть полное забвение русской провинции и всей России азиатской, о чем мне уже доводилось писать. Есть, наконец, каждодневное властное вранье с экранов телевизоров. Последний штрих — лживое заявление одного из лидеров страны, что население Сибири-де растет, хотя тот же Алтайский край ежегодно теряет несколько тысяч рабочих рук.

Московское Сити и есть наглядная демонстрация художественной безвкусицы, презрения к культурным традициям страны, морального произвола, буржуйского куража и общей предельной бездарности правящего режима.

Московское Сити — зримая реальность наступления последних времен. Слава Богу, что парит над столицей белое здание Московского университета — живого символа научных и образовательных достижений нашей страны. А еще стоит, как незыблемая твердыня нашей духовности, Троице-Сергиева Лавра. И живы пока еще русский север с Валаамом и Соловками, Валдай с истоками Волги, Байкал, Алтай и многие другие наши культурные и природные святыни. Но, значит, у нас есть еще достаточно духовных и природных сил, чтобы не кануть в последние времена, а выйти из них к новым историческим высотам.

Этюд 2. Деглобализация как мировая тенденция

Термин «глобализация» — одна из самых распространенных мифологем, магически завораживающих сознание современного человека. При этом часто даже не удосуживаются, во-первых, усомниться в объективности и необходимости, а тем более — в созидательном характере многих процессов, которые являются сегодня глобальными; и, во-вторых, обратить внимание на не менее очевидную тенденцию *деглобализации* современного мира, являющуюся следствием как раз тупикового характера нынешней стратегии «глобализации». Деглобализационные явления заслуживают того, чтобы по меньшей мере провести их инвентаризацию.

Под деглобализацией я буду понимать процессы, которые не объединяют, а, напротив, раскалывают, фрагментаризируют мировую культуру, социум и внутренний мир современного человека, релятивизируют систему его ценностей (особенно моральных), плюрализизируют научное и художественное сознание в духе постмодернистской игровой установки. **Деглобализация — это явный и неявный дух обособления, размежевания и распада, пронизывающий современную цивилизацию наподобие многочисленных трещин в весеннем льду.**

Начну с того, что мир идейно расколот на сторонников и ярых противников современной глобализации, и никакие попытки сгладить это основное противоречие эпохи (в том числе общей задачей борьбы с терроризмом) успехом не увенчались. Кстати, само явление международного терроризма — тоже зримый знак деглобализации, жесткого геополитического и социального размежевания мира по осям «богатый север — нищий юг» и «передовой Запад — ретроградный Восток». Неприятие нынешних глобальных правил экономической игры и политики западных стран в целом — отличительная черта умонастроений у миллионов жителей Азии, Африки и особенно Латинской Америки. Их радикальным и ложным проявлением как раз и является терроризм.

Глобалистским мифом оказалась также концепция «плавильного тигля» наций, образцовым воплощением которого представлялись США. Однако выковать там бескорневого

«общечеловека» так и не удалось, как не удалось создать в СССР денационализированного «советского человека». Сегодня трещины и конфликты между религиозными и этническими общностями внутри самого Западного мира только ширятся. Произошла даже своеобразная реколонизация Европы турками, арабами, неграми, китайцами и другими бывшими колониальными народами, где массовая иммиграция не привела к их естественному вливанию в «семью европейских народов», а, напротив, перенесла «конфликт цивилизаций» извне — непосредственно на саму европейскую социальную и культурную почву. По мере неизбежного углубления экологической нестабильности и ухудшения качества жизни в странах Запада этнорелигиозное противостояние там будет только нарастать, а там недалеко и до гоббсовской «вражды всех против всех».

Социальная деглобализация в виде атомизации общества и взаимного отчуждения людей на работе и в быту также не сгладилась со времен Маркса, а лишь обострилась. Она повсеместна и в богатых странах, и в слаборазвитых, влившихся в глобальный мир. Россия — не исключение. Символ социальной деглобализации — решетки на окнах у основной массы людей и высокие заборы с охраной у глобалистской псевдоэлиты. А есть еще новый тип «глобалистского» рабочего места, повсеместно внедряемого сегодня в Москве и уже проникающего на российскую периферию. Это — персональный компьютер в замкнутой стеклянной конторке размером метр на метр и с камерами слежения за работниками. За любой лишний разговор или перекур немедленно следуют штрафные санкции со стороны администрации. Поощряются доносы работников друг на друга и искусственно разжигаемая конкуренция между ними параллельно с культивированием тоталитарной верности фирме и профессии, где особую роль играют корпоративные «тусовки». Кстати, времяпровождение свободного времени в кафе и на дискотеках — тоже зримый знак атомизации общества, особенно в молодежной среде. В кафе можно «оттянуться» после изматывающей работы и подменить подлинное общение его суррогатом. Беспорядочные половые связи и огромное количество разводов среди молодых семей, нарастающее отчуж-

дение между поколениями — также зримые знаки социального распада и размежевания.

Даже развивающаяся сумасшедшими темпами информационно-техническая инфраструктура общественной жизни, тот же Интернет — вроде бы неоспоримый факт превращения мира в глобальное целое и предмет бурных технократических восторгов — порождает массу вопросов и скептических суждений. Разве человек, предпочитающий общаться с миром через Интернет и чурающийся живого общения, не персонифицирует деглобализационные тенденции в их социально-психологической ипостаси? А прогрессирующая у детей и молодежи неспособность к линейно-дискурсивному логическому мышлению и формирование разорванного «клипово-файлового» сознания — разве не свидетельства экзистенциальной раздробленности человеческого существа, превращения его в бездумного «глобочеловека»-потребителя, занятого поиском все новых общений, удовольствий и, естественно, новой информации. «Культ новизны» — это настоящее проклятие современного мира, где люди начисто забывают, что делалось и писалось вчера, что делают и пишут рядом представители иных профессий, социальных групп, а уж тем более — религий, стран, народов и континентов. И разве сам по себе Интернет — не символ информационной свалки, где все механически перемешано и свалено в кучу: нужное и ненужное, важное и суетное, истинное и ложное, прекрасное и безобразное, возвышающее душу человека и опускающее ее в мерзость и тьму. **Нынешняя глобализация — это не достижение целостности и гармонии мира, а именно свалка, движение ко все большей бесструктурности и хаосу геополитических, социальных, этнокультурных, информационных и межличностных отношений, где неизбежный антропологический итог — телесный и душевный распад самого человека, точно зафиксированный философией и практикой постмодерна.**

Нынешний глобальный мир, с тупой покорностью принятый Россией, — это мир, в сущности, антикосмичный, антисоборный и антисофийный, что, кстати, остро осознается западной культурной элитой, все чаще обращающей взор на Восток и на Россию в поисках свежих идей и моделей существования.

Возможно, нарисованная здесь картина и несколько утрирована, но нужна, действительно, смена вех, интеллектуальный и культурный поворот, который обеспечил бы переход **к новому типу цивилизации, которую я вместе с моими коллегами склонен называть «духовно-экологической»** в противовес ныне господствующей цивилизации техногенно-потребительского типа⁸. Это, естественно, означает не отказ от научно-технического прогресса, не идиллический руссоизм, а кардинальную смену ценностных ориентиров и приоритетов.

Один из реальных механизмов перехода к духовно-экологической стратегии развития — сохранение и рачительное хозяйственное использование потенциала уникальных биосферных и полиэтнических регионов, типа Большого Алтая, а также региональная международная интеграция «снизу», с опорой на исторические традиции сотрудничества народов и в интересах всех субъектов, вступающих во взаимодействие. На том же Алтае уже восьмой год довольно успешно действует Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай», объединяющий власть, науку и общественные организации из приграничных районов России, Казахстана, Китая и Монголии. В социально-экономическом плане реальной объединяющей силой, противостоящей деглобализационным процессам, является многоуровневая кооперация, особенно в сельском хозяйстве, малом и среднем бизнесе. Еще М.И. Туган-Барановский отмечал, что кооперативная собственность и многообразные формы хозяйственной кооперации являются оптимальными формами преодоления пороков и частной, и государственной форм собственности. Позднее эти идеи были практически развиты у нас А.В. Чаяновым и Н.Д. Кондратьевым. Об этом мы еще подробно поговорим ниже.

Что же касается идейных приоритетов, то, на мой взгляд, полезно возвратиться ко всему богатству отечественной философской мысли, особенно к следующим ключевым ее ходам,

⁸ Более подробно о сущности этой новой цивилизации, предпосылках и механизмах ее становления см. в коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010.

ничуть не устаревшим, а, напротив, обнаружившим актуальность в свете современных деглобализационных тенденций:

— принцип соборной организации общественной и политической жизни, противостоящий и отечественному тоталитарному коллективизму, и западному индивидуализму;

— софийная трактовка природы человека и его хозяйства;

— интенция на органический синтез различных видов знания (идеал цельного знания в русской философии) с особым упором на сердце, как онтологическом и познавательном центре личности⁹;

— идея автотрофности и ноосферы В.И. Вернадского;

— евразийское понимание сущности России¹⁰;

— идея «власти святынь» (агиократии) П.И. Новгородцева¹¹.

Понятно, что данный список актуальных идей и тем русской философской мысли может быть и существенно расширен, и вызвать творческую полемику. Ясно также, что «возвращение к корням» не может быть механическим и искусственным, а уж тем более осуществляться в отрыве от накопленного к настоящему времени массива научных и философских знаний. Не должно означать это и какого-либо предвзятого отношения к европейской интеллектуальной традиции, которую нужно знать и активно использовать. Просто пора перестать философски комплексовать и все время спрашивать себя: «А что о нас подумает просвещенная философская Европа?» Европа о нас ничего не подумает, поскольку справедливо предпочитает не читать вторичные российские комментарии к собственным оригинальным текстам. Прав Н.С. Трубецкой: если мы хо-

⁹ Один из вариантов современной интерпретации темы Софии и темы сердца предложен автором в монографии: Иванов А.В. Мир сознания. Барнаул, 2000.

¹⁰ Об имманентной присущности евразийской установки всей отечественной культуре в целом см. статью автора: Иванов А.В. Евразийские ценности позднего Пушкина // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, №6, 2006. Общий взгляд на евразийскую идею и ее значение для современности представлен в коллективной монографии: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007.

¹¹ См. статью П.И. Новгородцева «Восстановление святынь» // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. Современная интерпретация его идей дана в статье автора: Иванов А.В. Значение святынь в жизни народа и необходимость их защиты // Культура и время, №3, 2005.

тим, чтобы нас уважали и если мы хотим найти подлинный выход из нынешнего глобалистского тупика, то надо в первую очередь мужество стать самими собой. А вот с этим у нас всегда были и остаются большие проблемы.

Этюд 3. Снова о «вечно-бабьем» в русской душе

*Великая беда русской души... — в женской пассивности,
переходящей в «бабье», в недостатке мужественности,
в склонности к браку с чужим и чуждым мужем.*
Н.А. Бердяев

Начну этюд с откровенного признания: еще каких-то 5-6 лет тому назад я относился к словам, вынесенным в эпиграф, как к провалу философского вкуса у Н.А. Бердяева. Это отрицательное отношение подогревалось еще и тем, что перекликалось с давним русофобским утверждением, что России — тысячелетняя раба, не способная достичь свободы и европейского уровня цивилизованности. Каюсь: Н.А. Бердяев точно уловил темную сторону русской души, оставаясь при этом блестящим критиком европейской буржуазной культуры, в чем, безусловно, сходилась даже со своими ярыми идейными оппонентами — марксистами и евразийцами¹².

Ключевой мой тезис будет состоять в следующем: если в истории страны с каким-то роковым постоянством воспроизводятся одни и те же разрушительные процессы (можно сказать и проще — беды), то это — не столько действие объективных исторических причин, не субъективные ошибки или злоумышления вождей, а в первую очередь — устойчивые изъяны национального характера. Если люди несколько раз наступают на одни и те же грабли, то виноваты не грабли, а сами люди. Мужественный и разумный человек, склонный к трезвому самоанализу, вину за поражения возлагает в первую очередь на самого

¹² См. хотя бы бердяевскую «Философию неравенства». Анализ евразийской критики демократии и демократических институтов можно найти в упоминавшейся монографии: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007.

себя. Точно так же должен поступать и исторический народ, желающий добиться побед и иметь будущее.

Изъяны русского национального характера — и это тоже хорошо известно — в большинстве случаев являются оборотной стороной его достоинств, причем последние незаметно переходят в свое отрицательное качество, если переступается некая разумная мера. Не случайно едва ли не главный недостаток русского национального характера многие мыслители, те же Н.А. Бердяев¹³, Н.О. Лосский¹⁴ и С.Л. Франк¹⁵, усматривали в **избыточной страстности**, в **безмерности** русской души, ее готовности переступить любые пределы, всюду дойти до крайности, до последней черты. Еще Достоевский отмечал, что русский — «человек крайностей». Недаром европейский социализм именно у нас принял самую радикальную — революционную форму. Заметим, что именно у нас столь же радикальную форму принял в 90-ые годы и «рыночный капитализм», когда в единоечасье исторического времени либералы-реформаторы ухитрились попать и осмелеть тысячелетние ценности России. Именно у нас в начале 21-го века какую-то безмерную иррациональную форму принял и госкапитализм, когда вся страна работает на процветание какого-нибудь Газпрома или Внешторгбанка. Нельзя в этом плане не согласиться с А.И. Солженицыным, который писал, что «труднее всего очерчивать среднюю линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, бомба, решетка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания»¹⁶. Увы, мы каждый раз, впад в одну тупиковую крайность и испив горькую чашу поражения, бездумно разворачиваемся на сто восемьдесят градусов и бросаемся в крайность прямо противоположную, но не менее тупиковую. Это и есть наша главная российская Голгофа — кровавое хождение по одним и тем же историческим кругам.

¹³ См. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

¹⁴ См. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1-2. М., 1990.

¹⁵ См. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

¹⁶ Солженицын А.И. Красное колесо. Узел Второй. Октябрь Шестнадцатого // Наш современник. №1.1990. С. 107.

Задача гармонизации, творческого опосредствования противоположностей: личности и общества; общегосударственных и региональных интересов; западных и восточных, религиозных и светских начал национальной общественной и духовной жизни; хозяйственного центра и периферии; власти и общест-венности; частной и государственной форм собственности; го-рода и деревни, — все это испокон веков является краеуголь-ной цивилизационной задачей России, которую мы до сих пор так и не сумели решить, причем даже не столько на уровне тео-рии (здесь-то как раз все более или менее понятно), сколько практики государственного управления.

У нас почему-то у руля государственной машины удержи-ваются не разумные политики, склонные к целостному виде-нию и системному реформированию страны, типа Андрея Курбского, Сперанского, Чаянова или Косыгина, а рассудочно зашоренные радикалы типа Ивана Грозного, Никона, Троцкого или Егора Гайдара. И слушают власти не духовных подвижни-ков типа Нила Сорского, Максима Грека, Достоевского или Ре-риха, а изуверов типа Иосифа Волоцкого, Феофана Прокопови-ча или Емельяна Ярославского. Но зато наша держава преуспе-вала, когда во власти были Ярослав Мудрый, Дмитрий Донской и Иван III, а духовно окормляли светскую власть митрополит Иларион Киевский, Сергей Радонежский и Вассиан Рыло. Син-тетический разум и любящее сердце, неотрывные друг от дру-га, — вот лучшие лекарства от искуса впадения в крайности, искони живущего в русской душе. Недаром ведь «Метафизика сердца» — своеобразнейшая и коренная тема русской фило-софской и богословской мысли. Прав был И.А. Ильин: бессер-дечие — главный источник современного глобального кризиса и культуры, и человека; но в первую очередь — русской куль-туры и русского человека. Живя без сердца, русский человек не то что превращается в животное; он становится много хуже животного. Так, прежде всего бессердечными были провальные «реформы» 90-х годов. Бессердечно нынешнее финансовое спасение банков-спекулянтов и олигархов за счет миллионов честно работающих тружеников страны, отчисляющих в бюд-жет государства огромные налоги, но не могущих получить дешевый и долгосрочный кредит на то же жилье.

Соблазн переступания границ и мер переводит еще целый ряд наших положительных национальных качеств и жизненных установок в свою полную противоположность, причем подмены происходят зачастую совершенно незаметно. Я позволю себе напомнить лишь о некоторых роковых инверсиях отечественного национального характера.

Так, всемирная отзывчивость русского народа, о которой так проникновенно говорил в своей знаменитой речи на пушкинском юбилее Ф.М. Достоевский, часто оборачивается **безмерной доверчивостью ко всему иностранному**, как к чему-то безусловно хорошему и передовому. В результате механические заимствования чужого опыта приводят к тому, что получаемые результаты резко расходятся с ожиданиями; и что было хорошо на Западе, то оказывается безусловно плохим для России. Эта тема «рабского, слепого подражания» Западу проходит через всю классическую русскую литературу¹⁷, и остается только удивляться, как после всего сказанного мы раз за разом впадаем в этот роковой порок. Разве еще Д.И. Менделеев не указывал, что наши ландшафт и климат исключают механический перенос на русскую почву форм экономической жизни Германии и Англии? Однако все «рыночные реформы» 90-х годов — как раз абсолютное нежелание тогдашних демократов во главе с Ельциным хоть как-то учитывать своеобразие родной страны. Разве ранние славянофилы, Н.Я. Данилевский, Ф.И. Тютчев, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский и евразийцы дружно не предупреждали об агрессивном характере западной политической ментальности с ее беспощадной готовностью давить любого геополитического конкурента, сколь бы искренне он ни заявлял о своей лояльности? И все равно — нужно было пойти на максимальные военные и геополитические «перестроечные» уступки Западу, чтобы рано или поздно убедиться: при любом политическом режиме (как коммунистическом, так и капиталистическом) он будет рассматривать Россию как своего стратегического конкурента. Разве извечная он-

¹⁷ Вспомним знаменитые стихи Ф.И. Тютчева о русских западниках:

«Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы.
В ее глазах Вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы».

тологическая подозрительность русского человека к банкирам-ростовщикам не имеет под собой совершенно рациональных оснований с естественным вопросом, «стоило ли нам входить в такую мировую цивилизацию?», если от махинаций кучки американских финансовых дельцов способен сотрясаться весь мир? **Пресмыкаясь перед Западом и предаваясь слепому копированию, мы ухитрились сохранить все самое плохое от социализма, и позаимствовать все самое плохое от капитализма, выбросив за борт их цивилизационные преимущества.**

Мой общий вывод прост: наша способность творчески заимствовать и перерабатывать культурные достижения других народов не будет оборачиваться разрушительным дублированием иноземных образцов только в том случае, если основывается на чувстве национального достоинства и собственном положительном историческом опыте.

Напомню еще об одной инверсии качеств национального характера. Светлая русская жажда воли и дух странничества, которые влекли крестьян на освоение Дикого поля и в Сибирь; казаков — на поиски острова Буяна и легендарного Беловодья; путешественников, купцов и промышленников — на освоение Севера, Центральной Азии и мирового океана, — имеют своей темной изнанкой **бегство от жизни**. Бегут от государства в леса и горы многие раскольники-старообрядцы (есть даже отдельная секта бегунов). Бегут на Запад от ужасов «советского тоталитаризма» диссиденты во времена застоя, а в постсоветскую эпоху — возжаждавшие райской жизни в иноземье. Впрочем, бежать можно, не перемещаясь пространственно, а духовно отгораживаясь от жизни «раковиной» семьи, узкой компании друзей или религиозной секты, эмигрируя в какое-нибудь современное хобби или в Интернет, о чем у нас еще речь впереди.

Хотя «духовная эмиграция» всегда лично детерминирована, все же главная социальная причина мутации светлого странничества и подвижничества в бегство и духовную самоизоляцию коренится в отчуждении власти от народа и в реакции нравственно слабого духа на произвол правящих верхов. Любопытно, что при определенных обстоятельствах социаль-

ная пассивность и эскапизм очень легко и быстро трансформируются в социальную анархию толпы, взбесившейся от ужасов государственного произвола. Таковы казацкая вольница периода Великой Смуты и пугачевщина. Таковы большевистский произвол в 20-х и демократический произвол в 90-х годах прошлого века. Россия, подчеркну еще раз, словно ходит по бесконечным историческим кругам, когда деспотическая верховная власть рано или поздно провоцирует деспотию толпы, а на последнюю обязательно находится новый умелый пастух-диктатор, при котором масса опять впадает в социальное безгласие и расползается по замкнутым жизненным «раковинам».

Дабы не ворошить темное дно русской души, государственная власть в России должна быть выстроена, с одной стороны, антидеспотично, а, с другой, антипопулистски, т.е. подлинно иерархично: **снизу вверх и от периферии к центру**, как была она, хотя бы отчасти, выстроена в системе Земских Соборов 17-го века и при Советской власти, пока последнюю не уничтожили демократы, хотя перестройка, как известно, началась под совершенно правильным лозунгом «Вся власть — Советам!» В России, в силу специфики ее географического и духовного ландшафта, не столько общество должно быть гражданским, сколько власть — народной, когда из российской глубинки — ступень за ступенью, начиная с местных органов власти — наверх продвигаются уже проверенные в реальном деле люди, которые при этом несут прямую ответственность перед территориями, трудовыми коллективами и корпорациями, которые их непосредственно выдвинули для исполнения высших властных функций в обществе. Только в этом случае государственная власть, как отчужденная и наделенная реальной силой воля народа, самой этой массовой народной волей снизу формируется, сдерживается и корректируется; а народная воля, в свою очередь, вводится в созидательное нравственно-правовое русло. Евразийцы называли такое государство «демотией» или «органической демократией», в котором, естественно, должны быть также и свободные от властного произвола средства массовой информации, и сильные общественные организации различной направленности, и независимые научно-экспертные сообщества.

И, конечно, в России должны вновь пробудиться и ее исконный дух странничества, и вера в возможность изменения мира к лучшему. Есть даже совершенно четкий пространственно-демографический критерий этих положительных изменений: когда вектор движения российского народонаселения вновь сменится с западного на восточный, когда начнется новый великий «исход к Востоку» — за Урал и к Тихому океану. Но это — тема нашего отдельного этюда.

Есть еще одно опасное оборачивание качеств национального характера, столь зримо и трагически проявившееся именно в XX веке. Извечная русская мечта о братских, сердечных отношениях между людьми, народами и культурами обернулась в XX веке **тоталитарным обезличивающим коллективизмом и унификационизмом**. Это происходит всегда, когда забываются духовные основы жизни и принцип свободной человеческой воли, хотя по-настоящему — соборно — можно объединяться только в духе и только свободно, по внутреннему самоопределению.

В противном случае собирать в братство будут кнутом, а нежелающих строиться — отправят в концлагерь. При механическом объединении подлинную индивидуальность утрачивают и отдельный человек, и этническая общность, и регион, и страна в целом, как, впрочем, они их утрачивают и при европейском индивидуалистическом культе всеобщей личностной, религиозной и национальной автономии. Безличный «общечеловек» — неизбежный продукт и внешнего тоталитарного социализма, и внутреннего, более скрытого и изощренного, тоталитарного капитализма. Чтобы убедиться в данном факте — достаточно беспристрастно проанализировать современные капиталистические процессы глобализации с идеалом всеобщего рынка, Интернета, мирового правительства и бескорневого постмодернистского человека-номада, спокойно меняющего культуры, языки, профессии, убеждения и... даже собственный пол. **Человек здесь под лозунгом свободы и расцвета индивидуальности, по сути, ее начисто лишается**. Об этом диалектическом переходе друг в друга насильственного объединения и насильственной индивидуации писал еще В.С. Соловьев,

подчеркивая тупиковое схождение «гипнотиков коллективизма» и «гипнотиков индивидуализма».

При этом есть давно известные средства утверждения соборных духовных связей и подлинного социального единства между людьми, когда они обретают общие корни и смысл исторической деятельности. Для этого надо **вспомнить о национальных святынях** и оградить их от разномастных кощунников и циников. Когда люди дружно встанут на защиту древних монастырей и храмов, памятников искусства и архитектуры, воинских захоронений и мест былых боев, уникальных природных объектов (типа Байкала и Селигера, плоскогорья Укок и реки Катунь на Алтае), тогда святыни, как нравственный камертон, помогут им отделить суетное от вечного, важное от несущественного, подлинное от неподлинного. Недаром уже упоминавшийся в предыдущем этюде П.И. Новгородцев пророчески написал когда-то, что «не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух!»¹⁸

И второй очень важный момент: если, вопреки мещанским призывам «жить для себя и своей семьи», люди, стремясь к высшему и лучшему, будут **снизу** многообразно и **добровольно кооперироваться** в производстве, бизнесе, быту, культурно просветительской и природоохранной деятельности, тогда в рамках целого будет наиболее полно и гармонично проявляться их подлинная индивидуальность. В сущности, отличительные черты гармоничного человека — свободное единение с другими людьми вокруг общих святынь и целей исторического бытия.

Здесь необходимо коснуться еще одного изъяна русского национального характера, являющегося оборотной стороной его достоинств. Русским свойственно устремляться к Новой Земле и Новому Небу, мечтать о Новом Иерусалиме, о легендарной стране счастья Беловодье, о коммунистическом братстве народов или о Межпланетном Кольце цивилизаций. Настоящее нас никогда не удовлетворяет, оно всегда не соответ-

¹⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 580. См. более подробно о значении святынь в существовании человека и общества в монографии: Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004.

ствуем нашим идеалам. Быть счастливым сегодняшним днем — это не для русских. Именно мечта дает нам силу переносить тяготы настоящего и жертвовать собой во имя будущего. Без этого русские не смогли бы вынести всех испытаний, обрушившихся на них в истории, и одержать великие победы в страшных войнах. Мечта дает стойкость и духовную бодрость, без светлой мечты нельзя сотворить ничего подлинно великого. Во многом именно этот дух искания лучшего будущего, присутствующий в русской классической литературе, сделал ее столь притягательной для других народов.

Западный же человек, в отличие от русского, занят по преимуществу обустройством своего земного настоящего. В этом его сила, и в этом же его принципиальная слабость. Если он и размышляет о будущем, то чаще всего в плане предотвращения угроз своему привычному и комфортному образу жизни. Об угрозах, идущих из будущего, в основном повествует вся западная научная фантастика и кинематограф, начиная с Г. Уэллса. Немудрено, что главное ощущение русских от Европы и США — это их странный культ сытого настоящего и бессознательное желание оградиться от радикальных перемен в будущем, как бы растянуть настоящее до размеров вечности. В этом плане — подчеркну еще раз — неизвестно, как поведет себя прагматичный и не любящий мечтать западный дух в ситуации глобальных потрясений, которые уже наступили. Спокойно пережить крушение традиционного уклада жизни и не сломаться может лишь человек, имеющий высокую альтруистическую мечту. Думаю, что этому Запад должен начинать уже сегодня учиться у России.

Однако и в мечтаниях русские проявляет свою роковую страстность и безмерность. Мы часто не столько готовы планомерно трудиться во имя будущего, сколько страстно желаем воплотить его на Земле как можно скорее, непременно в самых оптимальных формах и, что самое опасное, не считаясь ни с объективными историческими условиями, ни с желанием основной массы людей в это будущее попадать. Отсюда — наш интеллигентский утопизм, нетерпение, радикализм и склонность не мечты и теоретические схемы адаптировать к реальности, а реальность насильственно подгонять под абстрактные

схемы и идеи. Отсюда — и церковный раскол; и революционная нечаевщина; и насилие над инакомыслящими; и стремление разрушить весь прошлый мир до основания, чтобы непременно на пустом месте начинать строить новый распрекрасный мир; и роковое забвение своего прошлого во имя сомнительных будущих проектов. Нравственная вседозволенность и историческое беспамятство — вечные спутники революционного утопического зуда. Об этом весь роман Достоевского «Бесы», об этом — книга Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», об этом — картина В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». «Одержимость ложной идеей, — писал Н.А. Бердяев по поводу «Бесов» в самый разгар Гражданской войны, — сделала Петра Верховенского нравственным идиотом»¹⁹. Нравственным идиотом с безумными глазами предстает Петр на знамени-то суриковском полотне. С ненавистью ломая о колено старый русский быт, он встречает в ответ лишь ненависть стрельцов.

Всегдашняя расхожая политологическая тема западной элиты и наших демократов девяностых годов — коммунистическая утопия²⁰. Но разве разрушительные политические и социально-экономические «демократические реформы» 90-х годов — не плод чистейшей утопии о возможности преобразований России по западным образцам? Глобальный утопизм этого проекта только-только начинает осознаваться, хотя вредоносной утопией, слава богу, уже всеми признаны ключевые демократические мифологемы того времени, типа «необходимости вхождения России в мировую цивилизацию», «допустимости делать все, что не запрещено законом» или «саморегулирующейся стихии рынка». Демократический утопизм оказался не менее кровавым, чем большевистский. Достаточно вспомнить расстрел парламента в 1993 году, войны в Карабахе, Чечне, Абхазии, Приднестровье, кровавые переделы собственности, десятки тысяч смертей пожилых людей от стрессов и поруганных идеалов. Кто, к примеру, подсчитает жертвы информаци-

¹⁹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 271.

²⁰ В этом плане весьма показательна сквозная критика утопизма (прежде всего марксистского) в книге папы римского Бенедикта XVI // См.: Ратцингер Й. Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М., 2007.

онного демотеррора 90-х годов, осуществлявшегося телекомпанией НТВ под руководством Гусинского? К сожалению, такой же насильственно-утопический характер носит, например, и наше сегодняшнее неумное желание войти в так называемый «болонский процесс».

Есть, на мой взгляд, действенные средства блокирования своевольно-утопических соблазнов русской души. В частности, необходима общественная экспертиза и публичное обсуждение важнейших проектов реформирования как страны в целом, так и ее отдельных сфер. Учитывая отечественные традиции соборности, эту функцию могли бы выполнить **общенациональные корпоративные форумы** врачей, ученых, учителей, работников Высшей школы, бизнесменов, крестьян, без санкции которых никакие масштабные правительственные реформы в стране проводиться не могут. Реформы должны получать на подобных форумах профессиональную экспертизу и общественную санкцию. Подлинное народовластие — это не свально-механическое голосование большинства и не произвол властного меньшинства, а волеизлияние **компетентного большинства**, т.е. наиболее совестливых и активных представителей народа, которым надо просто создать условия для творческой самореализации.

Отсюда логично перейти к последней и самой неприглядной черте нашего национального характера. В сущности, именно она потворствует проявлению всех других пороков нашей души, являясь питательной почвой и для чужебесия, и для порочного своеволия, и для бегства от реальности, и для всех форм тоталитаризма, и, наконец, для утопических экспериментов над страной. Имя этого душевного порока — как раз «вечно-бабье» в русской душе, т.е. **рабская покорность перед властью, гражданская пассивность, социальное безгласие и безволие**. «Народ безмолвствует» — в этой гениальной фразе А.С. Пушкина причина всех наших многочисленных исторических бед и поражений.

Любопытно, что и у этого коренного нашего недостатка есть свой противоположный светлый полюс. Величайшее свойство русского национального характера, особенно ярко проявляющееся в Житии святых, — это дар смирения, понимаемый и

как усмирение собственной гордыни, и как принятие в сердце страданий окружающего мира, и как жертвенное служение высшим ценностям. «Вот идет князь мира сего, и не имеет во мне ничего» и «Я победил мир», — в этих ключевых фразах Христа, принятых нестяжательской традицией отечественного православия, вся суть христианского смирения. Смиранный жертвует своим маленьким телесным «я», своим комфортом и душевной ограниченностью ради пробуждения и действия своего духовного Я, составляющего его подлинную индивидуальность. Это — ни в коем случае не пассивность. Напротив, смирение подразумевает и активное волевое изменение себя в лучшую сторону, и, одновременно, активное противостояние злу, иначе нельзя подлинно пребывать с-миром. «Не мир я принес, но меч», — эта тоже фраза о смирении. Смиранный ежедневно трудится настоятель монашеской обители Сергей Радонежский, потрясая своим будничным трудничеством сознание простого крестьянина. Со смиренным сердцем отправляются на Куликово поле иноки Пересвет и Ослябя. Смиранный принимает свой мученический жребий митрополит Филипп Колычев, фактически в одиночку сражаясь против тирании Ивана Грозного. Смиряют гордыню, бескорыстно служа своей стране на научном поприще, гениальные Павел Флоренский и Владимир Вернадский.

Все лучшее в истории России добыто смирением и подвижничеством, но в то же время все ее беды — от рабской покорности. Покорность, в отличие от смирения, — это всегда страх за свое маленькое телесное «я», его бытовой комфорт и психологический уют. Покорный ничем не хочет жертвовать ради других и ничего не хочет принимать близко к сердцу, помимо собственных забот. Он легко прельщается лживой политической фразеологией, бытовым религиозным обрядом, внешней партийной дисциплиной, служа лакомой добычей для князя мира сего. Покорность — это еще и нравственная лень, мещанская разжиженность и дряблость души, лишенной духовных устоев. Покорный гнется во все стороны, подчиняясь воле господствующего политического ветра, поскольку не имеет ни онтологического центра (сердца), ни твердого стержня при принятии жизненных решений (иерархии ценностей). Даже ярый

злодей и преступник лучше покорного, который ни горяч, ни холоден и оставляет после себя, по жестким, но справедливым словам Леонардо да Винчи, «лишь переполненные нужники».

Это рабски покорные деятели русской церкви обеспечили победу иосифлян над нестяжателями; это они потворствовали светскому насилию над страной Ивана Грозного и религиозному насилию Никона. Это крестьяне-холопы и дворяне-холопы (прав Гегель в своем тезисе о диалектическом единстве раба и господина!) позволили ввести в России крепостное право и рабски заимствовать чужеземные образцы для «реорганизации» русской жизни. Это масса пассивных интеллигентов, разночинцев и пролетариев сочувствовала терроризму народников или, напротив, оправдывала провокационные гнусности царской охраны (печально известную «зубатовщину»). Их, пассивных и покорных, потом массово убивали на полях Первой мировой войны и в кровавой мясорубке войны Гражданской; их самих, покорных властному произволу, словно овец, насильно сгоняли в колхозы и увозили в сталинские лагеря. Именно пассивные и безгласные коммунисты, члены самой огромной в мире партии, позволили ничтожной кучке карьеристов и себялюбцев развалить и распродать великую державу, растащить по карманам общенародную собственность в страшные 90-ые годы XX века. Это покорные работники образования допустили нынешнее его реформирование по катастрофическому сценарию.

«Вечно бабье в русской душе» — главная причина сокрушительного цивилизационного поражения, которое потерпела Россия в конце XX века. Это же вечно бабье в нашей душе — корень позора, который мы наблюдаем и сегодня, в начале века XXI. Спрашивается: неужели не стыдно после всего прошедшего вывешивать портреты президента в чиновничьих кабинетах? Кто заставляет крестьянина, как это случилось в Алтайском крае, называть свое фермерское хозяйство именем Путина? А как дружно карьеристы всех мастей побежали записываться в Единую Россию, силясь перещеголять друг друга в заискивании перед властью! Как в последнее время все вдруг быстро стали патриотами и ярыми антизападниками. И ведь особенно усердствуют те, кто в 90-ые годы

клеймил «тысячелетнюю рабу» Россию и насильственно затаскивал ее в лоно «мировой цивилизации».

Надо честно признаться: в нашей национальной душе, в ее исподних пространствах, живет Анти-София (анти-красота, анти-добро и анти-мудрость), по-рабски жаждущая всегда одного — понадежнее прилепиться к телу жены или мужа, к привычному быту, к милым идейным предрассудкам, к воле вождя всех народов или к телу Матери-Церкви, чтобы вручить им свою судьбу и свою свободную волю. И при этом во всех исторических неудачах России винить не себя, а порочные власти и исторические обстоятельства.

В искус вечно-бабьего откровенно впал на закате жизни В.В. Розанов, писавший в «Апокалипсисе нашего времени»: «... "Бедный человек" возлюбил свое "гетто", в нем греется, им защищается, и, ей-ей, это выше Сократа и Спинозы. *Потому что это священнее Сократа и Спинозы.* Тут Бог ютится. В гнездышке. Потому что гнездышко — оно такое священное, которого ищет и сам Бог. Не спорю: есть Бог Универсума. Но мне как-то более нравится "Бог гнездышка"»²¹. И далее: «... Жизнь есть *дом*. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо»²². Итог Розанова был трагическим, но неизбежным для всех, желающих вить «гнездышки» и отсиживаться в них: революционный каток истории это гнездышко безжалостно раздавил. А вот хоронивший В.В. Розанова в Сергиевом Посаде отец П.А. Флоренский свою семью и род любил никак не меньше, чем Василий Васильевич, но вот «вечно-бабьим» и «тепло-гнездышковым» синдромом не страдал никогда. И гражданский долг свой перед Отечеством выполнил сполна, в самые страшные революционные годы не поступившись ни одним своим нравственным или теоретическим принципом²³.

Духовная оппозиция «Розанов—Флоренский» глубоко символична: все высокое и жизненное в России — и в личном, и в

²¹ Розанов В.В. О себе и о жизни своей. М., 1990. С. 643.

²² Там же. С. 647.

²³ Кстати, единственный человек, которого Розанов, по-видимому, искренне считал гениальнее себя, был именно отец Павел.

общественном ее бытии — утверждается подвижническим трудом и активным сопротивлением тьме, а все низменное и греховное побеждает тогда, когда мы — все вместе и каждый по-одиночке — отказываемся от движения вверх и к свету и прилепляемся к своим «жизненным гнездышкам». В свое время это тонко подметил В.С. Соловьев, писавший, что «человек, который довольствуется своей человеческой ограниченностью и не стремится выше, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности. Точно так же и исторический народ»²⁴.

Действительно, если русский человек не видит высшей цели, к которой ведут гражданские свободы и не находит благого применения накопленным богатствам, то нет таких гражданских свобод и законов, которых бы он ни поправил ради удовлетворения своих амбиций; как нет таких низменных прихотей и удовольствий, которым бы он ни отдался, тратя на это огромные деньги. Образ жизни нашей политической «элиты» и «новых русских» — тому наглядное подтверждение.

Если нет софийной воли к правде и смирению — в русской душе пробуждаются своеволие и его вечная тень — рабская покорность перед деспотической властью. Нет сердечного устремления к социальным и духовным связям с другими людьми — его обязательно заменят тоталитарный коллективизм или звериный индивидуализм, когда каждый «умирает в одиночку». Нет желания творчески открываться миру, укореняясь в ценностях национальной культуры — это с необходимостью обернется узколобым национализмом или его двойником — космополитическим преклонением перед чужой культурой.

Рецепт изживания вечно бабьего в русской душе, в сущности, давно дан русской классической литературой, искусством и философией: надо перестать мириться с социальными пороками и бытовыми безобразиями, хотя бы с повсеместным матом, хамством и грязью, хотя бы в собственной семье, подъезде, дворе, поселке, на собственном рабочем месте, а там, глядишь, дойдет дело и до города, до области, до всей страны и до столь любимого нами «мира в целом». И надо постараться при этом самым стать сегодня хоть чуточку лучше, чем вчера, ибо в Надземном мире, куда всем рано или поздно предстоит перейти-

²⁴ Соловьев В.С. Соч., в 2-х томах. Т.2. М.: 1989. С. 604.

ти, никто не посмотрит на наши земные деньги, государственные посты, славу или успешную карьеру. Там взвешиваются исключительно личные качества и духовные накопления, и нет тяжелее груза, чем вечно-бабье в душе, увлекающее на inferнальное дно справедливо и софийно устроенного Космоса.

Этюд 4. Евразийство — идеологическая конструкция или целостное мировоззрение?

Один из самых распространенных упреков в адрес евразийства, звучащий с самого начала существования данного идейного течения, заключается в том, что комплекс евразийских воззрений — это не система представлений и ценностей, укорененная в толще народной жизни и в отечественном культурном наследии, а произвольная идеологическая конструкция, созревшая-де в головах кучки русских эмигрантов под влиянием революционных потрясений. Зарубежные критики справа, типа француженки Мадлен Ларюэль, ссылаются в плане поддержки этого аргумента на связь идейного наследия евразийцев с творчеством европейских консерваторов; а ястребы, типа З. Бжезинского, напротив, на принадлежность евразийцев к тоталитарно-имперским традициям русского сознания. Отечественные критики евразийства, с нелегкой руки Г.В. Флоровского, говорят об утопическом «евразийском соблазне» национального сознания, когда забываются его истинные — православные, русские или, наоборот, европейские — духовные корни.

Словом, со всех сторон евразийству отказывают в главном — в его претензии на статус целостного и укорененного в традиции национального мировоззрения. Показательно, что при этом фактически никто из западных и отечественных критиков не обращается к опровержению сугубо научных фактов и аргументов, которые приводят классики евразийства и его современные сторонники в подтверждение ключевого тезиса, что Россия по совокупности совершенно объективных параметров не может быть отнесена ни к западному, ни к восточному культурно-географическим мирам, а пространственно-географически, этнически, культурно и хозяйственно представ-

ляет собой **самобытный срединный мир-материк**, возникший позже восточных и европейских цивилизаций и впитавший в себя многие их культурные достижения, но сумевший за последние шесть столетий (особенно в 19-20-ый века) приобрести ярко выраженное своеобразие.

Аргументы антиевразийцев носят в основном чисто идеологический и эмоциональный характер, где явно вычитывается общая неявная посылка (особенно у русских западников): *«Мне эти взгляды лично не нравятся, поэтому они ложные и ретроградные»*. Однако отличие разумного и нравственно ответственного человека — способность по крайней мере расслышать аргументы оппонента, а далее — привести разумные контраргументы, если они тебя не устраивают.

К числу таких серьезных научных аргументов в поддержку евразийской позиции, относится, например, наличие четких ландшафтно-климатических границ евразийского пространства, где с севера его ограничивает Северный ледовитый океан; с запада — горы Кольского полуострова, Балтийское море, Прибалтийская низменность²⁵ и Карпаты. С юга естественными границами Евразии, как внутреннего континентального пространства Старого света, выступают Черное и Каспийское моря, а также цепь великих горных систем Евразийского континента, вытянутых преимущественно в широтном направлении: Кавказ–Копетдаг–Памир–Тяньшань–Каракорум–Няньшань; а с востока — хребет Хинган и пояс тихоокеанских широколиственных лесов, вытянутый в меридиональном направлении. И если в отношениях между Европой и Азией наблюдается известный географический и природный параллелизм (протяженные морские границы с большими полуостровами, наличие великих островов — Японии и Англии, географически изолированные внутренние области, схожесть флоры и фауны — европейский и дальневосточный клены, европейская семга и дальневосточная кета); склонность к созданию локальных государственных образований, построенных по этническому признаку; доминанта оседлых земледельческих культур; то географиче-

²⁵ По прибалтийской низменности проходит знаменитая изотерма января, где территории к Западу от нее отличаются средними январскими температурами выше 0; а к востоку — ниже 0.

ское пространство Евразии очень сильно от них отличается. Это касается и флагоподобного широтного расположения зон (тундра–лес–степь–пустыня), и внутренней его прозрачности, отсутствия природных границ, что, по справедливым наблюдениям П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева, многое объясняет в истории евразийских народов: их предрасположенность к созданию крупных государственных образований, типа империй, а также интенсивное межэтническое и межкультурное взаимодействие при сохранении каждым евразийским этносом «права на определенный образ жизни».

Важными научными аргументами в пользу теории о существовании единого евразийского культурного пространства и единого евразийского суперэтноса служат нерасторжимость общей истории, многочисленные факты мифологических, религиозных, языковых и бытовых культурных заимствований²⁶, а также психологическая комплементарность (термин Л.Н. Гумилева) и общность базовых ценностных установок евразийских народов (почитание Земли, семьи, братских отношений между людьми, нестяжательство, нацеленность на сотрудничество, а не на соперничество и т.д.)²⁷. Серьезным научным аргументом в пользу верности базовых положений евразийской теории служит также особая роль кочевников в истории Евразии (исследования Ю.Н. Рериха, Г. Вернадского и Л.Н. Гумилева), закон периодически сменяющих друг друга векторов движения больших масс народов с Востока на Запад и с Запада на Восток, а также преемственность в появлении крупных государственных образований на ее территории: держава скифов — гуннская держава — тюркские каганаты — монгольская империя — царская Россия — СССР.

Наконец, евразийское мировоззрение — это вовсе не идеологическая выдумка группы русских эмигрантов во главе с

²⁶ См. напр. показательный материал по сакральному корню «кут» в тюркоязычной и русской сакральной традициях: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007. С. 156-215.

²⁷ См. Гумилев Л.Н. Этнофера: История людей и история природы. М., 1993. Соответствующий теоретический и эмпирический материал можно найти также в указанной выше коллективной монографии: Иванов А.В. и др. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты (Раздел 3, параграф 4 «Вечные ценности народов Евразии»).

Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым, Г.В. Вернадским, Л.П. Карсавиным и некоторыми другими учеными, а мощная и синтетическая научно-философская форма российской цивилизационной самоидентификации, у истоков которой стоят М.В. Ломоносов с его верой в Россию азиатскую²⁸ и А.С. Пушкин с трактовкой Руси Великой как собора славянских, тюркско-монгольских, угро-финских и палеоазиатских народов Севера²⁹. Евразийские идеи можно найти у А.С. Хомякова³⁰ и Н.Я. Данилевского³¹, Ф.М. Достоевского³² и К.Н. Леонтьева³³, Д.М. Менделеева³⁴ и Н.К. Рериха³⁵,

²⁸ К сожалению, часто цитируют лишь первую половину знаменитой фразы М.В. Ломоносова, которая в целом звучит следующим образом: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» // Ломоносов М.В. Для пользы общества... М., 1990. С. 355. Кстати, движение русских по евразийскому пространству на восток как раз и закончилось, когда они встретились с европейцами в Америке и в Китае. А Америка и Китай к евразийскому пространству не принадлежат.

²⁹ См. более подробно об этом в уже упоминавшейся статье автора: Иванов А.В. Евразийские ценности позднего Пушкина // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2006, №5.

³⁰ Выдающемуся русскому мыслителю мы обязаны обнаружением глубинных культурно-языковых связей между Россией и Индией и пониманием особой роли индоевропейского культурно-языкового субстрата в интеграции евразийского пространства.

³¹ С него, как известно, берет начало цивилизационный подход к историческому процессу и жесткая критика европоцентризма во всех его разновидностях.

³² См. «Зимние заметки о летних впечатлениях» и особенно материалы из «Дневника писателя» за 1880-1881 годы, в которых великий русский писатель не только подвергает блестящей критике русское западничество и европейский либерализм, но прямо призывает россиян не стыдиться своих азиатских корней, которые «восстановить и пересоздать надо».

³³ Ему принадлежит идея, что Россия — самобытный «славяно-туранский мир со своими азиатскими владениями» и что она призвана гармонично синтезировать православные традиции с европейским социализмом, могучим мистическим духом Индии и несокрушимой китайской тысячелетней государственностью // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 167.

³⁴ В работах великого русского ученого заложены основы эконом-географического взгляда на развитие России, которое не может быть организовано «ни по английскому, ни по германскому образцу». Здесь необходимо учитывать особенности именно евразийского пространства: суровый климат, огромные континентальные расстояния, редкая заселенность, полиэтнический состав населения.

³⁵ Н.К. Рерих в эмиграции явил лучшие синтетические черты русского ученого-евразийца и художника-евразийца, внося огромный личный вклад в укрепление российско-индийских и российско-монгольских культурных связей. Его сын Ю.Н. Рерих многое сделал для познания общей истории евразийских народов. Ему

П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского³⁶. Фактически основатели евразийства не изобрели в мировоззренческом плане ничего принципиально нового, а, скорее, творчески обобщили, развили и эмпирически обосновали ту совокупность евразийских идей, которая уже имплицитно присутствовала в трудах русских философов, историков и социологов.

Сильным аргументом в пользу научной объективности и синтетичности евразийской идеи служит то, что она диалектически вбирает в себя рациональные зерна своих идеологических оппонентов, которые сами в гораздо большей степени, нежели евразийство, являются плодом умозрительного идеологического конструирования. Что же касается их современной политической распространенности в России — то это вовсе не результат естественности рождения и объективной исторической востребованности, а в значительной степени плод государственной идеологической трансплантации в сознание россиян. Так, *социалистическая идея* — наследие советской; *православная и либеральная* — до- и постсоветской государственной пропаганды, а *русский национализм* — сверхвременная и сверхидеологическая и, конечно же, уродливая идеологическая реакция массового сознания на неадекватные варианты официальной государственной российской идеологии.

Что же касается евразийского мировоззрения, то его носители подвергались политическим преследованиям и идейным гонениям как со стороны православных, националистических и либеральных кругов русской эмиграции (оппонентами евразийцев были монархист И.А. Ильин, либерал П.Б. Струве, православные универсалисты Г.В. Флоровский и В.В. Зеньковский, а также русские националисты всех мастей), так и со стороны официальных советских властей (левые евразийцы, типа С.А. Эфрона и Л.П. Карсавина, поплатились жизнью за свой просоветский идеализм, а отцы-основатели евразийства, типа П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексеева, годами каторги и невозможностью работать на Родине). В постсоветский пери-

принадлежит открытие единого евразийского «звериного стиля», распространенного от Тибета до Карпат.

³⁶ См. об истоках евразийской идеи в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2001 (Глава 2).

од евразийская идея была существенно скомпрометирована поверхностными, но крайне амбициозными и эпатажными деятелями, типа неоевразийца А.Г. Дугина, а творческое наследие подлинных продолжателей дела классиков евразийства оказалось в тени. Среди них особенного упоминания заслуживают пять выдающихся отечественных мыслителей XX века — Л.Н. Гумилев, Ю.Н. Рерих, В.В. Кожин, А.С. Панарин и Н.Н. Моисеев. Большую роль в пропаганде наследия евразийцев в последнюю четверть 20-го века сыграли труды покойного профессора МГУ В.Я. Пашенко, а также ученики Л.Н. Гумилева. Единственная страна на постсоветском пространстве, где евразийская идея легла в основание национально-государственной доктрины, стала Республика Казахстан. Правда через теоретическую и практическую деятельность президента Н.А. Назарбаева она приобрела специфически казахстанские черты.

Что же касается российского политического истеблишмента, то евразийская доктрина сначала явно противоречила прозападному либеральному курсу Ельцина, а потом стала противоречить неоимперскому либерализму, суверенному демократизму и консервативному модернизму³⁷ режима Путина-Медведева.

В силу всего этого обнаружился удивительный парадокс российской истории 20-го — начала 21-го веков: неадекватные и исторически не оправдавшие себя (православный консерватизм и советский социализм³⁸), равно как откровенно антинаучные и разрушительные (либерализм) формы национального самосознания оказались искусственно навязанными евразийским народам, а научно обоснованное и аксиологически взвешенное евразийское миро-

³⁷ Тут уж каждый выбирает, что ему больше нравится.

³⁸ Последний проиграл историческое соперничество с рыночно-либеральной идеей в силу своего денационализованного, деиндивидуализированного и атеистического характера. А общая неверная стратегическая установка конца 50-х — 60-х годов на то, чтобы «догнать и перегнать Запад» в сфере материального производства и потребления подорвала как раз то, что до этого времени своеобразно питало дух и энергию Советской России — строительство принципиально иного, чем на капиталистическом и мещанском Западе, справедливого и гуманного мира, где вовсе не деньги и не уровень материального комфорта являются главными вещами в жизни.

воззрение оказалось, напротив, искусственно загнанным в духовное подполье. Его проводниками являются сегодня в основном университетская профессура и художественная интеллигенция. Последняя, к сожалению, сама плохо информирована о выдающихся завоеваниях отечественной научно-гуманитарной мысли.

Вернусь теперь к обоснованию тезиса, что евразийство достаточно органично снимает разумные элементы противостоящих ему идеологий (именно искусственно сконструированных идеологий, а не научно продуманных мировоззрений!). Так, евразийство, вопреки расхожему общему мнению, вовсе не отрицает идейных завоеваний западной цивилизации, в том числе *либеральных* ценностей демократии и экономической свободы. Оно лишь заменяет принцип непосредственной выборной демократии (голосование за конкретных лиц и партий) демократией опосредствованного типа (делегирование снизу вверх лучших представителей общества с наделением их правом соборного голоса) с особым вниманием к нравственным и идейным основаниям власти, а также гарантированным исполнением декларируемых личностных прав (государство правды или гарантийное государство в терминологии виднейшего евразийского правоведа Н.Н. Алексеева)³⁹.

Что же касается стихии рынка и конкуренции, то здесь евразийцы, принимая их относительную полезность для экономической жизни, настаивают на необходимости их восполнения правотой *социалистических идей* в виде института государственной собственности (в промышленности и добывающих отраслях в первую очередь) и плановых начал в организации хозяйственной жизни. Помимо программы синтеза рациональных элементов рыночной и плановой экономики, евразийцы поддерживали советскую избирательную систему (но без диктатуры коммунистической партии), а также справедливое решение большевиками национального вопроса, когда все религии и нации провозглашались равноправными. Особого поощрения с их стороны заслужила восточная политика Советской

³⁹ Более подробно о политическом идеале евразийства см. в упоминавшейся монографии четырех авторов — Иванов А.В. и др. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты (Раздел 2, параграф 2).

власти, где национально-освободительная борьба колониальных народов велась под антикапиталистическими лозунгами и призывом к восстановлению национальной самобытности.

При этом евразийцы были беспощадными и последовательными критиками большевистского атеизма, пролетарского интернационализма и негативного отношения к дооктябрьской истории. Они всячески подчеркивали роль *православной религиозности* в становлении самобытной русской государственности и культуры, включая культуру бытовую (Н.С. Трубецкой). Правда, сочувствия с их стороны заслужили нестяжательские, а не иосифлянские, традиции русского православия, связанные с синтезом веры и научного просвещения, нравственного окормления власти и духовным ненасилием, т.е. с той линией в русской церкви, которая восходит к Сергию Радонежскому и Нилу Сорскому, Максиму Греку и Паисию Величковскому, митрополиту Платону Левшину и оптинским старцам. Эта тема особенно явно и аргументированно проговаривается в отличной работе Н.Н. Алексеева «Русский народ и государство»⁴⁰. Нисколько не преуменьшали евразийцы и влияния византийских православно-духовных начал на русское государство, отмечая, правда, значительную роль монгольских традиций государственного управления, особенно повлиявших на организацию русской армии и почтовой связи.

Если теперь взять тему «многострадального русского народа», то и здесь мы встречаем у евразийцев очень взвешенные суждения, снимающие крайности национализма и космополитизма⁴¹. Как убедительно показывает тот же Г.В. Вернадский, русскому народу принадлежит особая цементирующая роль на евразийском пространстве, которое он прошел «от моря и до моря», но где, одновременно, лишь выполняя свои соборно единающие и примиряющие функции, он толь-

⁴⁰ См. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. Противостояние между иосифлянством и нестяжательством в русской истории подробно прослеживается в коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

⁴¹ Идею схождения и взаимоподпитки двух этих тупиковых позиций в решении национального вопроса мы встречаем у таких разных русских мыслителей, как С.Н. Булгаков и К.Н. Леонтьев.

ко и может проявить лучшие национальные качества. Русский же национализм с принципом «Россия для русских» приводит только к массовому всплеску русофобии и разных мелких и мстительных национализмов, типа грузинского или эстонского. Свое национальное и культурное достоинство русским надо спокойно и достойно защищать, но не отвечать при этом русским национализмом и этническим чванством на национализм и этническое чванство малых этносов Евразии. Национальное и культурное величие евразийского народа как раз и проявляется в том, насколько он способен переступить через свой национальный эгоизм во имя того, что Н.С. Трубецкой назвал «обще-евразийским национализмом». Ему же принадлежит лучшая, на мой взгляд, максима евразийской надэтнической консолидации, которая никак не оскорбляет национального достоинства ни одного из народов, входящих в единый евразийский культурно-географический мир. «Нужно, чтобы братство народов Евразии, — писал в этой связи Н.С. Трубецкой, — стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя... как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы... сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов»⁴². Исключительно глубок и точен анализ форм национализма, о которых писал в 20-ые годы XX века тот же князь Трубецкой. Все выделенные им формы национализма («государственный национализм», «воинствующий шовинизм» и «культурный изоляционизм»), увы, махровым цветом расцвели на постсоветском пространстве⁴³.

Учитывая все эти аргументы, можно с полным основанием констатировать: традиционные идейные оппоненты евразийства в понимании сущности и цивилизационных задач России (советский социализм и западный либерализм, русский нацио-

⁴² Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 502.

⁴³ Более подробный анализ взглядов евразийцев на национальный вопрос можно найти в статье: Иванов А.В., Журавлева С.М. Евразийский взгляд на национальный вопрос // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник. Вып. 7. Новосибирск, 2006.

нализм и православный консерватизм) в гораздо большей степени представляют собой идеологии. Они основаны не столько на научных аргументах и трезвом анализе опыта русской истории, сколько на субъективных партийных пристрастиях и искусственных аргументах, насильственно навязываемых массовому сознанию. Разве что социалистические и православные идеи находятся в явно лучшем положении, чем либерализм, в силу их большей укорененности в базовой ценностной матрице евразийских народов. Но для того, чтобы из разряда идеологии перейти в разряд научно и культурно фундированного мировоззрения России, социалистической идее, повторю это еще раз, явно не хватает духовного и национального измерения; а православному консерватизму — геополитической и этнокультурной компетентности, общей конфессиональной терпимости и творческого обращения к собственным нестяжательским традициям⁴⁴.

В свою очередь, евразийское мировоззрение не только органически снимает позитивные элементы как социалистической⁴⁵, так и православной идеи⁴⁶, но, что самое важное, его базовые ценности стихийно разделяются огромным количеством жителей Сибири и Центральной Азии: русскими, монголами, казахами, алтайцами и тувинцами. Социологические исследования, которые были проведены сектором этносоциальных исследований института философии права СО РАН под руководством д.ф.н. Ю.В. Попкова и при моем непосредственном участии, неопровержимо свидетельствуют:

1) либеральные идеологемы об абсолютной ценности рынка, конкуренции, права и личного преуспевания (успеха) разделяются лишь несколькими процентами населения⁴⁷ Сибири и Центральной Азии;

⁴⁴ Подробный анализ борьбы нестяжательской и иосифлянской линий в русской истории читатель может найти в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

⁴⁵ Это, кстати, блестяще продемонстрировали уже основоположники евразийства, те же П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и особенно Н.Н. Алексеев.

⁴⁶ Сравнительно-религиоведческий евразийский анализ позволяет вычленить универсальное ценностное ядро, которое принимается не только христианами разных конфессий, но также последователями ислама и буддизма.

⁴⁷ Что самое любопытное — как молодого, так и зрелого возраста.

2) подавляющее большинство респондентов среди русских, казахов, алтайцев и монголов обнаруживают удивительную близость, отдавая приоритет базовым евразийским ценностям:

— необходимости сохранения традиционной культуры и родного языка, а также важности почитания национальных святынь,

— сотрудничеству, а не соперничеству и конкуренции,

— общему благу и товариществу, а не индивидуалистическим и властным устремлениям,

— хорошей атмосфере в коллективе, а не высокой зарплате,

— семье и детям, а не карьере;

3) показательно, что среди простых монголов-аратов, большинство которых ни разу не слышало о евразийстве, около 31,8% респондентов идентифицировали себя не как азиатов и европейцев, а именно как евразийцев⁴⁸. Это подтверждается и данными по самоидентификации русских в Сибири. На тот же вопрос подавляющее большинство опрошенных отказывается идентифицировать себя с европейцами и азиатами, заявляя, что «они — русские». При ознакомлении же с системой евразийских идей многие из них уверенно называют себя евразийцами.

Любопытно, что по сравнению с другими национальными группами среди опрошенных русских наиболее высок процент тех, кто предпочитает видеть на руководящих государственных постах не представителей своей национальности, а порядочных и умных людей любой национальной принадлежности. Это косвенно подтверждает тезис евразийцев об особой роли русского этноса в этнокультурной и межконфессиональной интеграции Евразии.

Если теперь обратиться к проблемам геополитики, то из евразийского мировоззрения вытекает достаточно определенный комплекс международных политических, экономических и культурных рекомендаций. Они были с той или иной степенью определенности сформулированы уже классиками евразийства, но не утратили своего значения по сию пору.

В-первых, главной задачей является *реинтеграция единого евразийского геополитического пространства* в какую-то но-

⁴⁸ Данные полевых исследований в Монголии в 2009 году.

вую международную политическую целостность, типа евразийского континентального содружества. Видно, как объективно тянутся к России уже «объевшиеся» либерально-рыночных ядовитых плодов республики Средней Азии и Украина, Монголия и Казахстан. Создание ШОС при его надлежащем идейном духовно-экологическом обеспечении способно расширить эту зону евразийского сотрудничества через включение в нее крупнейших государств Востока — Китая и Индии. Совместная забота о сохранении природы, развитии науки, образования и культуры позволила бы заложить совершенно новые международные принципы взаимодействия между государствами, благо что традиционные ценностные матрицы тех же Китая (экологизм, умеренность в потреблении, почитание традиций) и Индии (ненасилие, культ Учителя и духовного совершенствования) полностью соответствуют задачам перехода к новому типу духовно-экологического цивилизационного существования.

Во-вторых, следует всеми силами развивать общий континентальный рынок, о необходимости которого много писал выдающийся исследователь-евразиец П.Н. Савицкий⁴⁹. Без приоритета и преференций континентальных стран в торговле друг с другом, считал он, им будет крайне сложно по одиночке экономически (да и политически!) противостоять «океаническим» (западным) государствам, которые имеют целый ряд объективных конкурентных преимуществ: дешевизна морских перевозок по сравнению с континентальными, компактность территорий, мягкий климат, контроль над финансовыми потоками и стратегическими экономическими решениями в мире. Создание ШОС, ЕвразЭС, а также таможенного союза между Казахстаном, Россией и Белоруссией — все это очень важные шаги по пути формирования единого континентального рынка.

В-третьих, исключительно важным представляется экономико-географическое районирование территории Евразии. В свое время евразийцы, отталкиваясь от экономико-географического наследия Д.И. Менделеева, установили важную закономерность ведения эффективной хозяйственной деятельности: в сложных ландшафтно-климатических условиях мощный хозяйственный потенциал одной территории в той или иной сфере должен ис-

⁴⁹ См. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 410-412.

пользоваться во благо соседних территорий, а ее собственные дефициты и потребности, в свою очередь, компенсироваться и удовлетворяться богатствами соседних хозяйствующих субъектов. Классик евразийства Н.Н. Алексеев отмечал эту хозяйственно-географическую закономерность применительно к России и Советскому Союзу, не предвидя, что на их территории возникнет в будущем несколько самостоятельных евразийских государств. Поэтому то, что он ниже говорит о России, относится, в сущности, ко всему евразийскому пространству и, самое главное, к путям его новой хозяйственной интеграции: «... Великое тело России, — подчеркивает Н.Н. Алексеев, — должно быть построено из частей, обнаруживающих сознательный интерес к естественному взаимному сцеплению и ощущающих, что без такого сцепления смерть грозит и целому, и каждому отдельному члену. Россия должна стать... истинным хозяйственно-географическим организмом»⁵⁰.

Все эти факты позволяют сделать вывод, что именно евразийское мировоззрение, как теоретически наиболее продуманное и синтетическое по своей природе, практически ориентированное, а также стихийно укорененное в массовом сознании евразийских народов (т.е. эмпирически верифицированное в качестве реального), более, чем какое-либо другое, имеет право претендовать на статус национально-государственного и, соответственно, позволяет однозначно разрешить дилемму, вынесенную в название данного этюда. Задача же состоит в том, чтобы сделать теоретически сформулированные основы евразийского мировоззрения фактом массового сознания россиян, вовсе не отказывая им в праве делать самостоятельный мировоззренческий выбор. Лишь бы осуществлялся он в атмосфере честной идейной конкуренции и взаимного уважения между носителями различных мировоззрений.

⁵⁰ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 369.

Этюд 5. Бытие—на—границе как геополитическая и культурная константа Евразии

I

Начну с того, что понятия «граница», «порубежье» — важнейшие для осмысления существенных характеристик евразийской культуры и, соответственно, для проникновения в базовые структуры коллективной психологии евразийских народов. И здесь мы сразу же наталкиваемся на фундаментальную трудность: феномен евразийской границы глубоко противоречив, даже антиномичен, причем это касается и реальной, и субъективно переживаемой границы.

С одной стороны, вся история евразийских народов — это непрерывная военная оборона своей земли от внешних врагов, идущих то с Юга (Дикое поле), то с Востока, то с Запада. «История России, — справедливо писал И.А. Ильин, — есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар — до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ниоткуда не защищенные — мы веками оставались приманкой для оседлого запада и вожделенной добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано — всю жизнь ждать к себе лихих гостей, ...жить в вечной опасности; расти в страданиях и зреть в беде»⁵¹. Не случайно на заставе несут свою нелегкую службу русские богатыри во главе с легендарным Ильей Муромцем. На границе живут в режиме непрерывной полувойны-полумира казачьи станицы от Днепра до Амура, причем в состав казачьих войск постепенно входят и буряты, и калмыки, и представители других этносов многонациональной Евразии. Пограничник — одна из самых почетных военных профессий в России, учитывающая огромную протяженность ее рубежей. Словом, из-за границы исходит постоянная военная и идейная угроза, требующая бдительности и готовности отразить нападение. Военное сохранение границ родной Земли — неременное условие сохранение национальной идентичности в целом. Недаром земля в евразийских мифах и героическом эпосе всегда наделяется материнскими чертами, и ее ни в коем случае нельзя отдавать на

⁵¹ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 14.

порушение врагу. На этих моментах я еще подробнее остановлюсь ниже.

С другой стороны, пространственные границы для евразийских народов словно и существуют только для того, чтобы их постоянно переступать и устремляться за горизонт. Дух монгольских завоеваний — желание пройти через границы всех земель и народов, дабы увидеть «последнее море» и напоить из него своих коней. Один из лейтмотивов всей русской истории — «искание землицы вольной», пространственное движение на Юг и на Восток, к неизведанным далям и землям. Так, беглые крестьяне будут на свой страх и риск осваивать черноземы Дикого поля, равно умело владея сохой и саблей, ремесленными, крестьянскими и военными навыками. Казаки Ермака покорят Сибирь. Искатели легендарного Беловодья дойдут до Тибета. Русские купцы доведут караваны до Индии и срединного Китая, а монахи заложат скиты в самых глухих таежных заимках от Архангельска до Иркутска. Преодоление земных пределов и границ, духовное пересиливание притяжения родных очагов и бытовой неподвижности — важнейшие атрибуты русской воли и русской правды. Дух странничества и «охоты к перемене мест» живет в России испокон веков, и вовсе не случайно ее территория охватывает такие огромные пространства. Это — следствие общей подвижности и открытости русского духа ветру дальних странствий и правде иных культурных общностей⁵². Да и все евразийские этносы (те же угро-финны и тюрки), быть может, в силу их кочевой исторической закваски, исключительно **подвижны и открыты**; готовы не только к военному отражению агрессора, но и к побратимству, к мирному сотрудничеству и культурному единению с другими народами. Известно, что русские казаки с Дикого поля часто брали себе в жены черкешенок; казаки на пограничной алтайской реке Бухтарме — казашек и алтаек. Двигаясь на Восток, русские люди активно перенимали не только хозяйственные и бытовые навыки, но высокие культурные формы и даже отдельные религиоз-

⁵² См. об этом духе странничества у Н.А. Бердяева. — Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 20-21. Но здесь не надо путать этот светлый дух русского и евразийского странничества с бегством от мира, о чем я уже писал выше.

ные представления от тех народов, с которыми сходились их пути.

Словом, военное стояние на границе всегда удивительным образом соседствует у евразийских этносов (в дальнейшем я буду преимущественно говорить о русском этносе) с переступанием не только пространственных, но, что особенно важно, бытовых, этнических и отчасти религиозных границ, со вступлением в отношения **и кровного, и, самое главное, духовного родства с другими этносами**⁵³. Н.С. Трубецкой писал в этой связи, что «народная русская стихия... охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта; в новоприсоединенных областях сами собой вырабатывались особые смешанные бытовые типы». Да и сегодня процент межнациональных браков в России — один из самых высоких в мире, равно как и число некоренных государственных управленцев, бизнесменов и деятелей культуры.

Как же примирить подобные крайности? Как преодолеть этот видимый антиномизм евразийского бытия—на—границе? На самом деле, никого антиномизма тут нет, и противоположности вполне совместимы. Дело в том, что внутри самого евразийского культурно-географического мира, раскинувшегося от Балтики и Карпат до Тихого Океана и Великой китайской стены, нет непроходимых внутренних границ — ни природных, ни этнических, ни религиозных. Евразия географически, исторически и культурно является единой, а живущие на ней этносы, как убедительно доказывал Л.Н. Гумилев, при всем своем разнообразии и уникальности образуют единый евразийский суперэтнос. Поэтому и границы между евразийскими народами не сплошные, а прозрачные; потому и движение русских на восток, а монголов на запад при всех своих издержках и трагических моментах — было все же движением по не чуждому им природному и культурному ландшафту. Потому после распада СССР и живет в душах его бывших народов ностальгия по единому прошлому и надежда на слом искусственно разделивших народы государственных пограничных столбов. Нынешняя не

⁵³ См. более подробно о ценности родства в евразийской культуре в упоминавшейся коллективной монографии Иванова А.В. и др. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты.

угасшая воля народов к преодолению внутренних границ Евразии (свидетельство тому — создание ЕвразЭС, ШОС) — это закономерное следствие объективного отсутствия у ней подобных границ, их несубстанциальности.

II

Но здесь возникает принципиальный вопрос другого рода: в чем же причина того, что внешние государственные границы, призванные быть политически, военно и духовно прочными, оказались на пространстве Евразии разрушенными, и геополитические противники сумели покорить ее без единого выстрела в конце 80-х — 90-х годах прошлого века; а жесткие внутренние границы, которых не должно было бы быть, напротив, мгновенно возникли на ее геополитическом пространстве и укрепляются по сию пору? Что же явилось главным фактором распада Евразии: ее ложной (или превращенной) внешней открытости и ее ложного (превращенного) внутреннего государственного размежевания?

В принципе, этот вопрос оказывается достаточно простым, а ответ на него можно считать уже полученным: причиной подобной трагической «горизонтальной» инверсии оппозиции «внешний заслон — внутренняя открытость» стал слом жестких «вертикальных» *ценностных* границ, которые искони задавали силовой каркас совместного полнокровного бытия евразийских народов. Что я имею в виду? Дело в том, что в культурных константах Евразии (или прасимволических матрицах культуры, или культурных архетипах — терминология здесь не принципиальна!) всегда существовала жесткая оппозиция ценностного «верха» и ценностного «низа», духовного «неба» и антидуховного «дна», вечного и брэнного, достойного человеческого поклонения и заслуживающего решительного осуждения⁵⁴. Размывание этих жестких вертикальных границ, переступание через них расценивались нашими предками как богоборческий акт, как провоцирование мирового хаоса и распада. Символом этой жесткой границы, этой культурной кон-

⁵⁴ Более подробно о природе ценностей и неустранимой естественной полярности ценностных категорий см. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004 (Раздел IV «Аксиология»).

станты, которую нельзя нарушать, выступал в старообрядческих деревнях нателный пояс, который повязывался человеку после рождения и который не снимался до самой смерти, даже в бане. На орнаменте пояса отчетливо просматривалась граница между солнечным верхом и темным низом — граница, которую ни в коем случае нельзя было переступать, а тем более — переворачивать полярные полюса мирового и человеческого бытия, зло выдавая за добро, а добро подвергая кощунственному осмеянию. Когда же это происходило, тогда и говорили, что человек «распоясался»: впал в насилие, блуд и богохульство, утратив представление об иерархическом устройстве бытия. Напомню, что по христианским представлениям главная задача дьявола в мире — выворачивание его наизнанку, насильственная инверсия его объективных ценностных полюсов.

Если же подобное «распоясывание» и «выворачивание мира наизнанку» происходит в массовом масштабе, если народ позволяет издеваться над своей историей, осквернять национальные святыни и поносить высокие идеалы; если предатель, кощунник и циник начинают его учить, как и во что он должен верить; если разрушается незыблемая граница между добром и злом, прекрасным и безобразным⁵⁵ — тогда не только народ лишается исторических целей и истинных ценностей своего существования, но начинают разрушаться дольные границы вверенного ему социального пространства и возникать ложные экзистенциальные, социальные, национальные и религиозные межи. Это очень тонко чувствовали русские философы и социологи. Так, Питирим Сорокин, непосредственно переживший революционное «распоясывание» России в эпоху Гражданской войны, писал: «Когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила»⁵⁶.

Именно с помощью грубого политического и идеологического насилия в конце 80-х — начале 90-х годов отечественные западники разваливали Советский Союз, пользуясь массовым

⁵⁵ Что, естественно, вовсе не означает, что выбор между добром и злом не является каждый раз серьезнейшей экзистенциальной проблемой и экзаменом для личности.

⁵⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 503.

попустительством морально дезориентированного и социально дезорганизованного народа, тем самым «вечно-бабьим» в русской душе, о чем говорилось выше. Народ, позволивший глумиться над подвигом своих отцов в годы Великой отечественной войны, молча стерпел беловежский сговор и разгул националистической клеветы против нашего общего евразийского прошлого. Народ, без возмущения внимавший откровенным предателям, типа генерала Калугина, никак не возроптал против нашей капитуляции перед НАТО. Народ, скинувший с нравственного пьедестала гайдаровского мальчиша Кибальчиша и возведший вместо него мальчиша Плохиша, который, как мы помним, продался «буржуинам за бочку варенья и за корзину печенья», — такой народ и получил в итоге преступную приватизацию и массовое обнищание. Слом вертикальной ценностной границы и замена принципа братского бескорыстия сплошным материальным расчетом; общего блага — сугубо личными, семейными и клановыми интересами; нравственных устоев жизни — моральным релятивизмом и приспособленчеством, — все это сделало нас беззащитными перед идеологической агрессией извне и перед внутренним сепаратизмом. Фактически в единоечасье исторического времени были преданы вековые духовные скрепы и магниты, которыми в течение столетий удерживались внешние и с помощью которых преодолевались внутренние межплеменные и межрелигиозные границы Евразии.

В результате Россия лишилась старых союзников и записала в новые «друзья» своих геополитических противников. Так, внешняя псевдооткрытость и духовная неразборчивость отдала нас, русских, от испытанных историей внешних друзей, типа сербов, монголов, кубинцев, арабов и индийцев, а сблизил с весьма сомнительными попутчиками типа американцев. Внутри же евразийского геополитического пространства сразу вспомнились национальные обиды и давние территориальные претензии, казалось бы, навеки отошедшие в наше общее евразийское прошлое. В отсутствие ценностного света из всех темных социальных «щелей» мгновенно понавывползала всякая человеческая нечисть: космополиты и националисты, карьеристы и себялюбцы и просто откровенные маргиналы с психиче-

скими девиациями. Взрыв единого евразийского геокультурного и геополитического пространства был, правда, в известной мере подготовлен исторически, когда денационализирующий пролетарский интернационализм советского периода (с его лозунгом о формировании новой исторической общности людей — «советского народа») сочетался с достаточно искусственным, а иногда и откровенно волюнтаристским⁵⁷ размежеванием территории СССР на федерации, края и автономии. Но без нарушения ценностных границ и абсолютов превращение этих формальных межей в реальные не произошло бы никогда. Впрочем, история не знает сослагательного наклонения, а потому гораздо интереснее и полезней — постараться промыслить перспективы возвращения к исконным и подлинным, а не превращенным и иллюзорным, формам евразийского бытия—на—границе.

III

В этом плане весьма полезно сравнить евразийское и европейское отношение к границе. Они весьма различны. Дух Европы — это прежде всего дух разграничения, индивидуации и автономии. Отсюда культ народа-суверена, государства-суверена и суверенной и автономной личности. Отсюда же локковское разграничение властей — исполнительной, законодательной и судебной. Европейский культ права — это вообще желание уложить жизнь в прокрустово ложе внешних границ и норм, за которым, прямо скажем, не очень просматривается новозаветный идеал свободной нравственной жертвы и подвига, зато зримо проступает ветхозаветное законничество и бережение собственного брэнного эго. Философские корни европейской идеи автономии можно усмотреть, кроме Локка, в декартовском культе мыслящего Я, а свою четкую формулировку она получает у Канта в «Основах метафизики нравственности». «Автономия, — пишет Кант, — есть... основание достоинства человека и всякого разумного существа»⁵⁸.

Всему этому есть определенное чисто пространственное объяснение: большая человеческая скученность в маленькой

⁵⁷ Типа передачи Хрущевым Крыма Украине.

⁵⁸ Кант И. Соч. в 6 т., т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 278.

Европе требует четкого распределения жизненного пространства, а также государственно-правовых гарантий того, что с твоим уникальным человеческим «я» и с местом, которое ты занимаешь, другие будут реально считаться. Европейская страсть к последовательному национальному, социальному и экзистенциальному размежеванию, а также к общему упорядочиванию пространства быть может, наиболее характерна для немцев. Это подметил еще Н.А. Бердяев, писавший, что немец «чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность»⁵⁹. Любопытно, что даже внешне активно объединяющаяся сегодня Европа, на самом деле, ни на йоту не забывает о своем главном принципе: максимально жестком очерчивании и гарантировании индивидуальных, национальных и религиозных границ, где правовые условия дополняются этическим принципом толерантности, т.е. фактически разрешением другим жить, как угодно, и делать все, что угодно, лишь бы это не касалось твоей частной жизни.

Короче говоря, дух Европы — дух монадного, а не соборного бытия; опосредованных (юридических, экономических, этнорелигиозных), а не непосредственных жизненных связей между людьми и народами; духовной автономии, а не духовного родства; социальных и экзистенциальных границ, а не открытости. Здесь нет интенции на переступание собственных культурных и экзистенциальных пределов, обогащения «своим иным», как сказал бы Гегель. Нет у Европы и любви к напряженному бытию—на—границе, когда надо диалектически сопрягать сохранение собственной культурной идентичности с постоянным творческим диалогом с другими национальными «я»

⁵⁹ Бердяев Н.А. Указ соч. С. 68. Очень любопытные, и во многом схожие с бердяевскими, воззрения на немцев можно найти у Вальтера Шубарта. Немца он называет «частичным» человеком, с одной стороны, склонного к обособлению, а, с другой, ищущего внешние формы для преодоления этой отчужденности. — См. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 207-223.

и готовностью осваивать чужой позитивный хозяйственный и культурный опыт. Напротив, у европейских народов есть весьма стойкое желание включить чужие культуры и души в орбиту своего внутреннего культурного и государственного пространства, т.е. **расширить вовне собственные границы**. Применительно к германской культуре это вплоть до второй мировой войны выражалось в духе милитаризма и жажде военного расширения жизненного пространства; у англичан — преимущественно в экономической и политико-дипломатической, а у французов — в культурной экспансии. В целом же, это сознательное или бессознательное стремление европейцев к внешнему раздвиганию собственных границ порождает идеологию европоцентризма и культуртрегерства, чему можно найти массу подтверждений и в истории, и в сегодняшней практике международных отношений. Раздражающий Европу фактор — это как раз противодействие ее культурной и политической экспансии, встреча с непохожими на нее и самобытными культурными Я, требующими признать себя за равных ей. Отсюда — столь подозрительное отношение Запада к России, в течение многих веков вынужденной оберегать свою культурную самобытность, и резко отрицательные характеристики Западом своих восточных alter ego, типа арабов, османов или монголов, посмевших вторгнуться в священные европейские пределы. Здесь везде действует краеугольный европейский культурный принцип жесткой охраны и максимально активного раздвижения вовне собственных границ. Вершина и квинтэссенция подобной позиции — желание современных США расширить «зону своих жизненных интересов» фактически до размеров земного шара, но при поразительном неумении налаживать живые контакты с народами, уже включенными во внутренний круг. Ситуация в Ираке и Афганистане — лучшее тому подтверждение. Не забудем, что Запад пуще всего боится партизанской войны, и чаще всего ее проигрывает, ибо воевать здесь приходится в парадоксальных для него условиях, когда «чужие внутри». Чаще всего у народов Запада находится единственный и провальный ответ на этот вызов — безграничное насилие.

Справедливости ради отметим, что наличие жестких правовых, социальных и этнических «горизонтальных» границ и

культурных табу⁶⁰ внутри Западного мира до поры до времени обеспечивает ему устойчивость и стабильность даже при забвении духовной вертикали бытия. Однако эта устойчивость быстро утрачивается в ситуации политических, экологических или социальных потрясений, в чем мир убедился на примере трагедии Нового Орлеана, пострадавшего от цунами. В ситуации катаклизма благополучная Америка быстро скатилась к гоббсовской вражде всех против всех и **неспособности переступить через самые губительные для любого социума границы — границы собственной человеческой самости.**

Я не хочу выносить по этому поводу какие-то жесткие аксиологические суждения в модусе «хорошо-плохо», а тем более становиться на антизападные позиции. Западный культурно-географический мир имеет собственные неповторимые черты лица, свои социокультурные константы, одной из которых как раз и является бытие–внутри–границ, т.е. автономность и самодостаточность. Свою позитивную роль в истории человеческой цивилизации они уже сыграли и вряд ли могут быть механически отброшены в будущем. Те же достижения европейской демократии нельзя не признать. Другое дело, что необходимо видеть их ограниченность и относительность, ибо упорное и надменное бытие–внутри–границ собственного индивидуального и культурного Эго — главная опасность, которая угрожает человеческой цивилизации. Прав Э. Фромм: не может общество состоять из одних эгоистов, даже самых добропорядочных, ибо это рано или поздно заканчивается катастрофой⁶¹.

В этом плане обращение к историческому, культурному и экзистенциальному опыту евразийских народов является, на мой взгляд, и своевременным, и очень поучительным. Им свойственно, помимо постоянного переступания культурных и политических межей внутри Евразии, как раз **органическое диалектическое бытие–на–границе между Востоком и Западом.** Когда нет забвения духовной вертикали бытия и отвергаются попытки инверсии ценностных полюсов, тогда у евразийских

⁶⁰ Типа панической боязни белых американцев обсуждать проблему негров и даже использовать само слово «негр».

⁶¹ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. См. блестящее «Введение» к этой работе, ничуть не устаревшее и сегодня.

народов мы наблюдаем гармоничное совмещение противоположностей: твердой охраны своих государственных границ и национальной идентичности с открытостью чужим культурным ветрам и готовностью к мудрому ученичеству. Так, Россия продуктивно училась у Европы на протяжении 15-го и 18-го веков, пока хранила дух русских нестяжателей и когда вновь вспомнила про их заветы. Она страдала от культурной и религиозной изоляции в 17-ом веке и от ложной открытости в веке 19-ом, когда в ней торжествовали иосифлянские религиозные идеи, обслуживающие «демона великодержавной государственности»⁶². Она делает мощный цивилизационный рывок в середине 16 века, в первый период правления Ивана Грозного и неуклонно движется по евразийскому пространству на Восток, успешно перепахивая порочные государственные межи, типа Казанского и Сибирского ханств, и восстанавливая единство Евразии. В 60-ые годы Иван IV утрачивает всякие моральные регулятивы, становится патологическим деспотом и каким-то ярым англофилом, вплоть до прошения у Англии политического убежища. В это время Русь утрачивает внутреннее социальное единство и теряет в Ливонской войне все, что отвоевала до этого на Западе. Будущая Великая смута — прямое следствие утраты духовных устоев во времена опричнины и царского кровавого самодурства.

Монгольская держава достигает вершин своего расцвета в 13-ом веке, пока ее верховные правители являют образец религиозной терпимости и, как могут, сознательно препятствуют внутреннему политическому и религиозному дроблению Евразии; пока мудро культурно учатся у покоренных неевразийских народов (особенно у китайцев). Но монгольская империя начинает стремительно деградировать, начиная с 14-го века, когда борьба за власть над ее улусами приобретает кровавый характер, а внутреннее религиозное и этническое размежевание становится необратимым. В этот период та же Русь из покоренного и строптивого, но все же союзника Золотой орды, — превра-

⁶² Удачное, на мой взгляд, выражение Д.Н. Андреева из его «Розы мира». Что касается взглядов автора на роковой для России 16-ый век, то с ними можно познакомиться в книге: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

тилась в чужака-вассала, из которого надо любыми средствами выколачивать как можно больше денег. Показательно, что на Куликовом поле сотник Мамай действует как прямой сателлит Запада, а головной отряд его войска составляет тяжелая генуэзская пехота⁶³. С другой стороны, в рядах войск Дмитрия Донского героически действуют монгольские подразделения, чувствуя праведность и силу политической позиции русского великого князя. С этого момента Русь перехватывает у монголов инициативу объединения народов Евразии.

Словом, когда «вертикальная» духовная ось бытия евразийских народов незыблема и ее непримиримые ценностные полюса отчетливо осознаются, тогда не страшны никакие внешние и внутренние супостаты; границы прочны, но при этом открыты; а в процессе межкультурной коммуникации естественно отфильтровывается все низкое и мерзкое, а заимствуется, наоборот, преимущественно все созидательное и благотворное. Отсюда и чрезвычайно простой вывод: **для успешного евразийского бытия—на—границе надо быть крепким в духе и избегать дьявольских прельщений (славой, удовольствием, властью и деньгами)**. Недаром русский народ испокон веков справедливо утверждал, что «не в силе Бог, а в правде». Именно этих дьявольских прельщений, ведущих к смертельной безмерности и хаосу, мы, увы, не смогли избежать в 90-ые годы XX века.

Возвращаясь к теме границы, отмечу, что между европейским и евразийским отношением к ней есть еще одно существенное расхождение. Оно касается самой приграничной полосы, непосредственного физического и культурного порубежья между странами и народами.

IV

В отличие от европейской трактовки границы как средства автономизации и сохранения своего суверенитета, как инструмента в первую очередь экзистенциального, государственно-политического и культурного размежевания, а уж только во вторую очередь — как формы наведения межличностных и межкультурных мостов; евразийский человек тяготеет, как я

⁶³ См. Кожин В.В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 174-175.

уже отмечал выше, к пространственному и этнокультурному переступанию границ⁶⁴, а если дальше пространственно двигаться невозможно, когда пройден путь до самых границ Евразии — то **к напряженному бытию–на–самой–границе**. При этом сама непосредственная граница и ее субъективное восприятие лишь в более явной и жесткой форме воспроизводят общую евразийскую диалектику границы.

С одной стороны, пограничная полоса — место предельно опасное, чреватое в любой момент военными столкновениями и вражескими нашествиями. Граница — грань, разделяющая своих и чужих, мировой порядок и хаос, закон и беззаконие, свет и тьму. Человек границы, символом которого в отечественной культуре является казак, постоянно находится в предельном напряжении сил, ощущает себя форпостом национальной культуры и религии. Потому и молится он с особым сердечным усердием или православному Богу (как основная масса русского казачества) или Будде (как казаки-буряты), но при этом оба ощущают, что за их спинами находится целый особый мир, где и православный, и иноверец являются твоими согражданами, требующими защиты. На границе особо чтут национальные традиции и берегут реликвии. Эта вертикальная ценностная опора позволяет устоять и не дрогнуть в годину лихолетья. Неслучайно в старых казачьих сундуках и потайных схронах (святости не должны доставаться врагу!) вплоть до XX века находились редкие образцы церковных книг, древние иконы, ладанки и нательные кресты.

При этом граница — это не только грань, межа, но и место, где **огранивается, подобно бриллианту, человеческая душа**, стягивающая в атмосфере постоянного военного напряжения такие бесценные человеческие качества, как: мужество и братская готовность положить «жизнь за други своя»; бдительность и стойкость в преодолении жизненных трудностей; верность присяге и смекалка; выносливость и спокойствие. Поэтому совсем не случайно русские богатыри во главе с тем же Ильей

⁶⁴ Что, к сожалению, очень часто ведет к жизненной и политической безмерности, к хаосу и произволу, к тому самому беспределу, с которым мы очень часто сталкиваемся в русской истории.

Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем⁶⁵ совершают свои основные подвиги именно на самой границе и в течение столетий воплощают идеал русского человека. В их лице русский православный идеал святости («земной ангел и небесный человек» по удачной формулировке Г.П. Федотова⁶⁶) восполнялся идеалом воинской чести и доблести, своеобразной евразийской рыцарской святости. Жизнь на границе — это в высшей степени достойное житие, отчего образ казака навсегда свяжется в сознании русского народа даже не столько со свободой (волей)⁶⁷, сколько с высоким социальным служением, с сознательным исполнением ратного долга.

Думается, что казацкое ратное бытие—на—самой—границе — наглядное опровержение совершенно неверных истолкований слов Христа о необходимости подставить левую щеку, если тебя бьют по правой. Если их трактовать буквально и непротивленчески, как у Л.Н. Толстого, то получается явный абсурд, типичное формально-логическое противоречие с другими общеизвестными евангельскими высказываниями Христа, типа того, что он «не мир принес, но меч», а также с его собственным поведением, где он непримиримо противостоит злу, прогоняя тех же торговцев из Храма. Совершенно точную нравственную интерпретацию евангельского образа подставления щек дает, на наш взгляд, выдающийся отечественный мыслитель Елена Ивановна Рерих, зачисленная невежественными православны-

⁶⁵ Кстати, представляющих все основные сословия русского общества — крестьян (Илья Муромец), бояр (Добрыня) и духовное сословие (Алеша Попович). Показательно, что Илья — крестьянский сын из села Карачарово — является главным действующим лицом русских былин за исключением, быть может, Микулы Селяниновича. Но тот в суме носит «тягу земную», являющуюся источником жизненных сил для силушки богатырской. Любопытно и очень показательно, что само название села «Карачарово» — совершенно тюркское, да и в образе «калик перехожих» вычитываются переклички с образом библейских волхвов с Востока, некогда удостоверивших факт прихода в мир Божественного Мессии. Как и премудрые волхвы, калики, странствующие по лику Земли, свидетельствуют о приходе славного защитника русской земли и лишь пробуждают в нем исконно таящиеся богатырские силы.

⁶⁶ См. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990.

⁶⁷ Эта воля как раз постоянно рискует обернуться разгульным своеволием, куражом и разбоем, а изредка — и откровенным предательством, вроде тех распоясавшихся казаков, что вместе с католиками-поляками осаждают Троице-Сергиеву Лавру в годы Великой смуты.

ми «апологетами» чуть ли не в сатанистки⁶⁸. Ее мысль заключается в том, что здесь Христос призывает достойно, без негодования и жалоб, встречать обрушивающиеся лично на тебя испытания и удары судьбы, ибо в их основе — не случайное стечение обстоятельств, а наша собственная вина в прошлом. Но готовность подставить злой судьбе другую щеку — это вовсе не покорность вражьей воле, ибо нигде Христос не призывает мириться с агрессивным злом, за которым всегда стоит дьявол. Кстати, и русские святые никогда не подставляют щек, а ведут брань с внешним злом, как например, Стефан Пермский с язычником Памом. Преподобный Сергей — тот и вовсе напутствует русских воинов на смертельную брань с полчищами Мамаю и отправляет на праведный бой своих любимых учеников Пересвета и Ослябю. Им на роду написано пасть на поле Куликовом, на краеугольном рубеже обороны России, и — в этом смысле — они безропотно подставляют судьбе щеку, но ведь смерть их самая благородная и достойная — смерть в противостоянии злу лицом к лицу. Так мечтает встретить смерть любой настоящий казак и любой настоящий евразийский воин, ибо нет лучшей доли, чем переступить границу между жизнью и смертью, сражаясь под знаменем высших и незыблемых ценностей.

Этот евразийский дух героического полагания границ злу через стояние в Вечном Свете Правды помогал евразийским народам оборотить и ливонцев на льду Чудского озера, и Мамаю на поле Куликовом, и французов на Бородинском поле, и немцев на поле под Прохоровкой. Когда земная граница смыкается с надземной — тогда свершается вечная победная богатырская мистерия Евразии поверх всех земных пространственных и временных пределов. И тогда рождаются новые богатыри-герои, и рассказываются новые эпические сказания, типа Песни о Евпатии Коловрате, «Задонщины», легенд об обороне Брестской крепости или героической гибели в Чечне псковских десантников. Обратите внимание: основные подвиги русские со-

⁶⁸ Блестящий и очень точный ответ подобным доброхотам русского православия в лице дьякона Андрея Кураева можно найти в книге глубокого православного мыслителя Ксении Мяло. — См.: Ксения Мяло. Звезда волхвов, или Христос в Гималаях. М., 1999.

вершают, обороняя свои исконные рубежи от внешнего агрессора, а не раздвигая свои границы вовне, типа героя главной песни нацистского вермахта — Хорста Весселя.

Впрочем, есть не менее важная — противоположная — ипостась бытия—на—самой—границе. Она связана с установлением дружеских, неформальных контактов с инородцами, у которых всегда есть чему поучиться, и с которыми многие вопросы можно решить не кровью, а миром. **Отсюда пограничье — это всегда активное совмещение граней различных культур.** Известно, что в местах интенсивного пространственного взаимодействия тех же евразийских культур (славянской и тюркской, тюркской и угрофинской, монгольской и русской) наблюдается появление не только многочисленных языковых и бытовых заимствований, но и новых культурных форм: мифологических и литературных сюжетов, хозяйственных технологий, религиозных верований и обрядов, философских идей. На самой границе обнаруживается своеобразный мультипликативный эффект культур, когда, соприкасаясь, они дают резонансный всплеск.

Пограничные районы интенсивного межэтнического взаимодействия, как, например, регион Большого Алтая, характеризуются особо плотной концентрацией археологических памятников, образцов древней письменности и наскальных рисунков. Здесь часто возникают традиции поклонения общим природным святыням, как, например, плоскогорью Укок и горному массиву Табын-Богдо-Ола, лежащему на самой границе четырех государств: России, Китая, Казахстана и Монголии. Они являются святынями и для монголов, и для казахов, и для алтайцев, и для тувинцев. В таких местах связи между народами и культурами, уходящие в глубокую древность, позволяют и сегодня разрушать ложные границы и разоблачать иллюзорные предлоги для хозяйственного и этнокультурного обособления.

Иными словами, через приграничье различные страны и народы должны не столько друг от друга отмежевываться, сколько друг в друга взаимно прорастать, вовсе не утрачивая при этом свою религиозную или этническую идентичность, а по-новому ограничивая кристалл собственной культуры.

Ну и, быть может, самый важный культурно-экзистенциальный момент, связанный с самим пространством границы, который необходимо отметить. Дело в том, что бытие—на—самой—границе предъявляет к человеку ряд еще очень важных требований, помимо храбрости, верности, стойкости, воли и мужества. Требования эти, правда, всегда были подчиненными и второстепенными в предыдущие века истории, и их являли преимущественно гении народов. Но они оказываются особенно востребованными именно сегодня, в условиях нарастающей деглобализации. Именно на границе, находясь в постоянном не только военном, но и хозяйственно-бытовом, культурном и личностном взаимодействии с представителями других народов, было особенно важно проявлять этническую и религиозную терпимость, открытость, любознательность, духовную подвижность и навыки межкультурного диалога.

Среди казаков встречались удивительные типажи синтетического человеческого склада, сполна владевшие этими качествами и только благодаря им доходившие до Китая и Тибета в поисках легендарного Беловодья. Тот же Ермак никогда не завоевал бы Сибири и не сокрушил Кучума, если бы его казаки были только отличными воинами. Нет, они смогли найти союзников среди сибирских аборигенов, и кроме языка пищалей и сабель, отлично выучили язык торговли и искреннего дружелюбия.

И все же именно язык высокой культуры, прежде всего искусства, оказывается самым эффективным для налаживания межкультурной коммуникации, и во многом именно граница стимулирует и вдохновляет творчество культурных гениев евразийских народов. Если опять-таки обратиться к Алтаю, одному из узловых пограничных районов Евразии, то здесь творил гениальный ойратский просветитель и мыслитель 17-го века Зая Пандита Найхамчжамцо, странствовавший по всему региону от Кобдо до Усть-Каменгорска и закладывавший по всему региону буддийские монастыри — центры тогдашней культуры и учености. Восточный Казахстан дал миру двух великих казахов — Ч.Ч. Валиханова и Абая Кунанбаева. Валиханов первым из ученых прошел и описал Кашгарию и Джунгарию — территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного

района КНР. Абай же первым познакомил своих соплеменников с творчеством А.С. Пушкина и другими шедеврами мировой литературы. Великий алтайский художник, писатель и общественный деятель Г.И. Чорос-Гуркин был единственным и любимым учеником И.И. Шишкина, а в годы своих странствий по Алтаю посетил и Западную Монголию, и Туву, оставив их прекрасные художественные образы на своих полотнах. Другом Чорос-Гуркина был выдающийся русский алтайский писатель Г.Д. Гребенщиков, посвятивший Алтаю прекрасные художественные и публицистические строки. Его роман «Чураевы» в свое время имел широчайшую известность, а его автор номинировался на Нобелевскую премию. Гребенщиков многое сделал в плане пропаганды Сибири и Алтая в Америке. Здесь вновь проявляется важнейшая закономерность: кто идет и творит под лучом высших ценностей — тому суждено преодолевать границы земных пространств и времен, связывать народы поверх узко экономических и политических интересов и ценностей.

Дух алтайского межкультурного взаимодействия и взаимного духовного обогащения народов в разное время впитали в себя такие гении, как А. Гумбольдт и Ф.М. Достоевский, Н.К. Рерих и В.И. Вернадский. Их научным предсказаниям и художественным пророчествам суждено лечь в основу какого-то нового объединения, когда истают ложные земные границы, изрезавшие единое евразийское геокультурное пространство. Новое же объединение Евразии на основе твердой «вертикальной» иерархии ценностей станет, я уверен, и ядром какого-то нового общемирового объединения, переступающего узкие границы культурно-географических миров, наций, религий и, конечно, эгоистических человеческих предрассудков.

ГЛАВА 2.

СИБИРЬ, МОНГОЛИЯ И АЛТАЙ

КАК ТВЕРДЫНИ ЕВРАЗИИ

Этюд 6. Стоит ли нам подражать Москве?

Москва — вечное прельщение для провинции. Перебраться в Москву для многих — значит уже добиться определенного жизненного успеха. Даже в традиционном провинциальном недовольстве Москвой часто присутствует тайная зависть. Но что представляет собой нынешняя Москва, и стоит ли нам стремиться жить по-московски?

На первый взгляд, Москва похорошела и по столичному приосанилась в сравнении с грязью и хаосом девяностых годов. Куда ни глянь — всюду новые жилые кварталы и торговые комплексы самой причудливой архитектуры, обилие привлекательной рекламы и модно одетые горожане, спешащие по своим делам. Где раньше были следы городского опустынивания — весело зеленеет газонная травка и разбиты цветочные клумбы. Во дворах — отлично спроектированные детские площадки, удобные скамейки, чистота и порядок. И, конечно, поражают качество асфальта на дорогах и бесконечные вереницы автомобилей самых последних моделей на любой вкус и цвет. Казалось бы, образцовая столица великой и могущественной страны.

Однако более пристальное всматривание в лик Москвы и, самое главное, общение со старыми друзьями вскоре развеивают эти первые и, к сожалению, весьма поверхностные впечатления. Первое, что бросается в глаза, это нарастающая автономизация этнических диаспор. Москва и раньше всегда была многонациональной столицей, но столицей именно евразийской, где грузины и армяне, узбеки и азербайджанцы, евреи и украинцы, сохраняя свое национальное своеобразие, все же органически сплавлялись и рождались друг с другом в рамках московской культуры. У них был единый язык, единое образова-

ние и воспитание, единое пространство общения, единые ценности жизни, наконец. В московских школах дружили и женились поверх национальных и культурных различий, и разве что преступность в Москве была организована по этническому принципу. Но на то она и преступность, чтобы рука руку мыла, а добропорядочные москвичи всегда смотрели не на то, какой ты национальности, а какой ты человек — плохой или хороший.

Теперь же российская столица все более оказывается состоящей из замкнутых диаспор, говорящих на своем языке, исповедующих свои национальные традиции, члены которых уже и не очень нуждаются в общем языке межнационального общения. Я был поражен, когда в некогда родном дворе увидел армянских ребятишек разного возраста, общающихся исключительно на родном языке и играющих отдельно от своих сверстников славянской внешности. А ведь есть уже целые подмосковные города и поселки, где обосновываются представители только определенных этносов, и этот процесс этнической фрагментаризации Москвы неуклонно набирает силу. Это вызывает естественное раздражение и у коренных москвичей («понаехали тут всякие»), и у ее новых обитателей («не считайте нас москвичами второго сорта! »).

Этническое размежевание Москвы соседствует с нарастающей социальной разобщенностью. Я неприятно удивился, когда мой старый приятель, некогда отличавшийся активной гражданской позицией и нравственным неравнодушием к тому, что происходит в мире, прямо заявил мне, что отныне живет лишь для себя и для своей семьи. Я в ответ спросил его: а что если мир, которым ты не интересуешься, вдруг возьмет и решит отдать тебя и твою семью на закланье? И уверен ли ты, что тебя на закланье уже не отдали, ведь кровавый каток мировых событий всегда перво-наперво прокатывается как раз по тем, кто возмечтал отсидеться в своих жизненных раковинах? Возвращаясь от приятеля и находясь под впечатлением от разговора, я пристально вглядывался в лица тех, кто ехал рядом со мной в московском метро и никак не мог избавиться от ощущения, что эти люди и, в самом деле, ничем теперь глубинно между собой не связаны, живя своей, сугубо частной, жизнью,

«загроможденные собой», по меткому выражению французского философа Габриэля Марселя.

Москва сегодня — это уже другая цивилизация, отличная от той, в которой мы жили раньше. Место понятий о социальном служении и общем благе (как бы его в реальности ни профанировали прежние власти предержащие) занял культ личной жизни и сугубо частных интересов. В столице ныне все ориентирует человека на достижение карьерного успеха, бытового комфорта и удовольствий. «Жить — значит жить для себя и для получения максимума удовольствий» — вот что неявно начертано на многочисленных московских рекламных щитах. «А что, собственно, здесь неправильного?» — предвижу я вопросы читателей. «Разве не для телесного комфорта и удовольствий собственно и живет человек?» Недоумение вроде бы законное в условиях, когда не избалованный материальными благами советский человек наконец-то приобщился к европейскому изобилию. Я, естественно, никого не зову в прошлое, но лишь позволю себе напомнить о старых, как мир, потребительских соблазнах и ловушках, известных еще древним грекам. Делаю я это исключительно для того, чтобы еще раз непредвзято поразмышлять: а не поменяли ли мы шило на мыло, и так ли уж хороша внешне красивая западная жизнь, в которую мы с таким экстазом бросились после времен советского аскетизма?

Первое, что поражает в сегодняшней Москве — это дикое количество чревоугодных заведений и людей, наводняющих по вечерам все эти китайские, мексиканские и прочие ресторанчики, пивные пабы и кофе-хаусы. Кто хочет жить, чтобы вкусно кушать и весело проводить время, — тот найдет в Москве благодатную почву. Одной дегустации блюд разных кухонь мира можно посвятить целую жизнь. Гастрономические московские страсти породили и совсем уж не русский обычай — проводить в местах общепита деловые встречи, юбилеи и праздники. Влечение к общественным заведениям, связанным с ублажением плоти, — свидетельство нарастающего межличностного отчуждения. В домашней обстановке общение куда как более содержательное и глубокое, нежели за столиком в кафе. Кулинария от сердца, хождение в гости к друзьям и долгие посиделки на кухне — это целый русский мир. Кстати, все иностранцы,

любящие Россию, во многом ценят ее именно за эти вечерние разговоры по душам, совсем не принятые ни в Европе, ни в США. Ресторан и кафе — это ведь типичные суррогаты подлинного общения, его имитация, не говоря уж о всяких там корпоративных тусовках.

Но кто равнодушен к легкому ресторанному общению и к деликатесам, тому Москва предоставляет гигантские возможности для ухода за собственным телом и для приобретения вещей: на каждом шагу фитнес-клубы, солярии, массажные и визажные кабинеты, куча магазинов с обувью, одеждой, мебелью и косметикой на любой кошелек и самый прихотливый вкус. Вроде бы, как здорово! Какая свобода выбора! Какая забота о человеке! Какое счастье! Вся беда только в том, что для «подсевших на теле и быте» (характерное новорусское словечко, явно ассоциирующееся с наркотической иглой!) всегда обнаружатся косметические услуги, которых еще не испробовал; вещи моднее тех, которые носишь, техника у соседа престижней, чем твоя. В результате погоня за комфортом и вещами превращает жизнь человека в жажду, которую невозможно утолить. Более того, чем больше пьешь, тем жажда мучительнее. И ведь кому-то очень нужны эти легионы ненасытных потребителей, у которых попросту не остается времени подумать ни о мире, ни о собственной душе. Прямо-таки идеальные объекты для всяких тоталитарно-рыночных экспериментов.

Но, предположим, человек спокойно относится к деликатесам, к собственному телу и бытовому комфорту, а жаждет исключительно удовольствий и острых переживаний. И здесь ему в Москве ни в чем не будет отказа. Соблазны — на каждом шагу. Если обуян похотью, — в столице дикое количество проституток на людей разного достатка. Желает поработать — несть числа увеселительным и игровым заведениям. К примеру, если ты любишь половить рыбку, — тебе на бывшем ВДНХ (ныне ВВЦ) организуют ловлю карпа, щуки и... даже форели с осетром! На крючок червяка насадят, пойманную рыбу тут же приготовят, накормят, водочкой напоят, да еще и выпарят в бане с дубовым веничком. И никуда на природу выезжать не надо, и никакой сноровки и фантазии рыбацкой от тебя не требуется — только наслаждайся жизнью и балдей до изнеможения.

Были бы деньги. А можно еще заняться пейнтболом. Не хочешь игрушечного пейнтбола — можно пострелять из боевого оружия, попрыгать с парашютом и поводить танк. Если осточертела Москва, то можно слетать для получения любого удовольствия и любых доз адреналина в любой уголок земного шара. Все здорово, да вот только удовольствий каждый раз хочется все более изысканных и острых, а физических сил и здоровья для их получения остается с годами все меньше и меньше. К тому же если хочешь предельно обострить и продлить удовольствие, то в дело неизбежно вступят выпивка и наркотики. Их в Москве — опять-таки с избытком.

Но вдруг человек все же не клюнул на телесные и чувственные приманки современной Москвы, отверг общество потребления и возжаждал, скажем, испытать себя в преодолении трудностей на сплаве, в альпинистском походе или в каком-нибудь еще экстремальном виде отдыха? И для таких в Москве заготовлены свои прельщения. Возьмем, к примеру, заядлого сплавщика по бурным рекам. К его услугам — всевозможные описания маршрутов в Интернете с массой доморощенных рассказов о том, кто и куда летом ходил, что испытал, и что от той или иной реки можно ожидать. Одному чтению подобного рода «исповедей» и «отчетов» на туристских сайтах можно посвящать всю зиму, равно как и попыткам собственного «творчества» на этом поприще. Если переходить к непосредственным занятиям сплавом, то снаряжение в московских магазинах — какое душа пожелает, причем прогресс в этой сфере требует регулярного обновления экипировки, иначе выпадешь из соответствующей «группы по интересам». В результате для многих туристов-водников подлинная жизнь — это... две-три недели экстремального сплава и полноценного человеческого общения на природе («получение кайфа»), а остальное время — нудные быт и работа, расцвечиваемые воспоминаниями о прошлых походах и подготовкой к будущим.

Свои автономные группы по интересам образуют альпинисты, футбольные фаны разных клубов, байкеры, любители старинного оружия и инсценировок древних сражений, собиратели марок, значков и т.д. Для этих явно вторичных (а иногда — откровенно ничтожных и пустых!) жизненных усад и интере-

сов люди зарабатывают деньги и чуть ли не живут, а Москва их в этом направлении целенаправленно и активно поощряет, особенно молодежь. Худший вариант, — когда люди ненавидят свою основную работу и терпят ее только ради денег, позволяющих безудержно предаваться любимым занятиям. Здесь есть какое-то прискорбное бегство от жизни, желание спрятаться от ветров, бушующих в реальном мире, — «вечно-бабье» в русской душе. И кому-то это опять-таки очень на руку: живите сугубо частными интересами и прихотями, предавайтесь со страстью любимому хобби, а вот решение важных государственных проблем передоверьте другим — компетентным — людям. Они знают, как сделать вас счастливыми: и ваши грешки оправдают, и уж взрослые игрушки, точно, не отберут. Невольно приходит на память бессмертная «Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского.

Москва сформировала и совсем уж парадоксальный типаж «духовного» обывателя. Это — завсегдатаи многочисленных московских театров и художественных студий, элитных артсалонов и богемных тусовок. Они — в курсе всех театральных и книжных новинок; они просмотрели на кассетах всю киноклассику и весь постмодерн; поездили, если позволяет бюджет, по мировым культурным центрам и достопримечательностям. Вот только культурная осведомленность не сделала их ни моральней, ни жизненно активней, не сподвигла к собственному творчеству, т.е. никак не преобразила в лучшую сторону. Они наркотически «подсели» на культурное потребление почти так же, как кто-то «подсел» на вещи или чувственные удовольствия. Но ведь подлинно культурный и свободный человек, думающий о будущем державы и судьбе своих детей, тем и отличается от обывателя, что старается сам профессионально и лично измениться в лучшую сторону и готов пожертвовать собственным социальным положением, жизненным комфортом и уж тем более удовольствиями ради изменения к лучшему общего положения дел в стране. Общество попросту не сможет выжить, если будет состоять сплошь из потребителей и эгоистов, даже самых добропорядочных. И не может быть лично счастливым человек в нищей и социально расколотовой стране, если только он не лишен совести.

Увы, в Москве сегодня живут и работают в основном для себя и на себя, в лучшем случае — для ближних своих. И вот это-то ощущение утраты людьми духовного единства и нравственной воли к общему благу — быть может, самые горькие впечатления от последних моих посещений столицы. Москва на глазах перестает быть свободным и самобытным центром России как великой евразийской державы. Теперь — это богатая и сытая столица западного типа, но только для социально разобщенного, материально прельщенного и духовно покоренного народа, принявшего губительные для него правила цивилизационной игры. Ничего особенно нового и поучительного уже не видят для себя в Москве и иностранцы. Потому свысока и похлопывают москвичей по плечу: наконец-то вы, жертвы тоталитаризма, стали, как и мы, свободными людьми. Лично для меня от такой свободы и такой глобализации не веет ничем, кроме смертной пустоты и холода.

Наглядный символ нынешней Москвы, кроме мертвенного Сити, еще и огромный свинцово-серый знак фирмы «Мерседес», который высится над печально известным «домом на набережной» аккуратно напротив московского Кремля. Если смотреть на него с Каменного моста или с пешеходного мостика рядом с храмом Христа Спасителя, то кажется, что он выше звезд и башен главной святыни России, а его сходство с символом североатлантического блока наталкивает на вполне определенные и неприятные ассоциации.

И невольно задаешь себе вопросы: неужели это и было целью всех наших «реформ» и всех наших унижений последнего двадцатилетия? Неужели и другие города России — в частности, Барнаул, — скоро превратятся в подобную (разве что меньшую размерами и более пошлую) всеобщую барахолку и фабрику удовольствий, где каждый живет и умирает в одиночку? И неужели в этом заключается смысл и цель человеческого бытия? Где здесь место Сергию Радонежскому и Ломоносову, Суворову и Достоевскому, Вернадскому и Шукшину? Им нет места в мире, куда мы с такой жадной наивностью бросились.

Может быть, нарисованная здесь картина покажется тенденциозной и субъективной, но лучше вовремя выявить симптомы болезни, нежели закрывать на них глаза. К тому же по-

лоненная Москва, как мы знаем из ее великой истории, — это еще далеко не сломленная Москва. И я верю, что у великого города рано или поздно иссякнет обывательский позыв к сугубо частной жизни, снова пробудится воля к общему благу, и он вернет себе статус самобытной духовной столицы многонациональной России-Евразии. И этот счастливый момент наступит тем быстрее, чем раньше Москва вспомнит об огромной стране, чьим самоотверженным трудом всегда обеспечивалось ее материальное преуспеяние, и особенно — о России Азиатской...

Этюд 7. Как нам спасти и обустроить Сибирь?

О том, что положение Сибири и Дальнего Востока крайне тяжелое, — говорят и пишут уже давно. Принято много государственных программ и разных стратегий ее развития, но, как мы знаем, у нас в последние двадцать лет еще ни одна долгосрочная государственная программа реализована не была. О ней или благополучно забывали, или принимали взамен новую.

Поэтому надо принимать не очередную программу, а совершенно конкретные решения на обозримую перспективу с совершенно конкретными пунктами, выделять под них конкретные финансовые средства и назначать ответственных за их выполнение государственных чиновников с четким проговариванием, какую конкретно кару он понесет за завал порученного дела. Давно уже пора карать чиновников не за взятки и преступления (это — само собой разумеется!), а за невыполнение прямых должностных обязанностей. И ответственность чиновника должна быть пропорциональна высоте его государственного положения.

Применительно к Сибири проблемы известны. За исключением немногих регионов, чье благосостояние определяется природными ресурсами (Тюмень, Югра, Якутия, Красноярский край) в остальных дела обстоят далеко не блестящее, особенно в национальных образованиях, типа Республики Алтай или Тувы. Да и в процветающих регионах ситуация в скором времени ухудшится, учитывая углубляющийся мировой кризис, истощение природных ресурсов, ухудшение экологической обстановки, и самое главное, неуклонное сокращение и старение си-

бирского населения. Только один Алтайский край ежегодно теряет несколько тысяч человек, переезжающих на работу в европейскую Россию. В других сибирских регионах ситуация аналогичная. На пустующие земли придут (и уже приходят) другие народы; прежде всего — китайцы, хотя и европейцы рассматривают Россию и, тем более, Сибирь совсем не так, как мы традиционно думаем. Вот характерное европоцентристское признание нынешнего Римского папы Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера). «Смещение византийской Европы на север, — пишет он, — привело к тому, что границы континента передвинулись далеко на восток. Определение в качестве границы Урала совершенно произвольно, во всяком случае, мир к востоку от Урала все больше становился своего рода пристройкой Европы; он был не Азией и не Европой, но Европа его формировала как субъект; сам же этот мир остался объектом, а не носителем европейской истории. Возможно, это может послужить общим определением колониального статуса»⁶⁹.

На богатства «Сибири как колонии», которой еще и отказывают в роли субъекта исторического действия, в мире ныне большой спрос. Равнодушными к ее богатствам и судьбе оказываемся только мы сами, хотя надо совершенно отчетливо понимать: без Сибири начнется очень быстрый и катастрофический обвал России европейской, чье благосостояние ныне почти полностью зависит от сибирских природных ресурсов (нефти, газа, угля, алюминия, леса). Нельзя также забывать и того, что обладание Сибирью — главное условие нашей геополитической, военной и транспортной мощи. К тому же в условиях глобального экологического и продовольственного кризисов огромную роль приобретают возобновляемые природные богатства Сибири (воздух, вода, древесина, лекарственные растения), ее стабилизирующие биосферные и рекреационные ресурсы.

Власти, увы, пока не только ничего не хотят делать для Сибири, но решили, похоже, попросту сдать ее китайцам. Об этом свидетельствует недавно ставшая достоянием общественности «Программа сотрудничества между регионами Дальнего

⁶⁹ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М., 2007. С. 77-78.

Востока Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)». В этой «программе сотрудничества» поражает даже не столько явное стремление наших властей сдать природные ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока китайцам, которые будут в массовом масштабе строить на своей территории заводы и обогатительные фабрики для переработки российского сырья, сколько полное нежелание высших должностных лиц государства думать о будущих поколениях россиян, которым не прожить без сибирских природных — возобновляемых и не возобновляемых — биосферных богатств. Это тот самый вопиющий случай, когда интересы высших чиновников государства не имеют ничего общего с интересами всего общества.

На извечный русский вопрос «что делать?» стратегический ответ давно великими русскими учеными, занимавшимися исследованием Сибири — И.В. Кирилиным и Ф.И. Соймоновым, М.В. Ломоносовым и Г.Н. Потаниным, Д.М. Менделеевым и В.И. Вернадским. Последний в своей знаменитой статье 1917 года писал: «По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более передвигаться, как это давно уже правильно отметил Д.И. Менделеев, на восток, — должно быть в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждательные силы. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед, в будущее»⁷⁰. Сверхзадача сохранения и процветания России, таким образом, хорошо известна: **надо перенести центр ее демографической, политической, хозяйственной, научной и культурной жизни на Восток, в Сибирь** и, естественно, добиваться того, чтобы не китайцы, корейцы или американцы, а именно мы осваивали и в первую очередь использовали ее природные ресурсы. Конечно, здесь можно привлекать и иностранный капитал, но на наших жестких экологических и финансовых условиях, понимая, что именно им нужны наши ресурсы. И здесь ни в коем случае нельзя отдавать ведение госу-

⁷⁰ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. С. 563.

дарственных переговоров на бесконтрольный откуп чиновникам любых уровней, которые всегда подвержены искусству именно сегодня, пока они во власти, позаботиться о собственном кармане и собственных политических дивидендах, а не о стратегических задачах развития страны. Судьба Сибири и Дальнего Востока должна определяться при обязательном и широком участии сибирских ученых самых разных отраслей научного знания, а также активной общественности, прежде всего экологической. **И принятию любых стратегических программ развития Сибири и России Азиатской⁷¹ должна предшествовать широкая и гласная дискуссия.**

Если же по каким-то причинам страна не может сегодня эффективно использовать свои ресурсы в интересах всех своих граждан, ее нынешних и будущих поколений, — значит, их надо сохранить до лучших времен. Это тем более обосновано, что естественно растущие или лежащие в земле природные ресурсы имеют отнюдь не меньшую ценность, чем присвоенные или извлеченные на поверхность. Это — стратегический хозяйственный и экологический запас страны.

Возвращаясь к тезису о необходимости перемещения центра России на Восток, замечу, что без нацеленности на стратегическое решение этой задачи все другие решения окажутся в лучшем случае паллиативами и реальных результатов не принесут. Если Сибирь — не центр России, то никто туда добровольно не поедет, никакие ресурсы там не останутся, и никто вкладывать деньги в ее технологически перспективные, а не сырьевые, отрасли никогда не будет. Никто ведь не вкладывает в летнюю дачу или временно снимаемое жилье денег больше, нежели он вкладывает в ремонт квартиры, где живет постоянно. Пока Сибирь — не родина для очень многих людей, включая представителей власти, до той поры она осуждена оставаться колонией внутри страны, особенно ее аграрные и горные регионы.

Соответственно, существует и главный безошибочный критерий того, осуществляется ли решение задачи развития Сибири (а, значит, и всей России!) успешно. **Он также предельно прост и давно известен: вектор миграционных потоков на**

⁷¹ Как, впрочем, и всей России.

территории нашей страны должен быть устойчиво направлен с Запада на Восток, а не наоборот, как сейчас.

То, о чем я буду говорить ниже, будет касаться исключительно средств достижения этой стратегической цели. Я не боюсь показаться утопистом и не опасаясь упреков в повторах, потому что идеи движут миром, и то, что сегодня кажется утопией — завтра станет банальностью. О жизненно важных вещах — я убежден — нужно говорить как можно чаще, не боясь упреков, что это давно известно. Успокоиться можно лишь тогда, когда идея практически реализована.

Во-первых, дабы центр политической и жизненной активности в России начал перемещаться в Сибирь, в Россию Азиатскую, — необходимо перенести в один из крупных сибирских городов (скорее всего, в Новосибирск) деятельность высших законодательных органов власти. Этот ход был бы сильным и с внешне-, и с внутривнутриполитической точек зрения, ибо четко зафиксировал бы евразийский статус и приоритеты российской державы. Он также морально поддержал и вдохновил бы население сибирских регионов, которое сейчас чувствует себя брошенным. Законодатели же, попав в новую творческую среду, смогут детальнее вникнуть в проблемы сибирских регионов, непосредственно почувствовать пульс их жизни. В новом и не столь большом городе, как Москва, меньше условий для коррупции среди законодателей и соблазнов для решения сугубо личных проблем. Отдаленность государственных исполнительных органов уменьшает ежедневный административный прессинг на законодателей, а близость сибирских научно-исследовательских и образовательных центров, наоборот, позволяет в полной мере использовать их наработки и интеллектуальный потенциал. К тому же депутаты от сибирских регионов будут находиться под более пристальным контролем своих избирателей.

На Всероссийском философском конгрессе, который состоялся в августе 2009 года, декан философского факультета Новосибирского государственного университета В.С. Диев публично предложил в ходе своего выступления перенести в г.Новосибирск Совет Федерации. В качестве первого шага это предложение вполне разумно. Перенесли же Конституционный

суд в Петербург, значит, следует восстановить евразийскую симметрию. Сенаторы, если только они вообще нужны нашей политической системе, должны заниматься в первую очередь стратегическим планированием развития страны, а для этого они должны лично видеть, как живет Сибирь и особенно сибирская деревня. Да и Дальний Восток из Сибири ближе, и проблемы его видней. К тому же очень важно, чтобы изменения в Сибири касались лично сенаторов и членов их семей. На время исполнения своих обязанностей они должны будут переехать на постоянное местожительство в Новосибирск. Пора заканчивать с московской синекурой. Время начинать реально работать на Сибирь и Дальний Восток — территории, где сегодня решается судьба страны.

Во-вторых, насущнейшей задачей является организация быстрого наземного транспортного сообщения между восточными и западными территориями России. Самолет дорог, опасен и маломестен. Традиционный железнодорожный транспорт тихоходен и также затратен. Необходимо срочно и в государственном масштабе решить техническую проблему создания быстрого, экономичного экологически чистого и безопасного наземного транспорта в интервале скоростей, которые выпали из сферы технической мысли в условиях господства военных заказов. Это скорости примерно между 200 и 600 км в час.

В-третьих, необходимо государственное решение проблем с дешевым кредитом на жилье для молодых специалистов, живущих в Сибири, и для тех, кто собирается переезжать туда на работу из европейской части. Он должен быть более льготным, чем для жителей западной части страны. И не надо здесь бояться прямого администрирования: для льготно кредитующих банков и иных коммерческих структур следует предусмотреть поощрительные меры. Но, не исключено, самым рациональным путем здесь окажется прямое государственное кредитование без паразитов-посредников. Необходимо также дать возможность досрочного погашения кредита для молодых семей через 7 лет работы или в случае рождении второго ребенка, а также предусмотреть разнообразные льготы за рождение третьего члена семьи. *Деньги в стране, безусловно, есть, коль скоро в*

кризисный период с 2009 по 2010 год число миллиардеров в нашей стране увеличилось вдвое.

В-четвертых, следует обеспечить безусловно льготную газификацию и электрификацию сибирских регионов для повышения конкурентоспособности сибирской продукции. Ввести разумные протекционистские меры для нивелировки влияния сложных климатических условий Сибири и затрат на дорогие континентальные перевозки. Это можно представить в виде совершенно справедливого **экологического налога** на весь остальной мир, который уже сейчас во многом живет за счет не возобновляемых и возобновляемых биосферных ресурсов Сибири (водных, почвенных, лесных) и во все возрастающей степени будет жить за счет них в 21-ом веке.

В-пятых, надо сделать ставку на глубокую и безотходную переработку сырья в самой Сибири параллельно с жесткой охраной ее ключевых, еще не затронутых хозяйственной деятельностью, уникальных биосферных территорий, типа Горного Алтая и Байкала. Использовать для оценки эффективности хозяйственной деятельности хорошо зарекомендовавшие себя эколого-экономические индикаторы (затраты энергии и сырья на единицу продукции, здоровье и продолжительность жизни населения, состояние окружающей среды, энергосбережение в городах). Подобные индикаторы уже используются в Томской области и дали хорошие результаты.

В-шестых, необходимо ввести выплаты в местные бюджеты со стороны людей, уезжающих на местожительство в европейскую часть страны в размере региональных государственных средств, затраченных на их школьное и вузовское образование. Разрешить производить эти выплаты фирмам и городским бюджетам европейской части страны, принимающим сибиряков на работу. Иными словами, отток населения из Сибири следует всеми мерами тормозить, а приток поощрять, и не бояться криков о правах человека. Регион вправе взыскать в свою пользу деньги, вложенные в рабочую силу, убывающую из него. Ввести эту меру только после принятия решений о льготном кредитовании молодых сибиряков и переезжающих на работу в Сибирь.

В-седьмых, важно предусмотреть существенное снижение федеральных налогов для отечественных и западных капиталов, которые вкладываются за Уралом:

— в сельское хозяйство, особенно в производство экологически чистой сельхозпродукции;

— в нетрадиционную энергетику, энерго- и ресурсосбережение;

— в образование, науку и культуру;

— в экологический транспорт.

В-восьмых, следует обеспечить опережающее развитие сибирской науки, о чем говорил тот же В.И. Вернадский. Если уж где и строить российскую «силиконовую долину», то не под Москвой, а на базе научного потенциала того же Новосибирска или Томска. Желательно вспомнить при этом опыт создания Академгородка — едва ли не самого успешного научно-организационного проекта второй половины XX века. Особого внимания заслуживают аграрные исследования в Сибири. Целесообразным было бы создание Федерального аграрного научно-образовательного центра на базе Алтайского государственного аграрного университета в Барнауле. Алтай, как кормилец Сибири и всемирно значимый центр рекреации, заслуживает приоритетного внимания со стороны государственной власти.

В-девятых, надо сделать ставку на развитие многоуровневого кооперативного движения в Сибири, особенно в области сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственной продукции. Именно благодаря кооперации дореволюционное сельское хозяйство сделало на том же Алтае мощный скачок. Капитальной мерой стал бы двухгодичный государственный беспроцентный кредит сибирским крестьянам для обновления технической инфраструктуры производства и который предусматривал бы возможность возврата не деньгами, а сельхозпродуктами. Подобный региональный эксперимент был осуществлен в Белгородской области и дал неплохие результаты.

В-десятых, на конкретные мероприятия по перемещению центра демографической, политической, хозяйственной, научной и культурной жизни в центр Сибири должна быть предусмотрена отдельная строка в бюджете и принят соответствующий

щий закон наподобие того, как это делается относительно Сочинской олимпиады.

Подобная комплексная программа не только не ущемит европейские регионы страны, но, напротив, призвана обеспечить их долгосрочное ресурсное выживание, облегчение экологического и демографического бремени. Особенно это важно для перенаселенных Москвы и Петербурга. Можно и нужно также в государственном масштабе организовать жесткий информационный прессинг в отношении крупного российского капитала (особенно банковского), которому должно быть публично стыдно в нынешних условиях содержать английские футбольные клубы и покупать виллы на Лазурном берегу. На эти деньги можно в кратчайшие сроки и весьма успешно решить многие проблемы развития Сибири.

Раньше простой народ России двигался на Восток, а власть чаще всего смотрела на Запад. Теперь пора всем миром обратить лик к Востоку, особенно в условиях усугубляющегося глобального экологического кризиса, когда вскоре, возможно, многие территории западной и восточной Европы окажутся непригодными для жизни и хозяйственной деятельности. Этим уже сегодня глубоко озабочены европейские страны и Китай с Японией, но не меньше должны быть озабочена наша страна, владеющая стратегическими ресурсами и пока не научившаяся ими разумно пользоваться. И лозунг дня, на мой взгляд, должен быть следующим, дабы он мог объединить честных и совестливых людей: **«Сохраним Сибирь для России и для будущих поколений!»**

Этюд 8. Российско-монгольские устои Евразии

Летом 2009 года в рамках совместного российско-монгольского социологического проекта группе российских профессоров, в числе которых был и автор данной статьи, довелось проехать на машине от Улан-Батора через центральные районы Монголии до крайних западных ее аймаков. Я и раньше не раз бывал в Монголии, но в ее западной части (Ойротии). Посещение же Халхи (центральной части страны) существенно раздвинуло и обогатило мое видение прошлого и настоящего

монгольского народа, позволило выявить такие черточки в его национальном характере, которые раньше ускользали от моего взора.

Главное впечатление от Монголии, о котором хочется поведать, — это ощущение предельно родственного и близкого нам культурного пространства, словно ты никуда и не уезжал из России. Лишь три вещи напоминали нам, что мы все-таки гостим в другой стране с иными культурными традициями: это внешний облик людей, язык и кухня. Кухня — исключительно кочевая, а, значит, мясная и тяжелая для желудка представителей земледельческих культур, выросших на овощах и кашах. Даже рыба — редкий гость на монгольском столе. До последнего времени они ее не ловили, поскольку, по традиционным монгольским представлениям, есть следует только то, что живет на земле, а не плавает под водой и не летает в небе. С другой стороны, изумительны на вкус и полезны в летний зной чаша свежего кумыса, сырчик из конского молока («арул») и особенно пенка от молока монгольского яка, называемая «урум». Последняя просто восхитительна, являясь причудливой смесью нашей сметаны и европейского йогурта. Удивительно, но структура традиционного монгольского питания практически не изменилась со времен Чингисхана. Она — прямое отражение тех экологических условий и кочевого образа жизни, в которых испокон веков живут монголы. Это — органическая часть их национального самосознания.

Что касается языка, то раньше русский человек и здесь чувствовал себя как дома: монголы всех возрастов отлично говорили по-русски. Ныне, увы, ситуация с русским языком совсем иная: по-русски сносно говорит старое и среднее поколение монголов, а молодежь повально не знает русского. Правда, не знает она и английского, который усиленно навязывался монголам в последние 15-20 лет. Дело в том, что его преподавание в школах и вузах до последнего времени велась американцами из «Корпуса мира» или из протестантских организаций. Профессиональные же преподаватели английского языка из США и Англии ехать в Монголию не спешат, а без качественной методики обучить монголов фонетически и грамматически чуждому для них языку чрезвычайно трудно. В результа-

те, в провинции даже официантки и работники гостиниц не говорят по-английски. Исключение составляет Улан-Батор, но оттуда прилично знающие английский язык монголы уезжают на работу за границу, в основном в Южную Корею, Японию и США.

Несколько раз из уст самых разных людей мы слышали одну и ту же мысль: именно через русский язык Монголия приобщилась к вершинам современной научно-технической цивилизации, а ставка на другие иностранные языки культурно себя не очень оправдывает. И в последнее время здесь наметились явные перемены к лучшему: монгольское правительство намерено серьезно поддерживать школы с углубленным изучением русского языка. Расширяющееся российско-монгольское сотрудничество объективно требует этого. Отрадно, что после «перестроечного» паралича российско-монгольского культурного сотрудничества в 90-е годы прошлого века, постепенно вновь приходит понимание фундаментальности и безальтернативности крепких и многогранных связей между двумя нашими братскими народами. «Старый друг лучше новых двух» — эту русскую поговорку нам не раз приходилось слышать от самых разных людей в ходе наших почти месячных скитаний по бескрайней монгольской степи. И в самом деле, Монголия была единственной страной в 1941 году, кто объявил Германии войну через несколько дней после ее вероломного нападения на СССР. Монголы всю войну бескорыстно помогали нам, чем только могли. На монгольских конях скакали легендарные воины генерала Доватора; многие русские пушки по дорогам войны тянули не знающие усталости выносливые монгольские лошадки. С фашистской Европой билась вся многонациональная Евразия, и монголы составляли пусть и немногочисленный, но один из самых стойких ее батальонов. Не случайно дружбу русских с братским монгольским народом Ю.Н. Рерих и Л.Н. Гумилев считали необходимым условием геополитической стабильности и экономического процветания всего евразийского пространства.

Однако кроме истории, нашему сближению способствует и настоящее. Дело в том, что чары рыночно-либеральной мечты за последние 5-10 лет изрядно подразаивались. За всеми благо-

стными разговорами и обещаниями проступила голая капиталистическая правда: хищнический интерес американских, китайских и корейских фирм к нетронутым природным ресурсам Монголии при равнодушии к ее национальным интересам и культурным традициям. Более дальновидно и гуманитарно ведут себя японцы, находя на монгольской земле корни собственной культуры и инвестируя деньги в ее науку, культуру и образование. Но есть все основания считать, что и они в скором времени обнаружат свои истинные — сугубо прагматические — интересы.

На этом фоне бескорыстная помощь русских в организации собственной монгольской системы образования, медицины, науки, промышленности, ветеринарной службы воспринимается сегодня как старая добрая сказка, которую надо бы вновь сделать былью. Ясно, что не будет уже ни старшего, ни младшего брата, ни шестнадцатой союзной республики аграрного профиля, а будет равноправное и взаимовыгодное сотрудничество во всех областях, которое России нужно никак не меньше, чем Монголии. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Но, пожалуй, самое сильное положительное впечатление произвело на нас возрождение культурных традиций Монголии, пробуждение ее поистине бездонной исторической памяти. Во всех аймаках, по которым мы проезжали, есть свои священные природные объекты — перевалы, родники и реки, священные деревья и горы. Они наделяются живой и чувствующей душой, что отмечено возведенными каменными пирамидами «обо», украшенными синими и золотистыми лентами. Близ таких священных мест нельзя кричать и сквернословить, рвать травы, рубить деревья, разжигать костры и охотиться. Монголы (даже многие доктора наук!) искренне верят, что мир устроен сложнее, чем представляется атеистическому сознанию, и природа мстит самоуверенному сыну технической цивилизации, попирающему ее всеобщие законы, основанные на доверии и любви. Нам рассказывали про многие случаи, когда срубивший дерево на священном склоне тяжело заболел, а убивший кошулю в заповедной роще терял кого-то из близких родственников.

Экологический характер традиционного мировоззрения монголов нашел очень важное и положительное, на мой взгляд, проявление в их политической жизни. Так, в честь горы Оттон-тэнгэр — главной вершины их священного хребта Хангай — один раз в четыре года обряд поклонения совершает сам президент Монголии вместе со всем правительством. Этим задается шкала подлинных ценностей, а молодежь получает не только экологический, но и духовный урок почитания высшего и прекрасного. Считается, что гора Оттонтэнгэр отзывается на все боли и радости жителей Монголии и доносит их молитвы до высших небес. Нам довелось созерцать эту вершину с одного из перевалов близ города Улиастая. Гора и вправду походила на живое отверстое сердце, устремленное в небеса. Созерцая поразительную гармонию и красоту ее линий и красок, человек поневоле начинает испытывать чувства благоговения и восхищения, возвышающие его душу над повседневной суетой. Под сенью этой величественной горной вершины, которой монголы поклонялись и сто, и тысячу лет назад, становится совершенно понятным, что такому признанию абсолютных и вечных ценностей бытия не только могут, но и должны учиться представители так называемых «развитых» демократий, где сегодня оказалась явно утраченной грань между добром и злом, достойным и недостойным, высоким и низким, и где, похоже, главной «моральной» задачей стала борьба за права сексуальных и религиозных меньшинств, а не за добро, красоту и истину.

Такому почитанию природных и культурных святынь стоит поучиться и нам, русским, отравившим свои великие озера и реки и готовым ради наживы жертвовать своим бесценным достоянием, типа Катунь или плоскогорья Укок на Алтае. Не все, однако, так хорошо обстоит с природоохранными делами и у самих монголов. Они рассказали нам, что их корыстные чиновники продали иностранцам под промышленную разработку недра некоторых сакральных территорий, типа священной горы Сутай в Ховдском аймаке, на склоне которой обнаружены залежи коксующихся углей. Это чревато в будущем серьезными социальными потрясениями типа тех, что произошли в Упсунурском аймаке. Там жители с оружием в руках вышли защищать свои природные святыни, и дельцы вынуждены были от-

ступить. Такой решительности в борьбе с чиновничьей продажностью и капиталистическим хамством нам также не грех поучиться.

Перехожу, быть может, к самому главному, что мы увидели в братской стране. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились с одним из влиятельных духовных лиц Монголии — ламой Пуревбатом из монастыря Гандан в Улан-Баторе. Этот человек, не достигший еще и сорокапятилетнего возраста, внес большой вклад в возрождение традиционного буддийского искусства Монголии. Являясь одновременно и талантливым художником, и глубоким теоретиком искусства, лама написал несколько фундаментальных монографий по теории буддийской живописи, скульптуры и архитектуры. Они уже переведены на другие языки. В его лице великое буддийское прошлое Монголии словно сомкнулось с настоящим. Лама основал в монастыре Гандан живописную мастерскую, он является президентом Монгольского института буддийского искусства, почетным доктором Академии искусств Монголии, лауреатом высшей национальной художественной премии за возрождение тридцати шести культурных традиций Монголии. Одновременно лама Пуревбат — знаток буддийской медицины, психотехники и философии, обладающий большой научной эрудицией, творческой энергией и мудростью истинного учителя.

Трудами таких духовных подвижников, как лама Пуревбат, буддизм в Монголии переживает сегодня подлинный Ренессанс. В другом монастыре Эрдэнэ-дзу — авторитетнейшем и старейшем в Монголии, расположенном в ее древней столице Каракоруме — мы видели сотни паломников со всех концов страны, жаждущих приобщиться к сокровенному буддийским святыням. Двигаясь по ходу солнца слева направо и вращая молитвенные колеса хурдэ со словами буддийских молитв и благопожеланий, они обходят по периметру буддийские храмы, в центре которых перед изображением Будды и боддхисаттв ламы нараспев читают строки священного буддийского канона Ганьчжур в сто восемь томов. Ровно сто восемь ступ окружают по периметру и стены Эрдэнэ-дзу; то же сакральное число сто восемь определяет количество бусин на традиционных буддий-

ских четках. Сто восемь раз желательно повторить молитву у священных мест, дабы твое желание исполнилось.

Увы, большинство буддийских святынь и монастырей, включая Гандан и Эрдэнэ-дзу, были разрушены в 1936-1937 воинствующими безбожниками, а ламы, жившие в них, расстреляны. Тот же лама Пуревбат обнаружил близ столицы останки шестисот убитых лам и, совершив поминальный обряд, воздвиг на месте их погребения буддийскую ступу. Горько осознавать, что монгольское атеистическое насилие над духовными лицами было осуществлено под непосредственным влиянием отечественного атеистического мракобесия. Повторю еще раз высказанную выше мысль: надо делать ставку на все доброе, что было во взаимоотношениях между народами, но не забывать и про горькие страницы истории, дабы они не повторились вновь. Но самое главное, от воинствующего мракобесия — не важно, коммунистического или капиталистического — должны быть ограждены природные и культурные святыни европейских народов. Святыни — вечные и живые *ключи культуры* в двуедином значении этого мудрого русского слова: из них, как из неиссякающих родников, вытекает река краеугольных ценностей и смыслов данной этнокультурной общности, а, приобщившись к ним, человек получает ключ к ларцу духовных сокровищ того или иного народа.

Об этом и о многом другом говорили мы с ламой Пуревбатом в ходе нашего почти двухчасового общения. С его точки зрения, буддийская доктрина является самым глубоким и всесторонним религиозным учением, в котором накоплен гигантский опыт самопознания и духовного просветления, столь необходимый нашему, погрязшему в иллюзорных желаниях и страстях, материалистическому миру. Лама также несколько раз подчеркнул, что физическое здоровье нельзя оторвать от здоровья духовного, что нечистые и злые мысли отравляют нашу плоть и все окружающие природные формы; что современный человек, обладающий колоссальным внутренним творческим потенциалом, сделал ставку не на него, а на внешние механические средства. И уже очевидно, что он потерпел на этом пути большую цивилизационную неудачу. Лама Пуревбат подчеркнул, что буддийские учителя давно предупреждали об

опасностях, которые подстерегают людей, забывших о своем внутреннем мире. Он даже показал нам книгу буддийских пророчеств о грядущих катастрофах, подчеркнув, что регионы Центральной Азии и Сибири устоят при всех мировых катаклизмах. Узнав, что мы с Алтайских гор, он сказал, что Алтай — благословенное место для буддистов, и он будет молиться за его сохранение и преуспевание.

На обратном пути из Монголии мы на несколько дней заехали в знаменитую Уймонскую долину на Алтае. Там в одном из урочищ возводится подворье Троице-Сергиевой Лавры, чтобы снабжать целебным алтайским медом монастырскую братию главной духовной твердыни России. И почему-то поверилось, что есть незримая духовная связь между монастырем Гандан и обителью Святого Сергия — духовными оплотами монгольского и русского народов, ибо не могут истинные подвижники разных религий при всей разнице мировоззрений противостоять друг другу. Напротив, стоят они сегодня в одном строю, сражаясь против тьмы невежества и эгоизма, корыстолюбия и национальной розни, защищая природные и культурные святыни своих народов — вечные устои многонациональной Евразии.

Этюд 9. Алтай как сердце евразийского пространства

*И странно и чудно — везде по всему краю
хвалят русский Алтай.
И горы-то прекрасные, и недра-то могучи,
и реки-то быстры, и цветы невиданны.
А на реке Катунь должна быть последняя в мире война.
А после — труд мирный.
Н.К. Рерих*

I

К началу XXI века полным крахом завершились две космополитические попытки: создать денационализированного «советского человека» и денационализированного западного «экономического человека». Зримым воплощением первого краха стал распад СССР; воплощением второго — лавинообразное нарастание этнорелигиозных конфликтов в Европе и прогрес-

сирующая этническая фрагментаризация общества в США, хотя именно последние претендовали на роль капиталистического «плавильного котла» наций.

На объективную причину неудач обоих этих проектов пророчески указала еще русская философская мысль конца 19-го — начала 20-го веков. Так, В.С. Соловьев говорил о буржуазных «гипнотиках индивидуализма» и социалистических «гипнотиках коллективизма», где в обоих случаях неизбежно пропадает подлинная человеческая индивидуальность, как органический синтез всеобщего и особенного, национального и общечеловеческого, родового и личностного начал. Денационализированный «советский человек», равно как и денационализированный «рыночный человек» оказались утопическими мысленными конструктами, бесконечно далекими от реальной жизни. Неудивительно, что попытки подогнать под них неизреченное богатство человеческого экзистенциального и социального бытия обернулось насилием над жизнью — тупиковым социалистическим и, как сейчас уже становится понятным, столь же тупиковым глобалистским капиталистическим экспериментом. В результате мир сегодня все больше превращается в арену жестких этнических и религиозных столкновений, где воинствующий национализм и космополитизм — лишь две оборотные стороны одной и той же дьявольской монеты, словно специально подобранных доверчивым простакам. Опять-таки именно русская философия сумела это подметить и точно сформулировать. Так, К.Н. Леонтьев писал: «Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть частное видоизменение космополитической разрушительной идеи»⁷² С.Н. Булгаков позднее отмечал: «Национализмом... убивается патриотизм и косвенно поддерживается космополитизм, а в этом последнем, в свою очередь, находит свою духовную опору воинствующий национализм. Получается порочный круг»⁷³.

В той же Европе прямое «столкновение цивилизаций» является лишь вопросом исторического времени, о чем я уже писал выше, ибо сохранять пресловутую межэтническую и меж-

⁷² Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 42.

⁷³ Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Том 2. Избранные статьи. М., 1993. С. 456.

культурную толерантность (читай: равнодушие) можно лишь до той поры, покуда сохраняется экологическое благополучие и высок уровень жизни. Если же внутренней нравственной установки на переступание межэтнических границ нет (остается жесткой межа «свой — чужой»), тогда при ухудшении материальных условий жизни и обострения социальной конкуренции один этнос неизбежно будет решать свои проблемы за счет другого. Угроза гоббсовской вражды «всех против всех» становится все более реальной перспективой для западного мира. Уже сейчас неонацизм и расизм — настоящее проклятие Германии и Англии. С другой стороны, готовность европейских мусульман массово взрываться даже при намеке на оскорбление их религиозных чувств — также неоспоримый факт жизни современной Европы. Словом, вместо рыночного плавильного котла, откуда, по замыслам идеологов глобализации, должен был выйти бескорневой глобалистский номад⁷⁴, образовалась этническая пороховая бочка, в которой гремучая этническая смесь рано или поздно рискует взорваться.

В этих условиях — самое время непредвзято обратиться к положительному историческому опыту межэтнического сотрудничества евразийских народов, где их совместное бытие — на границе между Востоком и Западом, кочевым и оседлым мирами позволяло и до сих пор еще позволяет непротиворечиво и живительно соединять охрану своей этнокультурной индивидуальности с готовностью к цивилизационному диалогу; верность традициям с нацеленностью на созидательные инокультурные заимствования; охрану своих границ с готовностью их переступить. Недаром буржуазному глобальному общечеловеку-эгоисту⁷⁵ в русской религиозно-философской традиции явно или неявно всегда противостояла идея «соборного человека» (А.С. Хомяков), «симфонической личности» (Л.П. Карсавин), любовно-софийного отношения к другому че-

⁷⁴ Бестрепетно меняющий страны, народы, профессии и даже пол.

⁷⁵ В этом плане чаемый социалистический денационализированный общечеловек декларировался по крайней мере как альтруист и бессребреник, борец за счастье всех угнетенных и обездоленных. Здесь русский социалистический идеал сохранял явную преемственность с нестяжательскими православными идеями прошлого. Все это позволило России в XX веке при всех трагических издержках сохранить высокие идеалы жизни и сломать хребет гитлеровскому фашизму.

ловеку, нации, обществу в целом (В.С. Соловьев). Последний выразил это русское и, шире, евразийское понимание человека предельно четко: «Если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т.е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа... Определенное различие, или раздельность, жизненных сфер, как индивидуальных, так и собирательных, никогда не будет и не должно быть упразднено, потому что такое всеобщее слияние привело бы к безразличию и пустоте, а не к полноте бытия. Истинное соединение предполагает раздельность соединяемых, т.е. такую, в силу которой они не исключают, а взаимно полагают друг друга, находя каждый в другом полноту собственной жизни»⁷⁶.

Совсем не хочется идеализировать отечественную историю, тем более недавнюю, где национальный эгоизм вкупе с прозападным космополитизмом (совершенно в духе предсказаний К.Н. Леонтьева и С.Н. Булгакова) обернулся крахом СССР и распадом единого евразийского пространства на множество национальных государств. Однако нельзя не видеть и другого: через почти два десятка лет после беловежской трагедии процесс политической реинтеграции евразийского геополитического пространства все же набирает обороты, равно как усиливается и культурный диалог между евразийскими народами. Создание Шанхайской организации сотрудничества, развитие двух- и многосторонних связей между Россией, Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Туркменией, Таджикистаном — все это трудное, но необходимое возвращение к глубинному историческому опыту соборного евразийского бытия, без которого, как выяснилось, никому не выжить и не встать на путь национального процветания. А это тут же восстановило коренную антропологическую евразийскую задачу — формирования не рыночного и, конечно, уже не советского, а именно **соборного евразийского человека**, готового к мирному сосуществованию и открытому диалогу с соседом, к отказу от своей исключительности и культурной непроницаемости. Подобный идеал «всемирно отзывчивого человека» утверждали

⁷⁶ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 544.

и А.С. Пушкин, и Ф.М. Достоевский, и Н.К. Рерих, лично воплотивший в 20-ом веке идеал евразийского человека-творца.

В этом плане особое значение приобретает, с одной стороны, обращение к созидательному опыту сотрудничества евразийских народов в истории, а, с другой, к поиску пространственных точек, где это евразийское взаимодействие велось с повышенной интенсивностью, издревле давало ценные результаты и образцы. Отсюда возникают закономерные вопросы:

— Не имеем ли мы дело со множеством своеобразных антропологических плавильных регионов-тиглей (или котлов) в рамках единого евразийского пространства, где с опорой на традицию должен выковываться новый человек новой эпохи, не на словах, а на деле готовый обогащаться достижениями чужих культур и устанавливать с ними по настоящему братское духовно-экологическое сотрудничество?

— Не несут ли современные процессы в этих ключевых точках пусть пока еще слабые и мало оформленные, но все же прообразы каких-то более живых и перспективных форм мировой интеграции, противостоящих нынешним глобалистским экономическим, национальным и антропологическим тупикам?

— Не унижаем ли мы себя, слепо, как попугаи, повторяя западнические мифологемы типа той же «толерантности» и наивно примеряя к себе чуждые мерки и установки при взаимодействии с другими народами и культурами? А ведь есть прекрасные и ясные русские слова «открытость», «дружелюбие», «взаимообогащение», нацеливающие не на равнодушие к тому, кто живет рядом с тобой и защиту собственной ложной автономии, а на активное экзистенциальное «прораствание» в чужую культуру и творческое ученичество.

В этом плане обращение к региону Большого Алтая, к его истории и настоящему, является, на наш взгляд, вполне обоснованным. **Алтай всегда был, есть и во все возрастающей степени призван становиться ключевым евразийским антропологическим тиглем.** Здесь куется и будет коваться соборный человек новой духовно-экологической (или ноосферной) эпохи со вполне определенными личными психологическими качествами и духовными установками, обеспечивающими превращение мира в подлинно живую, а не мертвую цело-

стность. Подобные плавильные котлы есть в других частях евразийского материка, да и в других регионах мира. Но по целому ряду вполне объективных параметров Алтай остается абсолютно уникальным регионом на Земле с абсолютно уникальным историческим, биосферным, геополитическим и культурным потенциалом, о чем вскользь я уже упоминал выше. Не случайно та же семья Рерихов уделяла Алтаю такое большое внимание и именно там мечтала утвердить Звенигород — город вселенского знания и культурного сотрудничества народов. Они имели для этого все основания. Именно об уникальности геополитического положения Алтая, его природном и культурно-синтетическом потенциале, его способности оказывать преобразующее воздействие на человеческие тело и душу пойдет речь на последующих страницах данного этюда⁷⁷.

II

Прежде всего, подчеркну хорошо известный факт: Алтай — это *геополитическое сердце Евразии*, где сходятся границы четырех крупнейших государств: России, Китая, Монголии и Казахстана, и где им самой судьбой завещано сотрудничать на благо себе и всем другим регионам Земли. Алтай с геополитической точки зрения — это естественным образом развернувшееся знамя мировой интеграции не на тупиковых рыночно-ростовщических и конкурентно-конфликтных, а на **духовно-экологических основах**:

- ненасилию;
- нестяжательстве;
- неприятию идеологии агрессивного индивидуализма, политического диктата и технократического покорения природы;
- благоговении перед природными и культурными святынями;

⁷⁷ Уникальность Алтайского региона в плане его геополитического, биосферного и исторического потенциала довольно подробно описывалась в целом ряде авторских публикаций, поэтому этих аспектов мы подробно касаться не будем. См.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2002 (второе переработанное издание — 2010 год).

— защите и преумножении живительных традиций евразийских народов, типа монгольского государственного культа священных гор или почитания старшего поколения у казахов;

— тотальной экологизации промышленного производства и развития нетрадиционной энергетики;

— охране неповрежденных территорий как основы стабильности биосферы и социума;

— многоуровневой хозяйственной и интеллектуальной кооперации;

— реальном праве народов на здоровую среду обитания, материальный достаток и приобщенность к культурным достижениям человечества;

— широком межрелигиозном и межкультурном диалоге, обеспечивающем реальный синтез идей, ценностей и созидательных жизненных установок.

Общей же целью интеграции является создание оптимальных внешних условий для внутреннего развития человека, его физических, нравственных и интеллектуальных способностей. Такая программа, как мы увидим ниже, вовсе не является утопией. Гибельной утопией является как раз желание законсервировать нынешнюю техногенно-потребительскую модель мирового развития, приведшую человечество на грань глобальной катастрофы. Что же касается Алтая, то там существуют вполне объективные природные предпосылки для регионального воплощения этих универсальных основ духовно-экологической интеграции.

Так, Алтай — это *географическое сердце и символ Евразии*, ее своеобразное фрактальное подобие, где на весьма ограниченном участке земной поверхности присутствуют все евразийские климатические зоны (тундра–лес–степь–пустыня), но только развернутые в вертикальном направлении, учитывая горный рельеф Алтая. Здесь сосредоточены значительные запасы пресной питьевой воды, целебных источников, качественной древесины. Ландшафтному разнообразию соответствует выдающееся биоразнообразие, за которое Алтай в 1997 году был включен в Список Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО. Здесь произрастают свыше двух сотен видов эндемичных растений (среди них — родиола розовая, кандык си-

бирский); обитают редкие виды краснокнижных птиц и животных, среди которых — горный гусь, беркут, улар, барс, архар, кот манул. Ледники и леса Алтая питают крупнейшие реки региона — Ховд, Иртыш, Обь, Ховд, Канас, обеспечивающих жизнь людей на огромных пространствах Сибири и Центральной Азии.

При этом высокогорный и пустынный монгольский Алтай совсем не похож на лесной русский, а тот, в свою очередь, на степной казахский и китайский. Весь Алтай с природно-эстетической точки зрения прекрасен и гармоничен во все времена года, но есть несколько мест на Алтае, особенно поражающих своим величием и красотой. Потрясающее впечатление производит трехглавая белоснежная Белуха с северо-востока, с перевала Кок-Елбак на фоне изумрудных раскидистых кедров и синих небес. Перехватывает дух, когда, двигаясь вдоль казахстанской реки Белая Берель к Рахмановским ключам, вдруг на одном из перевалов та же Белуха открывается перед тобой с юга — двуглавая и совсем другая, чем с севера, но не менее величественная и монументальная. Белуха (Уч-Сумер, Кадын-Баши) — это духовная ось Алтая, ее главная священная вершина, которой поклонялись и поклоняются русские и алтайцы, монголы и тувинцы.

Трудна дорога на легендарное плоскогорье Укок — страну белых молочных рек, делающих почти зримыми легендарные преданья о Беловодье. И невозможно передать, какая буря восхищенных чувств вспыхивает в душе, когда после тяжелого подъема на перевал Теплый ключ (около трех тысяч метров над уровнем моря) перед тобой встают белоснежные вершины Табын-Богдо-Ола⁷⁸ — горной царицы Центральной Азии, господствующей над Укоком. Она символизирует великий водораздел между реками Сибири, текущими в Северный ледовитый океан, и огромными бессточными котловинами Центральной Азии, в чьих песках теряются такие реки, стекающие с ледников Алтая, как китайский Канас и монгольский Ховд.

⁷⁸ Кстати, если подняться с перевала Теплый ключ еще метров на сто-двести вверх, то в ясный день можно одновременно созерцать Белуху и Табын-Богдо-Ола — две природные и, одновременно, культурные святыни евразийских народов.

Совсем другие, но не менее светлые и возвышенные переживания испытывает человек, подъехавший со стороны горно-алтайского поселка Улаган к перевалу Катуюрык. Его взору предстает бездонный Чулышманский каньон с желто-фиолетовыми отвесными скалами, с поющими водопадами, низвергающимися с огромной высоты, и с узенькой лазурной строчкой реки, пенящейся далеко внизу белыми порогами. А какой огненно-малахитовый цвет воды в начале октября у Катунь, особенно на фоне желтых берез и лиственниц и молочно-белой струи Ак-кема, втекающего в главную реку Алтая за селом Тюнгур! А как суров и величественен неприступный каньон Аргута, впадающего в Катунь за Ак-кемом, пройти вдоль которого можно только зимой по льду. А есть еще удивительная панорама снежных вершин и ледников Северо-Чуйского хребта, совершенно неожиданно открывающегося в районе 796 км Чуйского тракта за поселком Акташ и словно воплощающего вечную загадку и вечный зов Алтайских гор. А есть еще прекрасные синие воды монгольского озера Толбо-нур, где ходит столько легенд среди монгольских казахов о снежном человеке. Есть неземной белый цвет ледников горы Цамбогарав, господствующей над священной долиной западных монголов (ойратов) Эрдэнэбурэн. Оттуда вышли крупнейшие политические деятели и литераторы Западной Монголии.

Немудрено, что человек, хоть раз побывавший на Алтае, влечется сюда вновь и вновь. Не счесть восторженных откликов об Алтае, написанных здесь картин, сочиненных стихов, снятых фильмов. Число паломников и туристов растет год от года. В добрых людях он проявляет и усиливает доброе начало; из душ невысоких — здесь выползает наверх всякая внутренняя нечистота и нездоровье, что тоже, в конечном счете, неплохо. Словом, Алтай искони выплавлял и выплавляет духовный металл из руды человеческих душ, многим открывая их жизненную сверхзадачу, помогая решить сложные личные проблемы и обрести прочные устои в жизни. А кому-то он помогает просто трезво взглянуть на самого себя. Не случайно алтайцы называют Алтай — Каан-Алтай, веря, что он и в самом деле обладает живой душой, способной откликаться на добрые и темные помыслы человека.

Давно известно: чем дольше и внимательнее созерцаешь горный пейзаж (особенно ранним утром и особенно в ясный день), тем больше нюансов и потаенных смыслов открываешь не только в нем, но и в недрах собственной души. Любуешься ли никогда не повторяющейся игрой туманов и солнечных бликов на склонах гор, вслушиваешься ли в песню ручья или зяблика на кедровой ветке, — и рождаются в этой полноте спокойного созерцания глубокие мысли и сильные чувства. «Нет дурных вестей с Алтая» — так, пожалуй, можно было бы вкратце выразить это его важнейшее свойство просветления и огранки человеческих душ своей естественной природной красотой. Правда, для этого у человека должны быть соответствующие настрой и желание, внутренний запрос, иначе ничего он не увидит и ничего для себя не откроет. Подавленный или озлобленный человек не вберет в себя и сотой доли врачующих плоть и душу софийных энергий Алтая.

Но Алтай — это еще и мощнейший *исторический и этнический тигль Евразии*, в горниле которого выплавлялись и творчески сплавливались друг с другом ключевые этносы евразийского материка. Так, с Алтаем в той или иной форме связан этногенез тюрков и угро-финнов, славян и монголов, палеоазиатских народов Севера и корейцев. На Алтае ищут свою историческую прародину венгры и японцы, турки и даже тайцы. Через Алтай двигались с Запада на Восток предки индоевропейских племен и русские первопроходцы; с Востока на Запад — гуннские, тюркские и монгольские племена; с севера на юг — предки корейцев; с юга на север — предки современных хантов, якутов и, как все больше подтверждается, североамериканских индейцев.

Наскальные рисунки, могильники разных эпох, рунические письмена, древние менгиры и кромлехи разбросаны по всему пространству Большого Алтая, словно большая, еще не прочитанная нами книга древнейшей истории человечества. До сих пор пути движения древних племен и особенно мотивы их снятия с родимых мест до конца не ясны. Археологически слабо изучены пустынные пространства монгольского Алтая и особенно — Гобийский Алтай. Опять-таки совершенно прав был Н.К. Рерих, писавший, что «Алтай в вопросе переселения наро-

дов является одним из очень важных пунктов. Погребение, установленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища»⁷⁹.

Материальными свидетельствами узлового характера Алтая, лежащего на скрещении древних торговых и кочевых путей, служат находки в пазырыкских курганах Улагана, Укока, Береля — древнейшие образцы китайского шелка и рубашка из шелка дикого индийского шелкопряда, греческие монеты и классический персидский ворсовый ковер, аналогов которому в мире больше нигде не найдено. Одному из авторов довелось знать американца, крупнейшего исследователя старинных видов текстиля, который целый день просидел на краю пятого пазырыкского кургана, где этот ковер был раскопан. «Я погружаюсь здесь в сокровенные воды истории и в традиции народного мастерства», — так поэтически выразил он свое восхищение Алтаем. Антропологический же тип людей, обнаруженных в скифских могилах, как нельзя лучше символизирует идею органического срастания разных этносов и разных культур на Алтае, ибо там встречаются и типично индоевропейские, и типично азиатские типажи, что позволяет разным современным этносам (алтайцам, казахам, тувинцам, русским и тем же корейцам) видеть в них своих далеких предков.

Существует гипотеза, что Алтай исстари был сакральным местом Азии, где жрецы, постигавшие священную науку звезд и связей с иными слоями бытия, предсказывали будущее, возносили сокровенные молитвы богам и где племена под их руководством совершали ритуал захоронения своих великих вождей, мудрецов и героев. Души последних, связанные с местом захоронения, призваны были магически защищать оставшихся на Земле сородичей и доносить до них вести с Высших небес. Рядом со многими крупными погребальными комплексами на

⁷⁹ Рерих Н.К. Избранное. М.: Сов. Россия, 1979. С. 124.

Алтае, часто расположенным близ устьев рек⁸⁰, на господствующих высотах обнаруживаются алтарные комплексы для проведения соответствующих обрядов. Подобный комплекс с кольцевой каменной выкладкой можно обнаружить на горе, господствующей над Пазырыкскими курганами. Подобный же алтарь находится на плоскогорье Укок близ впадения реки Калгуты в р. Ак-Алаха, в месте, где последняя делает почти круговую петлю, пробивая себе дорогу через горный отрог. Древнее святилище находится и на вершине перевала Кату-Ярык, откуда открывается потрясающий по красоте вид на долину Чулышмана.

С таких высоких сакральных мест человек может созерцать прекрасные природные панорамы с горами и реками, лесами и синими небесами. Красота ландшафта настраивает здесь душу на возвышенный лад, отвлекает от бренного и суетного, напоминает о вечном и сокровенном. Так, с Пазырыкского горного алтаря в ясный день открывается дивный вид на господствующую вершину Курайского хребта — Кыскышту оик; а с алтаря на Укоке — на величественный горный массив Табын-Богдо-Ола. Если вспомнить о фаворском преображении Христа, то можно предположить, что в древности в таких сакральных местах (помимо и поверх всякой магии) преображалась и очищалась человеческая душа, получала заряд духовного знания и эстетического наслаждения. Эти древние алтайские алтари, без преувеличения, могут быть названы природно-культурными сакральными тиглями, способствовавшими духовному преображению человеческой души. Действуют они и сейчас, пробуждая в чутком современном человеке благородные, но, увы, почти забытые чувства благоговения перед высшим и восхищения прекрасным. К сожалению, близ таких алтарей часто видишь разнузданную компанию с водкой, матом и грубой музыкой. Такие и оставляют на древних петроглифах и ритуальных плитах Алтая свои собственные каракули. Как есть великие знаки и послания прошлого, так есть и современные метки разлагающегося или уже вовсе омертвевшего духа.

⁸⁰ Где, по архаическим верованиям, земные реки соприкасаются с восходящими или нисходящими потоками незримых надземных энергий — с «небесными реками».

III

Однако Алтай — это не только уникальный природный и исторический край, где способны преображаться в лучшую сторону человеческие души. Алтай — это во всех отношениях уникальный центр *культурного и религиозного синтеза*, где отнюдь не только в седой древности, но и в своей недавней истории евразийские народы вступали в интенсивное и продуктивное взаимодействие.

В 18-20-ом столетиях по своей и, увы, не по своей воле на Алтай пришли и достаточно прочно здесь осели такие народы, как поляки и украинцы, немцы и татары, чеченцы, эстонцы, мордва. Многообразие ландшафтов того же Алтайского края позволило разным этносам выбрать привычную для них хозяйственно-экологическую нишу, тем самым подтверждая справедливость общевразийского принципа расселения этносов, сформулированного Л.Н. Гумилевым. Он гласит, что многообразие ландшафтов Евразии дают право каждому народу на определенный образ жизни⁸¹. Так, русские крестьяне-переселенцы, приходя на Алтай, выбирали привычные для себя речные долины и ополья, украинцы — степные водоразделы; мордва — таежные территории.

В районе Горного Алтая местное кочевое и пришлое русское население, ориентированное на земледелие, вплоть до конца 19-го — начала 20-го веков имело достаточно возможностей вести свое традиционное хозяйство, не вступая прямо в земельные споры и ссоры. Соблюдалось важнейшее соловьевское условие соборного и мирного сожительства людей и племен, где именно раздельное проживание и свобода были гарантиями взаимного уважения и единения. При всех сложных и трагических зигзагах совместной истории, на русском Алтае не исчез ни один — ни автохтонный, ни пришлый — этнос, хотя некоторые из них, типа кумандинцев или тех же эстонцев, насчитывают несколько тысяч и даже сотен человек.

Если обратиться к Западной Монголии, то она — подлинный собор центрально-азиатских этносов. Здесь живут такие разные группы со своеобразной культурой и диалектами, как олеты и дзахачины, торгоуты и урянхайцы, дербеты и мянгады,

⁸¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 298.

хошоуты и халхи. Здесь причудливо сошлась и перемешалась тюркская, монгольская, тибетская и индоевропейская кровь. На рынке города Ховда, столицы Западной Монголии, можно встретить потрясающий по красоте женский типаж, где черные, как вороново крыло, волосы оттеняют алебастрово-белую кожу и большие голубые глаза. А рядом видишь типично халхасское (восточномонгольское) плоское лицо с узкими щелочками глаз. Местное население занято преимущественно скотоводством, но в том же Ховдском аймаке развито производство овощей, дынь и арбузов, которым занимаются в основном мянгады, появление которых в этом суровом кочевом краю до сих пор во многом остается загадкой. Скорее всего они были взяты в плен кочевниками-ойратами где-то в Средней Азии, а на новом месте обрели привычную для себя хозяйственную нишу, занимаясь поливным земледелием в долине реки Буянт, на которой стоит г. Ховд. При этом все этнические группы Западной Монголии испокон веков живут и работают дружно, и все сомоны (районы) дружно отмечают свой главный монгольский праздник — Наадам («три игры мужей»).

Обратимся к Восточному Казахстану. Там также в силу ряда исторических причин сложился многонациональный состав населения, но также нет этнических конфликтов. Официальная евразийская идеологическая платформа межнационального сотрудничества, утверждаемая Н.А. Назарбаевым, помогает сдерживать отдельные националистические проявления титульной нации. Одному из авторов лично пришлось познакомиться с весьма эффективной деятельностью Дома дружбы в Восточном Казахстане и не раз слышать от местного русскоязычного населения, что государственно провозглашенное евразийское мировоззрение в определенной мере облегчает им и социальную, и национально-культурную жизнь.

Более сложная этнокультурная ситуация с давних времен существует в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Там до сих пор тлеет этнический конфликт между уйгурами, коренным населением этой территории (46% населения Синьцзяна), и ханьским, пришлым этносом. Существует даже уйгурское правительство в изгнании. Межэтнический конфликт прорвался в июле 2009 года, и автору довелось оказаться в тот

момент в Синьцзяне. Ожесточение с обеих сторон было сильным, и вряд ли раны затянутся быстро. Однако надо отдать должное китайскому правительству: за последние годы оно довольно много сделало для сохранения и развития национальных культур многочисленных народов, проживающих в Синьцзяне. Всего их насчитывается сорок семь. Неханьское население составляет около 50% руководящих и научно-технических кадров Синьцзяна⁸². Официально используются письменные языки ханьцев, уйгуров, казахов, монголов и киргизов. На этих же языках ведется радиовещание и школьное обучение. Казахское и монгольское население поддерживает тесные научные и культурные связи с Восточным Казахстаном и Западной Монголией. Проживают в Синьцзяне и свыше 9000 тысяч русских. Есть даже полностью русские деревни, сохранившие язык, верования и обычаи предков. Сильное впечатление производит государственный институт культуры в г. Урумчи, оборудованный на самом современном техническом уровне, отлично кадрово укомплектованный, позволяющий сохранять и преумножать богатейшие культурные традиции народов Синьцзяна.

Если внимательно присмотреться к этнодемографической структуре всех регионов Большого Алтая, то можно сделать совершенно четкий вывод: **он является и сегодня в целом мирным собором различных народов, разительно контрастирующим с другими полиэтническими горными регионами Земли, раздираемыми конфликтами.** Этническая вражда разъедает сегодня Балканы и Кавказ, Гиндукуш и Памир, Тибет и Гималаи. На этом фоне при всех очень непростых этнических процессах, происходящих в регионе, Алтай пока остается местом этнической стабильности и центром притяжения для многих людей из разных районов Земли, едущих сюда в поисках своих исторических и духовных корней.

Что касается конфессиональной ситуации на Алтае в прошлом и настоящем, то и она не имеет аналогов в мире. Здесь на весьма ограниченном пространстве земной поверхности уже в течение нескольких столетий мирно сосуществуют буддизм и ислам, христианство и тенгрианство, даосизм и шаманистские культы. В Горном Алтае возникла в начале XX века одна их

⁸² Синьцзян. — Урумчи, 2002. С. 18.

самых молодых религий на Земле — бурханизм. Сюда на Алтай приезжают многочисленные последователи Учения Живой Этики, веря, что именно здесь начнет активно складываться соборное братство разных религий и культур и, наконец, осуществится великий синтез научного, философского и религиозного знания. До этой благородной цели еще весьма далеко. Мирное сосуществование между религиями и сферами духовной культуры еще не привело к устойчивым и продуктивным формам диалога между ними. Скорее они только-только формируются.

Однако в истории межэтнического и межрелигиозного диалога на Алтае есть страницы, безусловно свидетельствующие, что мы имели дело с действительными и многочисленными фактами культурного взаимообогащения народов.

IV

Любопытные факты культурного срастания русского казачества и казахов (киргизов в старой терминологии), живших вдоль Колывано-Кузнецкой пограничной линии, приводит крупнейший исследователь Центральной Азии Г.Н. Потанин. «Как на левом, так и на правом берегу Иртыша, — пишет он в статье «Сибирские казаки», — к линии примыкают киргизские кочевья, так что здешние казаки окружены киргизами и находятся под их исключительным влиянием. Почти все население говорит киргизским языком, нередко предпочитая его, легкости ради, родному языку. Для многих это — колыбельный язык, потому что няньками и стряпками здесь бывают киргизки. Не только простые казачки, но и казачки-барышни болтают здесь по-киргизски... Киргизские привычки простираются и на одежду, и на пищу казаков. Подобно кочевнику, иртышский казак любит носить широкие плисовые шаровары, халат из бухарской парчи или саранджи и лисью шапку, называемую по-киргизски борика. Иртышский казак — страстный охотник до киргизских национальных блюд. Он ест наравне с киргизом конину и казы (колбасы из конского мяса) и не уступает ему в способности пить турсук кумыса. Есть старые казаки, которые колют собственных лошадей на еду. Кроме этих внешних черт иртышские казаки заимствуют от киргизов многие предрассудки, понятия и убеждения. Казак, как и киргиз, считает за стыд

сесть на коня без нагайки, надеть холщовые шаровары и проч.»⁸³. Г.Н. Потанину вторит другой крупный исследователь Южной Сибири Н.М. Ядринцев. В работе «Раскольничьи общины на границе Китая» он пишет: «Не менее русские подверглись инородческому влиянию, например, в Западной Сибири, на границе киргизской степи, где казаки мало того, что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникают даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города совершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухтарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду»⁸⁴. Горячая дружба великого казаха Ч.Ч. Валиханова и великого русского Ф.М. Достоевского словно закрепляет и поднимает на новый уровень это культурное взаимопроникновение и тяготение простого казахского и русского народа.

Между пришедшим на Алтай русским населением, особенно старообрядцами, и алтайцами также устанавливались довольно тесные связи. Русские заимствовали у алтайцев навыки скотоводства, элементы кочевой кухни и опыт выживания в суровых горах, знания о целебных травах и родниках. У старообрядцев было принято крещение в Катунь и поклонение горе Белухе, т.е. они и алтайцы поклонялись общим святыням. Не редкостью были межэтнические браки. Показательны в этом плане воспоминания уймонского старообрядца К.В. Железнова: «Когда прадеды-то наши сюда бежали, алтайцы шибко добрые к ним были. Скрывали от церковников. Мы здесь крепко на ноги встали: у каждого была усадьба, люди жили богато. Но и трудились шибко. В два часа ночи ложились, а в шесть уже на ногах...»⁸⁵.

В свою очередь, через русских и особенно через Алтайскую духовную миссию алтайцы получили свой национальный

⁸³ Цит. по: Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII — первая половина XIX в.). Усть-Каменогорск, 2003. С. 121-122.

⁸⁴ Там же. С. 122.

⁸⁵ Цит. по: Боаги Н.М. Традиционное воспитание в старообрядческой семье (на примере уймонских староверов) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII Международной конференции (Горно-Алтайск, 19-23 сентября 2007 г.) — Т.1. Горно-Алтайск, 2007. С. 148.

алфавит, литературу, школу, навыки научной агрономии, ветеринарные и санитарно-гигиенические знания⁸⁶. Можно по-разному оценивать деятельность тех или иных православных миссионеров в тот или иной исторический период взаимодействия русских и алтайцев, но в целом благотворное влияние миссии на коренное население в том же 18-ом веке отрицать никак нельзя⁸⁷.

Существовали также довольно тесные экономические и культурные связи между алтайцами и монголами, монголами и русскими. Так, значительное влияние на современную культуру алтайцев оказывает буддизм, а бурханизм сегодня официально признан в качестве одной из его ветвей. Сохранились сведения, что буддийским просвещением и религиозным проповедничеством на Алтае занимались прямые ученики выдающегося просветителя и общественного деятеля Западной Монголии Зая Пандиты Найхамчжамцо⁸⁸. Отношения же между русскими и монголами на Алтае, неизменно окрашенным взаимной симпатией, посвящено довольно много работ. Огромную роль в установлении таких дружеских связей сыграли русские путешественники (Г.Н. Потанин, П.К. Козлов, Г.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцов, А.М. Позднеев) и особенно бийские купцы (А.Д. Васенев, Ф.И. Минин, Д.И. Ермолин, А.В. Бурдуков). «Проводниками русского влияния здесь, — писал русский ученый и путешественник Д.А. Клеменц, — были не дипломаты, ...не миссионеры, а только люди, явившиеся туда с чисто коммерческими целями. Это, однако же, не мешало созданию таких отношений, при которых симпатии населения всецело склоняются на сторону иноземцев-торговцев, а не в пользу господствующего правительства, "неустанно пекущегося о благе подвластных народов"»⁸⁹. Причины установления доверитель-

⁸⁶ Здесь огромную роль сыграл архимандрит Макарий Глухарев.

⁸⁷ См. Модоров Н.С. Архимандрит Макарий Глухарев — ученый, миссионер и просветитель // Макарьевские чтения: материалы второй международной конференции (21-22 ноября 2003 года). Горно-Алтайск, 2004.

⁸⁸ См. более подробно о просветительской деятельности Зая Пандиты в Алтайском регионе в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

⁸⁹ Цит. по: Старцев А.В. Алтай и Монголия: из истории приграничного сотрудничества // Алтайский вестник. №1(7), 2005. С. 59.

ных отношений между монголами и русскими купцами раскрывает священник Ф.А. Парняков: «Отличительной чертой бийского колониста является быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих силах, любезность и гостеприимство»⁹⁰.

В истории и в жизни человеческих сообществ все передовое и новое создается конкретными живыми людьми, которых Л.Н. Гумилев довольно точно назвал пассионариями. Здесь всегда важно качество, а не количество, ибо первопроходцы и духовные подвижники, культурные творцы и герои движут нашим миром, а не обывательская масса. Гении национальных культур своими жизнями, картинами, стихами, литературными и философскими текстами словно формируют идейный и нравственный камертон, который впоследствии настраивает души народов на вполне определенное звучание.

То, что дух евразийского этнокультурного единения на Алтае продолжает жить и сознательно (а чаще — бессознательно) определять умонастроения многих тысяч людей, — подтверждается данными экспертного опроса, который проводился в 2007 году на Алтае в рамках экспедиционного проекта Президиума СО РАН ««Евразия» как метафора российской цивилизации в общественном сознании россиян (на примере народов Республики Алтай и Республики Хакасия)». Вот характерные ответы, которые приводят алтайские респонденты разных национальностей, когда их просят охарактеризовать базовые ценности России: ««Женщина, община, собор народов, евразийство — вот ее (России) точки опоры» (мужчина, алтаец, 58 лет). «Восприимчивость, терпимость алтайцев,...евразийство, плюс традиционные воззрения своего народа» (женщина, алтайка, 41 год)... «И все равно есть что-то во взгляде народов, единящее их... Я не знаю, как это объяснить. Может наше недалекое прошлое наложилось» (женщина, казашка, 45 лет). «Я спокойно уживаюсь с любым народом еще и потому, что родился в Казахстане. А там были и корейцы, и чеченцы, и казахи» (мужчина, русский, 42 года)... «Народ (алтайцы) очень спокойный, доброжелательный. Два человека на квадратный километр. Это

⁹⁰ Там же. С. 57.

у них встреча с человеком — радость. Поэтому у них отношение к другим народам неагрессивное...» (мужчина, русский, 68 лет). «Россия как огромная держава является объединителем разных народов» (мужчина, русский, 27 лет)⁹¹. Приведенные выше данные Е.А. Ерохиной подтверждаются данными социологических опросов Г.Б. Эшматовой. Так, свыше 20% населения Республики Алтай в период с 2002 по 2005 год считали межнациональные отношения в РА хорошими, способствующими национальному согласию, а свыше 60% — нормальными, терпимыми⁹².

Все это, на наш взгляд подтверждает традиции сохранения идеалов этнической терпимости и взаимоуважения на Алтае, хотя взаимоотношения казахов и монголов-ойротов в Западной Монголии; алтайцев-теленгитов и казахов в Кош-Агачском районе Республики Алтай являются сегодня далеко не безоблачными⁹³, равно как и весьма прохладным остается отношение к китайцам-ханьцам со стороны не только уйгуров, но и монголов, и алтайцев, учитывая несколько столетий жестоких гонений, которым подвергались эти народы со стороны Циньского Китая. О национальных проблемах нельзя забывать, а о сложных страницах истории — нельзя умалчивать. Розовые очки при взгляде на взаимоотношения народов могут обернуться большой кровью⁹⁴. Но тем более нельзя пестовать исторические обиды и рассматривать все вопросы с узко националистической точки зрения.

⁹¹ Ерохина Е.А. «Евразия» как метафора российского мира в оценках интеллектуальной элиты Республики Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск, 2007. С. 76.

⁹² Эшматова Г.Б. Межэтнические отношения в оценках населения Республики Алтай (по результатам социологических исследований) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII Международной конференции (Горно-Алтайск, 19-23 сентября 2007 г.) — Т.1. Горно-Алтайск, 2007. С. 442.

⁹³ Это связано с резким ростом численности казахского населения на этих территориях в условиях дефицита пастбищ в Кош-Агаче и в Западной Монголии.

⁹⁴ Автор в годы обучения на философском факультет МГУ в конце 70-х — начале 80-х годов XX века слушал лекции одного из крупнейших тогдашних советских авторитетов по национальному вопросу. Тот убежденно доказывал, что советский Нагорный Карабах — образец гармоничного социалистического решения национального вопроса. Прошло около пяти лет, и именно с Нагорного Карабаха начался развал многонационального СССР.

Эгоизм везде и всегда смертелен — и для отдельной личности, и для отдельной семьи, и для отдельного этноса, а потому обращение к высоким историческим и личностным образцам культурной открытости и сотрудничества народов является и весьма эффективным лекарством от всех форм национализма, и стимулом к современному межнациональному общению. Алтай в этом плане способен дать и населяющим его народам, и другим этносам Земли по-настоящему зримые уроки соборного единения людей и культур.

V

Сегодня Алтай как никогда нуждается в совместном решении проблем, которые встают и перед русскими, и перед казахами, и перед монголами, и перед китайцами. Можно разграничить Алтай политически, но он, как биосферная, этническая и социокультурная система, был и остается единым. Ледники того же горного массива Табын-Богдо-Ола и прилегающие к нему хребты питают и русский (река Ак-Алаха, приток Аргута), и монгольский (река Ховд — главная артерия Западной Монголии), и казахский (река Иртыш), и китайский Алтай (река Канас является важной водной артерией Синьцзяна). Таяние алтайских ледников — общая проблема, которую нужно и можно решать только сообща.

Горные бараны аргали и барс не знают государственных границ, и дело их охраны — общая трансграничная задача для всех алтайских народов. Ветровые переносы приносят загрязнение из Усть-Каменогорска в Западную Монголию и Синьцзян; китайский ядерный полигон в Лобноре оказывает, в свою очередь, негативное влияние на казахский и монгольский Алтай. Взрывы на Семипалатинском полигоне оказали тяжелое воздействие на жителей Алтайского края. Нарастающее опустынивание в Западной Монголии из-за перевыпаса скота рискует вызвать серьезную миграцию населения в соседние регионы, о чем нужно думать уже сегодня. Забор китайцами воды из Черного Иртыша (важнейшего притока Иртыша) на нужды орошения уже сегодня резко уменьшил сток величайшей реки Западной Сибири и ставит под вопрос будущее таких городов, как Семипалатинск и Омск.

Ясно, что в этих условиях экологическое и социальное неблагополучие, межэтническая напряженность в одном регионе рискуют быстро перекинуться в соседние. Есть также еще целый ряд проблем, требующих обстоятельной совместной проработки и решений. Это касается развития экономических связей и трансграничного туризма; организации совместных пограничных и таможенных переходов, делающих международное региональное сотрудничество оперативным и взаимовыгодным. Необходимо общими усилиями — рационально и дальновидно — развивать транспортную сеть в регионе; вести совместную природоохранную деятельность и организовывать комплексный экологический мониторинг территорий. На повестке дня сегодня встает вопрос об организации единого информационного и образовательного пространства Большого Алтая. Наконец, все субъекты алтайского сотрудничества понимают, что их конкурентоспособность и место в мире в немалой степени зависят от формирования единого брэнда и общих стратегических ориентиров регионального развития.

Совместное рачительное использование уникального геополитического положения, исторического, биосферного и культурного потенциала Большого Алтая — вот стратегическая цель регионального евразийского сотрудничества, которое ныне разворачивается в рамках созданного в 2003 году Международного координационного Совета «Наш общий дом — Алтай», объединяющего органы государственной власти, науку и общественные организации Алтайского края и Республики Алтай (Россия), Синьцзян-Уйгурского автономного района (Китай), Восточно-Казахстанской области (Казахстан), Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков (Монголия). Становится совершенно ясно, что все территории — каждая по отдельности и все вместе — должны позиционировать Большой Алтай внутри своих стран и на международной арене в качестве:

— ключевого геополитического региона Евразии, демонстрирующего образцы дружбы и сотрудничества, этнической и религиозной терпимости, широкого хозяйственного и культурного взаимообмена народов в условиях глобальной экологической и социальной нестабильности;

— держателя нетронутых природных ландшафтов с крупными запасами первичной биосферной продукции (чистой воды, лесов, черноземов, животного мира, лекарственных трав и минералов);

— хранителя уникальных археологических памятников, религиозных и исторических святынь, а также древних культурных традиций народов Евразии;

— поставщика экологически чистой сельскохозяйственной продукции на внутренние и мировые рынки;

— мирового центра рекреации и предоставления комплекса высококачественных восстановительных услуг с учетом достижений как современной, так и народной медицины;

— международного технопарка с особым упором на сельское хозяйство, переработку сельскохозяйственной продукции, производство биомедицинских препаратов и пищевых экологически чистых добавок, нетрадиционную энергетику, энерго- и ресурсосберегающие технологии;

Нетрудно видеть, что цели регионального сотрудничества на Алтае в целом соответствуют стратегической мировой задаче перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации. Ряд практических проектов под эгидой Международного координационного Совета «Наш общий дом — Алтай» в этом направлении уже осуществляется. Так, при официальной поддержке МКС и глав местных администраций с 2003 года проводятся ежегодные Международные летние Школы студентов Алтайского региона, которые призваны способствовать формированию будущей алтайской культурной и политической элиты, готовой к международному сотрудничеству на единых гуманистических и экологических принципах. Семь таких Школ уже успешно прошли в 2003-2009 годах в Республике Алтай, в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Алтайском крае и в 2009 году в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В них приняли участие российские, китайские, монгольские и казахские студенты, прослушавшие лекции крупнейших регионоведов, а также специалистов из ведущих научных институтов сопредельных стран. Летняя Школа студентов Алтайского региона стала в 2006 году лауреатом всероссийской экологической премии им.

В.И. Вернадского. Можно говорить о том, что за семь лет сложились достаточно устойчивые человеческие и научные связи между преподавателями и студентами сопредельных алтайских территорий, которые уже сегодня выливаются в совместные научные, культурные и экологические проекты.

В настоящее время в регионе реализуется крупный международный духовно-экологический проект, связанный с расширением номинации ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая». Помимо уже номинированных территорий Республики Алтай (Телецкое озеро, плоскогорье Укок, природный парк Белуха), в него должны войти непосредственно примыкающие к плоскогорью Укок китайский национальный парк «Канас», монгольский национальный парк «Таван Богд», Катон-Карагайский природный парк и заказник на озере Маркаколь на территории Восточного Казахстана. Успех этого проекта стал бы символом совместной заботы четырех великих стран о сохранении природных и культурных сокровищ для наших детей и внуков. Подобный проект отвечает глубинным интересам и чаяниям не только алтайских, но всех народов многонациональной Евразии и всего мира. Он призван объединить людей самых разных национальностей, религиозных верований и политических убеждений. Близ святынь, подобных Белухе, Табын-Богдо-Ола, Укоку, Берелю, Маркаколю, люди приобщаются к вечным сокровищам исторической памяти, учатся восхищаться красотой природы и беречь ее от необдуманных человеческих действий. Подобные международные проекты — очень эффективная форма противодействия терроризму, религиозному и национальному экстремизму, а также средство преодоления безудержного материального потребительства и технократизма — болезненных родимых пятен XX века.

Наконец, оберегая свои природные и культурные святыни, народы возвращаются к осознанию вечных духовных ценностей и законов, без которых невозможна жизнь на нашей планете. О них-то и пойдет речь в последней главе этой книги.

ГЛАВА 3.

БИТВА ЗА ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Этюд 10. О необходимости твердой иерархии ценностей и о законах духовной жизни

Сегодня не только в средствах массовой информации, но даже и в профессиональной гуманитарной среде нередко можно услышать суждения примерно следующего содержания: мы живем в эпоху плюрализма и свободы, когда каждый имеет право на выражение своей точки зрения и когда жесткие границы между истиной и ложью, добром и злом, высшим и низшим, светом и тьмой безнадежно уходят в прошлое. Поэтому надо учиться жить в атмосфере толерантности, бесконечного разнообразия мнений и мировоззрений, воздерживаясь от жестких ценностных суждений и тем более от всяких осуждений. Если так называемая духовность и существует — то она состоит в абсолютной свободе твоего самовыражения и в признании такого права за другими людьми.

Насколько разрушительны и опасны даже малые уступки такой духовной всеядности и ценностному релятивизму хорошо видно на примере современных западных стран, воплощающих, как нас пытаются уверить, идеал цивилизованности. Так, сегодня вся здравомыслящая и ответственная западная общественность дружно бьет тревогу в связи с тем, что гомосексуалисты, отстояв свои права сексуального меньшинства, теперь буквально заполонили детские воспитательные и образовательные учреждения, где неуклонно растет число детских психических травм в связи актами растления и насилия. Гомосексуалисты, как известно, уютно устроились сегодня даже под крылом католической церкви. Учителя и родители бьют тревогу и в связи с навязываемыми сверху программами по половому воспитанию подростков, которые точнее было бы назвать учебниками по сексуальному растлению малолетних, где абсолютно уравнены норма и патология, а пропаганда откровенной

порнография и скотоложества преподносится как средство воспитания «толерантности».

В «цивилизованной» Голландии приобщиться ныне к наркотикам и порнобизнесу стало проще, чем к хорошей книге. Там же официально ныне узаконена эвтаназия. Примеру Голландии в поощрении «легкой смерти» готовы последовать и многие другие страны. В Германии добропорядочным средством зарабатывания денег официально, на уровне законодательства, признана проституция с оформлением соответствующих профессиональных союзов и пенсий. Британский парламент официально санкционировал эксперименты с геномом человека в интересах прогресса медицины и продления человеческой жизни. Самыми высокооплачиваемыми «гуманитариями» во всем мире являются ныне специалисты по PR-технологиям, а специальность «связи с общественностью» (public relations) становится одной из самых популярных в вузах, в том числе и российских. Таким образом, технологии управления общественным мнением, а, точнее, **технологии манипулирования сознанием** становятся вполне респектабельными научными дисциплинами. Более того, их повсеместное использование в практике политической борьбы и в рекламе воспринимается ныне мировой общественностью как нечто само собой разумеющееся.

Подобные процессы, где игнорируются объективные ценности добра, истины, благоговения перед жизнью на Земле, совести и целомудрия — не проходят безнаказанно. По практически единодушному мнению неангажированных психологов, демографов и социологов — все это подрывает не только физическое и психическое здоровье индивида, но также здоровую семью и здоровую иерархию социальных ценностей. Более того, здесь исподволь, но совершенно сознательно и авторитарно утверждается своя абсолютная иерархия — **воинствующая иерархия антиценностей и антидуха**. «В конце Кали-Юги тяжкие и как бы непобедимые трудности отягощают человечество, — пророчески писал еще в тридцатые годы прошлого века Н.К. Рерих. — Множество будто бы неразрешимых проблем подавляют жизнь и разделяют народы, государства, общезжития, семьи... Народ безнадежно старается разрешить их мате-

риалистической находчивостью, но даже величайшие колоссы механической цивилизации оказываются потрясенными. Каждый день приносит новые смятения, недоразумения и лжетолкования. Жизнь наполняется множеством маленьких кривд. Все вдохновляющее и зовущее ввысь становится в глазах невежд чем-то стыдным и недоступным»⁹⁵.

В чем состоит суть этого ценностного «выворачивания мира наизнанку» и к чему это приводит, — блестяще описано у П.А. Сорокина. Нынешняя стадия глобального цивилизационного кризиса лишь подтверждает правоту и прозорливость великого русского социолога, чья защита высоких идеалов жизни и многолетняя борьба за укрепление человеческой духовности столь созвучны идеям той же Живой Этики: «...Масса современных психоаналитических и «научных» биографий, — писал П.А. Сорокин, — разоблачают и унижают любой персонаж, каким бы благородным он на самом деле ни был. Все, чего бы и кого бы они ни касались — Бога, благородных людей, достижений, — высмеивается как пассивное, заурядное, ненормальное или патологическое, побуждаемое к действию прозаическими, эгоцентристскими и большей частью физиологическими стимулами. Гениальность становится разновидностью безумия, бескорыстная жертва объясняется только комплексом неполноценности, Эдиповым, Нарцисса или им подобными. Выдающиеся общественные устремления — стадными инстинктами. Половое влечение, шизофрения, паранойя становятся культурными тенденциями. Святость показывается как разновидность идиотизма... Жалость отождествляется с невежеством, моральная ценность с лицемерием... Человек падает с величественного пьедестала искателя правды, абсолютной ценности и опускается до уровня животного... В любом случае результат губителен для достоинства человека, его истины и науки»⁹⁶.

Подлинная духовность всегда противостоит этой апологии низменного дна человеческой души и попыткам извратить естественную иерархию ценностей. В любую эпоху и в любой культуре, какие бы конкретные духовные ценности там ни доминировали, всегда жили, живут и будут жить личности, во-

⁹⁵ Рерих Н.К. Держава света. Священный дозор. Рига, 1992. С. 72-73.

⁹⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 482-484.

площающие вершины духа, светоносное начало мира, гармонически объединяющие в себе высшие творческие способности и противостоящие всем попыткам перемешать верх и низ. Это Платон и Сенека, Франциск Ассизский и Леонардо да Винчи, Лейбниц и В.И. Вернадский, П.А. Флоренский и П. Тейяр де Шарден, А. Швейцер и Н.К. Рерих. Они, признавая многообразие мирового бытия, никогда не утверждали, что все в нем равноценно и все имеет право на существование — тогда не было бы смысла говорить об истине, противостоящей лжи; о красоте, которая не может уживаться с безобразием; наконец, о добре, которое никак нельзя уравнивать и примирить со злом. Заметим, что зло и безобразие существуют вовсе не от века (в отличие от первичного мирового хаоса, без которого нет разнообразия и развития), а появляются только с человеком, как результат ложно направленной и изломанной самостью его свободной воли. Это — тот самый вторичный разрушительный хаос, та злая тьма, которая агрессивно борется со всяким светом. О невозможности уравнивать вторичный хаос лжи, зла и безобразия с подлинной Истиной, Благом и Красотой говорили все великие подвижники и все великие религиозно-философские учения. Они всегда защищали светоносный Принцип Иерархии, царствующий в мироздании, зная, что только дьявол стремится вывернуть мир наизнанку и посеять смертельный хаос в человеческих душах.

Стремясь произвольно перевернуть ценностные полюса, дьявол также жаждет внушить нестойким душам и другую порочную мысль, будто вообще нет никаких устойчивых законов духовной жизни, а человеческая свобода исключает-де всякую упорядоченность. Однако законы духовной жизни так же объективны и всеобщы, как и законы природы, хотя и отличаются от последних по механизмам своего действия.

Когда человек слышит слово «закон», то чаще всего понимает под последним устойчивую, повторяющуюся связь явлений и процессов в мире. В строгом смысле слова в мире вообще ничто буквально не повторяется, а уж в сфере духовной жизни человека — тем более. Это, правда, вовсе не дает нам оснований, подобно Канту, жестко разделять природную естественную необходимость и человеческое свободное поведение.

Законы природного бытия, как показывает современная наука, носят вероятностный характер и могут претерпевать эволюционные изменения, а в человеческом духовном существовании есть свой порядок и своя внутренняя устойчивая логика, о чем у нас далее и пойдет разговор. Более того, природные, социальные и духовные законы — есть грани проявления единых мировых закономерностей, в чем нас все больше убеждают современные научные результаты из самых разных областей знания.

Другое дело, что законы духовной жизни, во-первых, проявляют общемировые закономерности наиболее просто, зримо и полно, ибо все высшее делает простым и явным то, что носит скрытый и сложный характер на низших уровнях существования; и, во-вторых, эти законы, касаясь каждой неповторимой человеческой судьбы, имеют живое личностное измерение, а, стало быть, носят даже не столько **за-конный** (внешний, находящийся «за кругом» существования), сколь **ис-конный** — внутренний и интимный — характер, корнящийся в самых глубинах человеческого сердца.

Я, естественно, далек от мысли давать полную инвентаризацию подобных законов духовной жизни или претендовать на их окончательную формулировку. Это противоречило бы самой творческой природе человеческой духовности. Моя цель состоит в другом — попытаться показать, что сфера духовной жизни **не есть** область абсолютного человеческого субъективизма и произвола, этаким ни к чему не обязывающей «жизненной игры без всяких правил», в чем пытаются убедить нас сторонники современного постмодернизма. Напротив, подлинная духовная свобода представляют собой добровольное и сознательное следование высшим законам, а их забвение — дорога к духовному рабству и неизбежной нравственной деградации. Каковы же эти всеобщие и объективные законы духовной жизни человека и общества? В самом первом приближении можно указать на три таких закона.

Первый, и наиболее очевидный, закон утверждает, что **на-сильственное приобщение к духовной жизни и духовным ценностям всегда достигает результата, прямо противоположного ожидаемому, а именно — провоцирует человека на**

принятие антиценностных и антидуховных установок из одного только сопротивления насилию. Приоритет в безупречном художественно-психологическом раскрытии и обосновании этого закона принадлежит Ф.М. Достоевскому. Особенно следует выделить его «Записки из подполья». Главный герой этого произведения поднимает настоящий бунт против этики рационально-принудительного добра, дерзостно заявляя, что он намеренно, вопреки всяким рациональным аргументам, будет совершать аморальные действия — только бы сохранить свою независимость и свободу духовного самоопределения. «Да осыпьте его (имеется в виду человека — *Авт.*) всеми земными благами, — пишет Ф.М. Достоевский, — утопите в счастье совсем с головой, так, чтоб только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж больше ничего не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, — так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой, единственно для того, чтобы самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши...»⁹⁷. Мало того, доказывая, что он не «фортепьянная клавиша», человек может даже переживать чувство глубокого психологического удовлетворения от такого «девиантного» поведения.

Словом, насильно в царство духовности не затащишь. В лучшем случае это заканчивается приматом буквы над духом, культа над таинством веры, религиозным начетничеством и мертвыми моральными кодексами строителей коммунизма. В худшем — кострами инквизиции и концентрационными лагерями. Другое дело, что свободный выбор личности не должен препятствовать чужому свободному выбору. К сожалению,

⁹⁷ Достоевский Ф.М. Соч. в 10 т., т.4. М., 1956. С. 158.

личный свободный, но ложный выбор сплошь и рядом оборачивается войной с подлинной духовностью — той агрессивной бездуховностью, которая насилует чужую свободную волю, всячески навязывает ей антиценности и, более того, занимается откровенным духовным растлением. Насильственное приобщение к духовности порочно, но не менее порочно смирение с агрессивной бездуховностью.

Отсюда **второй закон духовной жизни гласит: по-настоящему духовный человек всегда ведет борьбу со злом и бездуховностью, особенно если духовному растлению подвергается дети.**

Тема активного «противления злу силою» — одна из важных тем русской религиозно-философской мысли, получившая в ее рамках глубокое и всестороннее развитие. Отошлем заинтересованного читателя к труду В.С. Соловьева «Три разговора», где дается критика толстовской теории «непротивления злу силой», а также к работе другого русского мыслителя И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Не вдаваясь в философские нюансы, связанные с этим законом духовной жизни, выделим лишь ключевые моменты.

Во-первых, активное духовное противостояние злу подразумевает в первую очередь борьбу с собственными недостатками. Когда Христос говорит ученикам в Евангелие от Иоанна: «Я победил мир», то он имеет в виду прежде всего полную победу над собственными низшими страстями и помыслами. «...Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего», — говорит о себе Иисус, ибо даже абсолютному злу и абсолютной тьме попросту не за что в нем уцепиться. Его дух абсолютно подвижен, жертвенен и светоносен. Это и дает ему такую духовную власть над душами других людей.

Во-вторых, борьба со злом исключает использование безнравственных средств борьбы типа клеветы, подкупа или мучительства. Вооруженное же насилие допустимо лишь как защита от вооруженного насилия. Отличный христианский образ такой борьбы — «стояние в свете», когда тьма разбивается об него как о несокрушимую стену. Именно такой светоносной стеной стояли русские войска на Чудском озере, на Куликовом и Бородинском полях, на Курской дуге. Так всегда стояли и

стоят на защите нравственности и социальной справедливости религиозные праведники и подвижники всех времен; так защищают устои морали и духовной культуры общества современные российские педагоги и преподаватели, сражаясь против антидуховных программ «полового просвещения детей», полной коммерциализации высшего образования, откровенного растления людей через телевизионные телесериалы и шоу.

В-третьих, борьба со злом исключает личную ненависть к его носителям. «Люби своих врагов, но ненавидь дела их», — так формулирует эту духовную максиму выдающийся христианский святой Исаак Сирин. В сущности, умение приобщать к высшим духовным ценностям без всякого насилия над свободой другого человека, и дар бесстрашного сражения со злом без попраания личного достоинства врага — это зримые проявления важнейшего духовного дара — **дара бескорыстной любви**.

Третий закон утверждает: никакого параллельного роста материальных и духовных потребностей быть не может. Если одни растут, то другие неизбежно убывают, а потому в ситуации жизненного выбора при всех прочих равных условиях⁹⁸ высшее всегда следует предпочесть низшему, а ценности духовного плана — соображениям социальной выгоды и материальной пользы.

Этот постулат тривиален для всей религиозной аскетики всех мировых религий, но одна из его лучших формулировок применительно к сфере повседневной жизни принадлежит С.Н. Булгакову, который писал: «...В человеке непрестанно борются два начала, из которых одно влечет его к активной деятельности духа, к работе духовной во имя идеала (в чем бы она ни состояла), а другое стремится парализовать эту деятельность, заглушить высшие потребности духа, сделать существование плотским, скудным, низменным. Это второе состояние и есть истинное мещанство; мещанин сидит в каждом человеке всегда готовый положить на него свою омертвляющую руку, как только ослабеваает его духовная энергия»⁹⁹. Подтверждени-

⁹⁸ Ясно, что если человек голоден, то его не заставишь читать В.С. Соловьева или слушать Моцарта.

⁹⁹ Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т., т.2. М., 1993. С. 126-127.

ем этой духовной максимы является вся история духовного праведничества и подвижничества, а также биографии великих творцов в истории человеческой культуры (ученых, художников, писателей). Быт последних в подавляющем большинстве случаев был материально непритязательным, а личный образ жизни — достаточно умеренным, даже аскетичным. Многие мучились от сознания своего богатства, как Л.Н. Толстой. Удивительным образом материальные лишения и жизненные трудности даже способствуют творческим взлетам, словно закаляя и сподвигая к активности творческий дух. Самые наглядные примеры тому — Пушкин, Моцарт и Достоевский. Николай Гумилев даже обронил фразу, что, по его мнению, никакие гениальные духовные прозрения не могут родиться у человека, привыкшего засыпать в теплой кровати.

И наоборот: как часто именно материальное благополучие, государственное признание и мирская слава буквально «съедали» творца, топили его в мутной волне соблазнов и творческих компромиссов. Продажность прирученного властью художника — картина, которую мы, увы, так часто могли созерцать в последние годы. Кто духовно не восходит — тот обязательно начинает падать; кто не устремлен к небу — того обязательно притянет бездна. **Быть духовным, предпочитать духовные ценности — это, в конечном счете, вещь фундаментально практичная.** Попробуем привести чисто рациональные доводы в подтверждение истинности этого — вроде бы парадоксального — тезиса.

1) Духовные ценности — бесконечны, материальные же — конечны. Это означает, что, добровольно избирая стезю творчества по законам добра, истины и красоты, человек может воплотить их во множестве жизненных актов и материальных форм, постоянно углубляя для себя их понимание и совершенствуя свои творческие способности. Так совершенствоваться в каком-то ремесле, в искусстве, в понимании других людей, в сознательном контроле за своими мыслями и эмоциями, в стяжании положительных и избавлении от дурных черт характера можно на протяжении всей своей жизни. Здесь нигде нет потолка, нет пределов роста. Чем дальше идешь по стезе духа, — тем шире становятся горизонты, тем масштабнее и труднее за-

дачи. И лишь смерть может поставить перед человеком границы его земному совершенствованию.

В противовес этому нельзя съесть вкусной пищи больше, чем позволяет твой организм; невозможно одновременно ездить на нескольких модных машинах; спать сразу на двух мягких кроватях и носить зараз несколько дорогих костюмов. Попытка придать конечным материальным потребностям человека самодовлеющий и бесконечный характер ведет не только к духовному оскудению, но, самое главное, необратимо разрушает человеческое тело и психику. Удовольствий-то хочется все более изощренных, а вот здоровья-то для этого неизбежно становится все меньше, да и с возрастом некоторые виды чувственных наслаждений становятся все более неуместными. Особенно странно созерцать страсть сохранить молодыми свое лицо и тело, когда человеку давно пора подумать о душе.

2) Удовлетворение духовных потребностей дает более глубокое и устойчивое удовольствие, вернее — радость. Так, еднократное созерцание великой картины в музее (скажем, Сикстинской мадонны в Дрезденской галерее) может навсегда остаться в памяти человека и при каждом мысленном обращении к этому бессмертному художественному образу дарить мгновения чистейшей духовной радости. Ученый и художник, да и вообще любой человек, склонный к духовному творчеству, скажут вам, что самые радостные и возвышенные переживания они испытали в моменты творческого озарения, успешного преодоления жизненных препятствий, углубленного собеседования с близкими по духу людьми или при созерцании величественных красот природы. Память об этих значимых событиях навсегда сохраняется в глубинах человеческой памяти. А вот кто, вспомнив вкус когда-то съеденного изысканного торта или свиной отбивной, может этими воспоминаниями вновь насытиться? Телесное удовольствие от их поглощения быстро проходит, и изголодавшийся чревоугодник вскоре начинает мечтать о новом блюде. Соответственно, модница перманентно мечтает о новом платье; развратник — о новом сексуальном контакте. Погоня же за все новыми и новыми удовольствиями, как хорошо известно из психологии, превращается «в бег осла

за пуком сена», где кушать хочется все больше, а насытиться никак не удается.

3) Наличие «высоких» и «дальних» духовных целей помогает личности преодолевать жизненные трудности и драмы, не терять смысл жизни и не впадать в отчаяние. Если же цели «низкие» и «близкие», то их крушение, а иногда и достижение, могут привести личность к утрате смысла жизни и даже к самоубийству. Отчаяние — это ведь и есть то, что отторгает от чаемого, делает жизнь бесцельной и бессмысленной. Представьте себе человека, всю жизнь мечтавшего построить большой личный дом, десятилетиями работавшего на эту свою мечту, наконец-то этот дом построившего, но вынужденного через некоторое время созерцать его сгорающим при пожаре. Если у этого человека нет более высоких духовных целей, то он может счесть свою жизнь конченной и потерявшей всякий смысл. **В этом плане наличие «высоких» и «дальних» духовных целей дает возможность достойно выдерживать удары судьбы. Они подобны якорям, заброшенным вверх по течению реки и позволяющим противостоять всесокрушающему потоку повседневности.**

4) С высоты духовных целей и ценностей система ценностей низлежащего плана отчетливо видна, а мотивация их носителей прозрачна и понятна. Но с позиций низлежащей системы ценностей ценности более высокого ранга остаются непонятными, как бы трансцендентными. Иными словами, духовный человек видит мир более объемно, а потребительски ориентированный человек такой широтой видения событий и мотивов людских поступков не обладает. Соответственно, тот, кто живет духовными ценностями, менее подвержен процедурам манипулирования его сознанием, а духовно ограниченный или вовсе бездуховный человек, напротив, постоянно становится объектом подобного манипулирования. **Никого власти придерживающие не дурят так часто и беспардонно, как гордящегося своим здравым смыслом обывателя.**

5) Отдающий приоритет духовным ценностям в целом физически здоровее и живет дольше, чем эгоист. Этот эмпирический факт был установлен в ходе кропотливейших историко-социологических исследований еще в середине 50-х годов

прошлого века Гарвардским центром по созидающему альтруизму. Он был создан в эмиграции выдающимся отечественным социологом П.А. Сорокиным, исследовавшим биографии нескольких тысяч святых разных религий. «Несмотря на аскетический образ жизни, которому следовало большинство их них, антисанитарные условия и частые физические самоистязания, — пишет П.А. Сорокин, — средняя продолжительность жизни святых, включая и 37% тех, кто умер мученически, не своей смертью, оказывается намного большей, чем у их современников, и даже большей, чем у сегодняшних европейцев и американцев»¹⁰⁰. Социологическое же обследование современников-американцев, отличающихся альтруистическим характером поведения, позволило П.А. Сорокину констатировать следующую эмпирическую закономерность: «...Бескорыстная и мудрая... любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья; альтруисты в целом живут дольше эгоистов»¹⁰¹. Правота сорокинских выводов, правда, преимущественно в модусе «анти-», подтверждается эмпирическими демографическими исследованиями современного ученого И.А. Гундарова. Бездуховность и циркулирование в обществе антиценностей оборачивается неуклонным ростом физических заболеваний, увеличением смертности и психическими расстройствами¹⁰². Известно также, что духовная настроенность больного на выздоровление и его бодрое самочувствие резко усиливают эффективность действия лекарств.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать твердый обобщающий вывод: **защита истинной иерархии ценностей и следование духовным законам — это важнейшее условие и соборного преодоления нынешнего цивилизационного кризиса, и достижения творческой полноты индивидуального существования.**

¹⁰⁰ Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 204.

¹⁰¹ Там же. С. 205.

¹⁰² Богатейший статистический материал такого рода приведен в работе Гундарова И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы преодоления. М., 2001.

Этюд 11. Почему необходимо защищать нравственность?

I

Что происходит с человеком, утратившим представления о противоположности добра и зла; не знающим, чему молиться и чего стыдиться?

На этот вопрос четко ответил еще великий русский философ В.С. Соловьев, заметив, что «человек, довольствующийся своею человеческой ограниченностью, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности...»¹⁰³. И в самом деле, утративший шкалу ценностей человек на удивление быстро теряет человеческий облик. Он даже становится хуже животного. У животных по крайней мере нет пороков; они есть только у человека, когда его разум устремлен не к личному совершенствованию, творчеству и познанию, а исключительно на культивирование своих телесных похотей и прихотей. Разум, не направленный вверх, обязательно обратится вниз; отказавшись от выполнения своих естественных функций, он рано или поздно направит свой потенциал на обслуживание функций совершенно противоестественных. **Человек, не поклоняющийся свету и высоким жизненным образцам — неизбежно, пусть и бессознательно для себя самого, — будет поклоняться тьме и ложным авторитетам.**

«Но ведь человек свободен в выборе добра и зла», — возразит читатель. — Выбирая зло, он совершает свободный выбор, его нельзя за это осуждать. Насильственное подталкивание к добру само по себе аморально и может привести лишь к озлоблению! К тому же где они, четкие границы между добром и злом? Даже крупные мыслители до сих пор спорят, что под ними следует понимать, а вы хотите, чтобы простой человек имел о них ясное представление! Не требуйте от человека невозможного, не отягощайте его утопическими требованиями, мешающими жить и быть счастливым».

На это можно ответить следующее.

Во-первых, безусловно верно, что никого нельзя насильно тащить в рай. Об этом речь шла в предыдущем этюде. Однако из этого вовсе не следует оправдание ложного морального вы-

¹⁰³ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т., т.2. М., 1989. С. 604.

бора, ибо твоя свобода кончается, как известно, там, где начинается свобода и жизненный выбор другого человека. Уголовный преступник, совратитель малолетних или осквернитель святынь должны быть безусловно наказаны и *насильственно* ограничены в своей псевдосвободе, ибо их личный злой и ложный выбор представляют объективную угрозу для всего общества. Если ты сам не способен поставить предел своей свободе, которая при этом переходит в свою полную противоположность — произвол (или своеволие), то предел ей закономерно положат другие люди.

Во-вторых, от зла следует безусловно ограждать детей, особенно от апологии зла. Причина здесь предельно проста — до определенного возраста ребенок просто не способен объективно выбирать, поскольку у него не сформировались навыки критического мышления, и нет жизненного опыта. Поэтому он свято верит взрослым, стремясь подражать тем, кого принимает в качестве идеала. Ребенка легко устремить к добру и свету, но столь же легко и растлить. Но разве не ужасен совершенно холодный и взрослый взгляд маленького волчонка-цыганенка, виснувшего у вас на ногах и матерно выклянчивающего подавание на глазах у собственной матери, которая вопреки всем законам материнства и воспитания, сама же растлевает собственное дитя? **Ребенок должен быть взрослыми по возможности огражден от порока, а уж от его поэтизации — огражден безусловно.** Пусть каждый, имеющий детей, младших сестер или братьев спросит себя: а хотел бы он, чтоб им изо дня в день показывали сцены насилия, пропагандировали сексуальные извращения, рассказывали о прелестях лжи, предательства или безудержной наживы? Я думаю, что даже порочный человек не пожелает этого своим детям.

В-третьих, можно ли считать свободным человека, который избрал стезю удовлетворения своих телесных похотей, властолюбия или гордыни? У него либо нет знания об иерархии истинных ценностей, либо нет воли к их реальному воплощению в собственной жизни, либо нет того и другого одновременно. В этом случае он является **типичным рабом** своих телесных желаний, невежества или порочных психологических установок.

Аморализм и подлинная свобода, таким образом, в принципе не совместимы.

В-четвертых, ссылки порочного невежды на отсутствие твердых критериев добра и зла совершенно не состоятельны. Из того, что они ему лично неизвестны — еще не следует, что их нет вовсе. При всех различиях и колебаниях в понимании добра в разные эпохи и у разных народов, в нормальных (а не криминальных и человеконенавистнических) сообществах сохранялось и нечто одинаковое в его интерпретации. Прежде всего, неизменным считалась сама твердая противоположность между добром и злом. Ни в одном обществе (по крайней мере, в отношении своих соплеменников) не поощрялись насилие, жестокость, лживость, корысть, зависть. Во всех коллективных формах человеческого существования, напротив, почитались мужество, честность, верность идеалам. Везде осуждалось вооруженное насилие над женщинами и детьми; но зато везде охранялся институт семьи и почиталось материнство. Везде существовало бережное отношение к природе и уважение к старшим по возрасту. Люди всегда стремились к гармонии и социальному согласию, по возможности избегая распрей и ссор. Везде ценились знания и профессионализм, а осуждались невежды и дилетанты. Во все времена почитался патриотизм и готовность пожертвовать жизнью за правое дело, а безусловными пороками считались трусость и предательство. У всех народов ценились неподкупный — правый — суд; качественное и доступное образование¹⁰⁴, власть, которая служит обществу, а не самой себе. Если же жизнь сплошь и рядом расходилась с этими абсолютными и вечными ценностями, то решительно осуждалась жизнь, но не эти ценностные представления и идеалы.

Если мы где и встречаемся с повсеместным забвением этих абсолютных нравственных устоев человеческого существования — так это в истории Европы XX века. Именно здесь колыбель двух чудовищных мировых войн¹⁰⁵ с газовыми

¹⁰⁴ Даже в аристократических обществах образование должно было быть равно доступным для всех членов правящего класса.

¹⁰⁵ Есть и их явный инициатор в лице Германии.

камерами, концлагерями¹⁰⁶ и атомными бомбами, сброшенными на головы мирного населения¹⁰⁷. Европа подарила человечеству глобальный экологический кризис и отношение к природе как к источнику сырья для удовлетворения безмерных материальных потребностей. Именно Европа официально санкционировала массовые аборты, сомнительные эксперименты над геном человека, операции по перемене пола, пересадке органов, манипулирование сознанием человека в средствах массовой информации. Именно европейская цивилизация, а не Восток и не Россия, дошли до прямой апологии безумия, культурных маргиналий, сатанинских культов и т.д. в лице литературы и философии так называемого постмодерна. Только здесь порочные тенденции в развитии общества, которые породил сам же человек своим своеволием, стали выдаваться за объективные законы общественного развития и даже за законы существования самого Космоса — типа закона борьбы за существование, неизбежного аморализма в политике или неустранимых отрицательных последствий технического прогресса.

Кошунственная идея о том, что представления о добре и зле сугубо относительны (виртуальны, как сейчас модно говорить!), а четких граней между ними нет — это есть зримый плод современного европейского сознания, если и встречавшийся столь откровенно в прошлые века — так разве что у греческих гедонистов (сторонников безмерного телесного наслаждения), да софистов. Потому-то в мир и пришел Иисус Христос с проповедью любви и служения высшему, дабы принести весть разлагающемуся человечеству о вечных и спасительных нравственных ценностях. Увы, спустя 2000 лет пользу нравственности и вред аморальности все еще приходится доказывать.

¹⁰⁶ Их идея родилась у англичан в период англо-бурской войны. На территории Европы задолго до сталинских лагерей были концентрационные лагеря хорватских националистов-ушастей и польские концлагеря, в которых содержались пленные красноармейцы. Лагерь же, как рационально спланированное производство по уничтожению людей, — это «достижение» нацистской Германии.

¹⁰⁷ Здесь отличились «демократические» и «свободные» американцы, со времен Хиросимы и Нагасаки продолжающие без всяких моральных терзаний насильственно распространять свою американскую мечту по всему миру.

II

Постараюсь в этой связи обосновать тезис, что безнравственность со всех точек зрения разрушительна, а защита морали, напротив, — созидательна.

Так, аморальность имеет катастрофические последствия для **политических устоев общества**, ибо продажный и беспринципный политик сверхдорого обходится государству. Разве история России последних десятилетий говорит не об этом? Порядочный же и чистоплотный политик, напротив, являет согражданам образец для подражания. Хочется надеяться, что во главе России наконец-то встанут политики именно второго плана.

Порок и его поощрение убийственны для **социальных отношений**. Когда в обществе процветает эгоизм, и каждый думает только о собственной выгоде, тогда воцаряется вражда всех против всех и страна превращается в один огромный ГУЛАГ. Разве железные двери на всех подъездах и решетки на окнах всей России вам его не напоминают? Раньше худо-бедно преступников сажали за решетку, изолируя их от общества; теперь, напротив, всех порядочных людей разобшили и загнали за решетки собственных квартир, а преступники спокойно гуляют на свободе и даже занимают властные должности!

Аморальность **экономически бессмысленна**, ибо нечистоплотный предприниматель провоцирует аналогичное поведение в отношении себя и поощряет мафию, призванную криминально «восстанавливать справедливость». Проповедь же обогащения любой ценой растлевает как преуспевшего, ибо он мучается от сознания, что может в одночасье все потерять, так и проигравшего, который будет мучительно завидовать счастливицу и мечтать о том, чтобы присвоить его богатства. Словом, несправедливые деньги еще никогда и никому не приносили счастья. Я уж не говорю о трагедии богатых семей, построивших счастье на обмане и воровстве, где рано или поздно начинается драка за миллионы и недвижимость между наследниками, с детства впитавшими атмосферу аморальности. А как относятся к богатым русским за рубежом — это вообще тема отдельного разговора.

Безнравственность и порок **эстетически отвратительны**, ибо противны нормальному человеческому чувству, **идут против** естественного порядка вещей. Разве половые извращения не вызывают чувство естественной брезгливости у человека со здоровой психикой? Разве похабная лексика и публичная демонстрация сцен совокупления не заливают лицо нормального человека чувством стыда? Есть в мире вещи, которые человек попросту не должен выносить на свет. В мире слишком много возвышенного и прекрасного, заслуживающего всеобщего восхищения и любования, чтобы мириться с назойливой поэтизацией мерзости. Если же у кого-то есть болезненная тяга к низу, к исподним сторонам человеческого бытия, то здоровое общество просто обязано заставить его стыдиться и не выдавать публично свою патологию за норму. Хотя бы для того, повторим это еще раз, чтобы не соблазнять детей.

Зло **физиологически опасно, болезнетворно**. Погрязший в погоне за чувственными наслаждениями подрывает свое физическое здоровье. Полный зависти, злобы и желчи индивид — сокращает свои дни на Земле, что вполне доказано современной медициной. Доброжелательный, творческий, оптимистически настроенный человек, напротив, — укрепляет иммунитет организма и получает заряд положительных эмоций. Между прочим, только сердце, как центральный орган нашей физиологической и эмоциональной жизни, никогда не болеет раком — этим эгоизмом на уровне клеток. Добросердечный человек осуществляет самую действенную психофизиологическую профилактику своего организма.

Резюмируя, можно констатировать: польза добра и нравственности несомненна; вредоносность зла — очевидна. Безнравственное поведение, слова и поступки еще можно объяснить человеческим безволием. Идею «оправдание» зла через тезис об относительности добра и отсутствие твердых нравственных полюсов — объяснить ничем невозможно в принципе, кроме как крайним невежеством или порочностью натуры.

Отсюда вытекает необходимость активной и сознательной защиты нравственности в современном обществе. Каковыми же могут быть средства для этого?

В свое время выдающийся отечественный философ и правовед П.И. Новгородцев, находясь уже в эмиграции, выдвинул идею **агиократии** («**власти святынь**») как такого общественного устройства, которое преодолевает аморализм двух крайних типов политических систем — большевистского обезличивающего коллективизма и демократического индивидуализма. «...Мы ставим теперь на место...демократии, — писал П.И. Новгородцев в своей программной статье «Восстановление святынь», — агиократию, власть святынь. Не всеисцеляющие какие-либо формы спасут нас, а благодатное просвещение душ. Не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела... Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух!»¹⁰⁸

Думается, что пропаганда вечных ценностей бытия и защита национальных святынь сегодня актуальна в России как никогда. Если мы и начнем когда-то подниматься с колен, то связано это будет не с реформами экономики и политической системы, а с возрождением культуры и нравственности. **Моральный человек, органически не способный сделать подлость ближнему и готовый жертвовать собой ради общего блага, — это главное богатство любого государства.**

Этюд 12. Нестяжательство против коррупции

1. Коррупция как признак государственного и личностного распада

Прежде чем начать выяснять причины российской коррупции и определять способы борьбы с ней, необходимо сделать предварительный экскурс в ее глубинное антропологическое измерение. Социальная сущность коррупции более или менее понятна — это использование государственно-административных прав и полномочий для решения сугубо личных проблем и, в первую очередь, для собственного (или семейно-корпоративного) обогащения. Символ коррупции —

¹⁰⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 579-580.

взятка, полученная чиновником в обмен на незаконную услугу или услугу законную, но нарушающую установленную административную практику и служебную этику. Один из устоявшихся смыслов латинского слова «*corruptio*» как раз и означает «подкуп», т.е. готовность должностного лица за деньги совершить государственное преступление.

Однако у этого латинского слова есть и более фундаментальные смыслы, сохранившиеся, в частности, в значениях производного от него английского слова «*corruption*» — «*порча*», «*гниение*», «*разложение*». Отталкиваясь от них, мы выходим на собственно антропологическое измерение коррупции, представляющей собой гораздо более опасное и разрушительное для общества явление, нежели простое мздоимство.

Во-первых, готовность чиновника за деньги торговать своим служебным положением — это *разложение государства в его базовых антропологических основаниях*, так как нахождение человека на государственной службе *по определению* представляет собой служение общественным интересам. При этом чиновник может ошибаться и плохо исполнять свои обязанности, и за это он может и должен быть наказан или даже уволен со службы; но коррупция — это нечто принципиально иное. Здесь общие интересы сознательно подменяются личными, закон и государственный порядок — антигосударственным субъективным произволом. В лице коррупционера государство фактически уничтожает само себя.

Во-вторых, акт коррупции — это свидетельство *экзистенциального разложения личности самого коррупционера*. Переступив определенную нравственную границу, человек как бы теряет себя, свой онтологический центр, а значит, и свою идентичность. Дело в том, что личность, если только она изначально не порочна, поступает на государственную службу не только ради денег, но строя какие-то жизненные планы, надеясь на карьерный рост, свою интеллектуальную и профессиональную востребованность обществом. Она, наконец, приняла на себя серьезные моральные обязательства, сделав свое «я» частью государственного «Я», а свою жизненную ответственность связав с ответственной деятельностью государства. Чиновник, в исконном назначении своей профессии, свободно избирает

путь государственного служения и государственной верности. Поэтому с чисто экзистенциально-психологической точки зрения коррупция — это *воплощенный антидолг и антиверность*, т.е. *та нравственная ржа, которая неизбежно разъедает и калечит душу*. Коррупционер, используя терминологию Э. Фромма, подменяет «*быть*» на «*иметь*», что ведет, как блестяще показал этот выдающийся американский психолог, к необратимой патологии характера. В психологическом аспекте это, в частности, проявляется в утрате чувства внутренней устойчивости, уверенности в себе, в разрушительном проигрывании в уме всех возможных последствий разоблачения (не случайно после разоблачения подобные люди часто кончают жизнь самоубийством).

Одним из доказательств глубокой этической порочности коррупции служит то, что она развивается наподобие наркотической зависимости: начать легко — остановиться очень трудно. Из уголовной практики известно, что чиновники высокого уровня продолжали «*брать*» даже тогда, когда уже не испытывали никаких материальных проблем. Кстати, отсюда совершенно наивно уповать, что повышение чиновникам зарплат резко снизит уровень коррупции. В этом плане разлагающая «коррупционная зависимость» подобна всем другим психологическим зависимостям, будь то алкоголь, карты или игра в казино. Результат везде один: прогрессирующее разложение личности. И рецепт всегда один — никогда не начинать брать, чтобы остаться психологически и нравственно здоровым человеком.

В-третьих, коррупция, особенно не пресекаемая, крайне негативно воздействует на все социальное пространство: если взятки «*берут*» начальники, то их будут обязательно брать и подчиненные. Если известно, что где-то «*активно берут*», то у граждан всегда есть соблазн пойти путем наименьшего сопротивления для решения своих проблем: дать чиновнику взятку вместо того, чтобы действовать согласно закону. Поэтому коррупция, очевидно: а) подрывает авторитет государственной власти в обществе, б) провоцирует граждан на антизаконное поведение, в) пресекает даже зачатки так называемого граж-

данского общества. Философия «моя хата с краю» — прямое следствие коррумпированности государственного аппарата.

Если же с фактами коррупции постоянно сталкиваются представители бизнеса, то, видя ориентацию на прибыль у тех, кто ее не должен иметь в принципе, они могут потерять всякую веру в общественные идеалы и в то, что в мире есть ценности, превосходящие ценность наживы. Отсюда совершенно ложная и разлагающая жизненная установка у многих современных предпринимателей, что всех чиновников можно купить, разве что «цена» у людей разная.

Атмосфера процветающей и безнаказанной коррупции особенно губительна для молодежи, ибо циником стать легко, а вот человеком с верой, с моральными принципами и с живыми идеалами, — много сложнее. Кстати, наивно думать, что взяточник не действует разлагающе на ближних своих, ради блага которых он, как ему думается, и идет на взятку. История неопровержимо свидетельствует: основная тяжесть позора разоблаченного взяточника ложится на плечи его семьи, а неправым путем полученные деньги, даже если тебя не поймали за руку, еще никого и никогда не делали счастливее.

Мой предварительный вывод прост и хорошо известен: **одними организационно-государственными средствами победить зло коррупции нельзя, ибо она имеет глубокие антропологические причины и следствия.** Об этом, в частности, не уставал напоминать Ф.М. Достоевский. Поэтому в первую очередь *необходимо комплексное изменение морально-психологического климата в обществе в целом*, на чем мы остановимся ниже. Одновременно понятно, что коррупция расцветает там, где для нее складывается благоприятная социальная среда. Перехожу поэтому к анализу корпоративных, общегосударственных и культурно-информационных причин, способствующих коррупции.

2. Корпоративные, общегосударственные и культурно-информационные причины российской коррупции

Когда говорят о коррупции, то необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что сама структура централизованного государственного управления всегда несет в себе подобную угрозу.

Бюрократия, как особая социальная корпорация и вполне определенный способ профессиональной деятельности, в определенной мере предрасположена к коррупции. Тема эта достаточно обстоятельно исследована и в исторической, и в политологической, и в социологической, и в правовой литературе, поэтому затрону лишь отдельные нюансы.

Так, общеизвестно, что степень коррумпированности государственных органов тем выше, чем бесконтрольнее они в своей деятельности со стороны общества и чем распространенней коррупционные процессы на высших эшелонах власти.

Однако есть и такие социально-психологические особенности деятельности чиновничества, которые, даже при самых оптимальных общегосударственных условиях его функционирования, подталкивают к коррупции. Дело в том, что среднего уровня чиновник на государственной службе — особенно если его моральный и культурный потенциал не слишком высок, а жизненный кругозор узок, — неизбежно ощущает себя винтиком в огромной бюрократической машине; человеком-функцией, а не человеком-субстанцией; исполнительным органом, а не субъектом свободного действия. Фраза «инициатива наказуема» абсолютно точно характеризует психологию такого чиновника: даже безусловно полезная личная инициатива вряд ли принесет ему дивиденды, более того, за нее скорее всего накажут (добавил начальству забот!), а вот за безынициативность не покажут почти никогда. Ему также достанется за неисполнение прямого приказа начальства, в то время как на решение им личных вопросов, если они не отражаются на качестве исполнения вышестоящих предписаний, скорее всего, посмотрят сквозь пальцы. Поэтому чиновник, лишенный возможности проявить творческую инициативу и свои таланты на общественной службе, а тем более, прямо страдая от произвола начальства, — *часто рассматривает решение личных проблем за государственный счет как своего рода материальную компенсацию за отчуждение от своей творческой родовой сущности*, если использовать терминологию К. Маркса. Ясно, что в условиях «безумного капитализма», как это было в России 90-х годов прошлого века, это желание материально компенсировать

свою бюрократическую ущербность и невозможность прямо «делать деньги» усиливалось многократно.

Вторым мотивом взяточничества, как корпоративного бюрократического явления, служит ощущение временности пребывания на своем государственном посту, угроза потери рабочего места и возможность резкого обрыва административной карьеры. Это ощущение обостряется в периоды крутых общественных ломок, когда шатается само государство и чиновник остро переживает зыбкость своего положения, зависимость от капризов ближайшего начальства и произвола властных верхов. Опять-таки именно в девяностые годы крутых государственных реорганизаций российские чиновники чувствовали особый жизненный дискомфорт, и многие из них торопились материально обеспечить свою семью и безбедную старость, не зная, что готовит им завтрашний день. Отсюда берут начало две формы коррупции, возникшие в России в то время: государственный служащий, пользуясь своими административными возможностями, или «крышует» бизнес своих родственников, или оказывает услуги какой-то фирме (или банку), куда планирует устроиться на работу после окончания своих бдений на государственном поприще. Понятно, что коррупция подобного рода на высших этажах государственной власти (достаточно вспомнить пресловутую ельцинскую «семью») воспринимается бюрократическими структурами низших уровней как своеобразная отмашка на «повторение прецедента».

Однако корпоративный коррупционный соблазн всегда мощно подпитывается **общим состоянием государственной власти в стране**. Если государство в целом работает на общество; если ясно поставлены и претворяются в жизнь общегосударственные и ведомственные задачи, а функции государственных органов и ведомств четко определены; если, наконец, бюрократические «верхи» демонстрируют «низам» образец исполнения своих обязанностей, тогда возможности коррупции, включая корпоративные соблазны, минимизируются.

Если же государство, напротив, обслуживает прежде всего себя (в лице высших чиновников); если в нем «правая рука не знает, что делает левая»; если отсутствуют четкие и реализуемые стратегические цели государственной жизни и государст-

венно-правовая преемственность с предшествующими этапами развития страны; если сами «верхи» не чисты на руку и безнаказанны (типа знаменитого ельцинского министра юстиции, получившего за все свои «государственные художества» девять лет условно), — тогда в таком «больном» государстве чиновники (опять-таки определенного экзистенциально-психологического склада) закономерно начинают думать лишь о себе, а простые граждане, не доверяя государству в целом, предпочитают решать свои частные проблемы приватными методами — через взятки подобным чиновникам. Взяточдатель и взяточполучатель в «больном государстве» всегда обретают друг друга, притягиваются как противоположные полюсы магнита.

Если же на перечисленные корпоративные и общегосударственные факторы коррупции дополнительно накладываются причины **культурно-информационного плана**, тогда мы имеем дело с социально-исторической средой, максимально способствующей коррупционному растлению чиновничества. Именно таковыми были все те же 90-ые годы прошлого века в России, чье влияние сильно и поныне.

Я специально не буду касаться здесь общих закономерностей коррупции в России. Они есть, и это — предмет отдельного обстоятельного разговора. Но их вклад в коррупционный беспредел «перестроечных времен», на мой взгляд, минимален, ибо в эти годы вступили в действие такие самостоятельные «культурные» факторы, которые максимально актуализировали негативные и притушили позитивные традиции российского государственного управления. Традиции — вообще всегда амбивалентны, и именно действия людей в настоящем актуализируют их прошлый потенциал — созидательный или разрушительный.

Следует констатировать, что **«культурная» и информационная атмосфера в России перестроечных лет была такой, что не могла не спровоцировать массового взрыва коррупции.**

Это была *эпоха тотального очернения истории страны* в средствах массовой информации, особенно ее советского периода. Деятельность советского государства и его партийно-

административного аппарата («командно-административной системы») представлялась как сплошная цепь преступлений против народа. Чиновник же представлялся как носитель рабского тоталитарного сознания, безропотно выполнявший приказы советской партийной верхушки. Был поставлен под сомнение подвиг российских народов в годы Второй мировой войны, в период восстановления народного хозяйства, в деле освоении Сибири и Дальнего Востока, который в действительности был бы невозможен без эффективной работы государственных органов и сотен тысяч высококвалифицированных и порядочных государственных служащих. Более того, произошла поразительная *инверсия*: сами понятия государственного служения, жертвы во имя Отечества, ценности общественно полезного труда были вытеснены за пределы информационного пространства (если не откровенно осмеивались), а измена государственному и гражданскому долгу, отказ от воинской присяги и от исторического наследия предков стали трактоваться чуть ли не как подвиг и добродетель¹⁰⁹. Самое же разрушительное для деятельности государства заключалось в том, что во главе «перестроечной переоценки всех ценностей» встала та же бывшая партийная и государственная номенклатура, зачастую лично виновная в государственных провалах позднего СССР. Все это, повторю, не могло не привести к общей деморализации государственного аппарата и к массовой коррупции на его средних и нижних этажах.

Эти разрушительные процессы сопровождались в 90-ые годы возродившимся «преклонением перед цивилизованным Западом». Ложный советский снобизм обернулся своей противоположностью — национальным самоуничижением и слепым копированием иноземных образцов, в том числе и в сфере государственного управления. *Антипатриотизм и поверхностное западничество стали еще одним питательным источником российской коррупции*, когда западными дипломатами и спецслужбами за бесценок скупались наши государственные секреты, прорывные идеи и уникальные технологии. При этом, вполне возможно, чиновник оправдывал себя тем, что оказыва-

¹⁰⁹ Вместо национальных подвижников и героев на щит поднимались предатели России, типа генералов Власова и Калугина.

ет услуги передовому и гуманному Западу, бескорыстно помогающему нам преодолеть тоталитарное наследство.

И, наконец, следует вспомнить ключевые идеологические лозунги, активно циркулировавшие в средствах массовой информации того времени. В них — квинтэссенция антигосударственной и коррупционной идеологии: «стыдно быть бедным», «разрешено все, что не запрещено законом», «надо жить для себя и своей семьи», «чем в обществе больше богатых людей, тем лучше всему обществу». Иными словами, в новой упаковке и как новое идеологическое откровение преподносилась гоббсовская «война всех против всех».

Но социум, по определению, не может состоять из одних эгоистов. Антропологическими и государствообразующими скрепами общества являются вовсе не эгоисты, а альтруисты — люди, способные жертвовать собой и дарить, обладающие нравственными принципами и духовными идеалами, воплощающие не плебейское, а духовно-аристократическое начало в государственно-правовой жизни. В этом сходились такие разные мыслители XX века как Н.А. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет, Н.Н. Алексеев и Э. Фромм, И.А. Ильин и П.А. Сорокин. Это справедливо для всех обществ, но особенно для нашей страны, где все ее высшие культурные и политические взлеты были связаны как раз с *традициями нестяжательства*¹¹⁰, восходящими к идеям и подвижнической деятельности Сергия Радонежского, Нила Сорского и Максима Грека, к ратным, гражданским и научным подвигам Александра Невского и Дмитрия Донского, Афанасия Никитина и Филиппа Колычева, Ломоносова и Суворова, Пржевальского и Семенова-Тян-Шанского, Менделеева и Вернадского, Флоренского и Рериха.

Если российская государственная идеология вопреки порочным лозунгам, которые приводились выше, целенаправленно провозглашает и отстаивает нестяжательские альтруистические идеи, типа верности нравственному долгу и приверженно-

¹¹⁰ Отличный анализ государственно-правовой идеологии нестяжательства дан в работах выдающегося отечественного правоведа и философа Н.Н. Алексеева «Русский народ и государство» и «На путях к будущей России» // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. На мой взгляд, эти прекрасные работы должны стать обязательными для изучения российскими государственными служащими всех уровней.

сти общему благу, уважения к памяти предков и благоговения перед высокими жизненными образцами, правдолюбия и материальной умеренности¹¹¹, а государство пытается посылить их в жизнь¹¹², то это является самым мощным идеологическим заслоном против коррупции, против всех видов государственного и экзистенциально-психологического разложения, о которых речь шла выше. Мгновенных результатов здесь ждать нельзя, но никаких результатов в борьбе с коррупцией не будет, если на государственном уровне поощряются культ сугубо частной жизни, голый экономизм и потребительство.

Поэтому перед тем, как переходить к конкретным формам противодействия коррупции, выдвину ключевой тезис работы: *непременным условием победы над коррупцией в России является идеологическое возрождение и практическое воплощение в жизнь государственно-правовых и нравственных идей русских нестяжателей, с которыми связаны все великие достижения нашего Отечества.*

3. Конкретные пути противодействия коррупции

Я принципиально не буду касаться правовых мер, применяемых в государственной практике для противодействия коррупции, будь то запрет чиновникам заниматься бизнесом, контроль за их банковскими счетами, оперативное реагирование на жалобы и заявления граждан о вымогательстве взяток. Ясно, что эти карательно-юридические меры нужны и важны, однако ограничиваться ими нельзя. Коррупция — это, повторю, свидетельство не только общегосударственных, но и нравственных, и социальных, и культурных болезней общества, подлежащих комплексному лечению. Лишь нескольких юридических моментов хотелось бы здесь специально коснуться.

Прежде всего, следует добиваться последовательного проведения принципа жесткой зависимости между мерой наказания за коррупцию и государственным статусом коррупционера. Чем выше иерархическое положение последнего, тем суровей должно быть наказание. Не наказанный (или недостаточно

¹¹¹ Знаменитый принцип нестяжательства гласит: «Все, что лишнее — не мое».

¹¹² Как это удавалось делать Ивану Грозному первых 10 лет его царствования, в начальный период правлений Александра I и Александра II.

строго наказанный) высокопоставленный преступник — это раковая клетка, которая будет и дальше изнутри разлагать государственный организм. В этой связи проще и эффективней обеспечить антропологическую профилактику коррупции, нежели ее искоренение. Возможно, достаточно эффективным средством стало бы здесь тестирование с помощью современных технических средств высокопоставленных чиновников (скажем, работников федеральных ведомств уровня начальников главков и замминистров) на предмет склонности к коррупции. Конечно, результаты подобных проверок должны оставаться государственной тайной и не использоваться против личности.

Что же касается культурно-просветительских и нравственно-психологических мер борьбы с коррупцией, то здесь представляется необходимым предусмотреть следующие меры:

1. Учесть многовековой опыт китайской государственности, особенно эпохи Тан, где исключительно эффективно работала система экзаменов для чиновников. Соответственно, полезно было бы ввести единый государственный экзамен для чиновников всех уровней (раз в 2-3 года), от успешной сдачи которого зависела бы их зарплата и продвижение по службе. Преподавание и прием экзаменов следует поручить авторитетным профессорам высшей школы и работникам научно-исследовательских институтов. Помимо профессиональных дисциплин необходимо включить в перечень изучаемых предметов по крайней мере этику и руссиеведение. В рамках последнего курса обязательным должно быть изучение русской литературной и философской классики — произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, философских работ того же Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, В.С. Соловьева. При изучении курса этики сосредоточиться на разрушительных для личности последствиях коррупции. Регулярные экзамены будут способствовать профессиональному и общекультурному росту чиновников, актуализируют их творческий потенциал. С другой стороны, они позволят лучшим умам из российской высшей школы и академической науки непосредственно доносить свои научные результаты и наработки до сведения властей, активнее участвовать в экспертно-консультативной деятельности.

2. Ежегодно определять и делать достоянием гласности «антикоррупционный рейтинг» ведомств. Предусмотреть премирование сотрудников и руководителей государственных структур, где этот уровень минимален.

3. На официальном сайте правительства оформить страницу, в которую регулярно заносить информацию о разоблаченных государственных коррупционерах с их портретами и описанием состава преступления. Страна должна знать в лицо не только своих героев, но и антигероев. Действующие и потенциальные коррупционеры должны каждую минуту осознавать, какую тень они могут бросить на своих друзей и родственников в случае разоблачения.

4. Учитывая, что контроль за деятельностью государственной бюрократии должен осуществляться не только сверху, но и снизу, со стороны общественных организаций и рядовых граждан, — ввести в практику оценки деятельности ведомств учет мнения неправительственных организаций, которые работают в том же направлении. Ведомство должно быть оценено ими с точки зрения открытости и готовности к диалогу с общественностью, оперативности предоставления информации, не составляющей государственной тайны, а также степени его коррумпированности.

Необходимо также предусмотреть создание постоянно действующих федеральных и региональных площадок для диалога государства и гражданского общества, особенно в сфере земельных отношений, ипотеки, экологии, развития жилищно-коммунального хозяйства, культуры и образования. Гласность и прозрачность в деятельности государственных органов, как показывает мировой опыт, — весьма эффективное средство борьбы с коррупцией.

И, наконец, последнее стратегическое философское соображение. Ничто так не разлагает и личность, и общество, как бесцельность и бессмысленность существования, заикленность на решении сугубо повседневных и бытовых проблем, особенно в ситуации глобальных потрясений и, особенно, — в России, где всегда есть тоска по «Новой Земле и Новому Небу», по новым горизонтам индивидуального и национального существования. Отсутствие ясных стратегических перспектив

жизни страны в условиях глобального кризиса будет неизбежно отражаться и на чиновничестве, многократно усиливая действия причин, приводящих к коррупции. «В последний раз наслаждайтесь и обогащайтесь» — вот универсальный лозунг бюрократии «последних времен», страшный по своему разрушительному потенциалу.

Поэтому возвращение к отечественным государственно-правовым и духовным традициям нестяжательства должно быть органически дополнено ясно поставленной целевой установкой: к какой конкретно цивилизационной модели существования мы хотим перейти после окончания глобального кризиса? На мой взгляд, это должна быть принципиально новая модель цивилизационного существования¹¹³, снимающая тупиковые крайности капитализма и социализма, где **приоритет должен быть решительно отдан не экономике, не технике и уж, конечно, не политике и не финансам, а в первую очередь развитию культуры, образования, науки и охране окружающей среды.** Если человек будет образованным и культурным, т.е. духовным, — будет и рациональная экономика, качественно удовлетворяющая *рациональные, т.е. умеренные* материальные потребности человека. Если будет здоровой окружающая среда — будут здоровыми и нашими дети. Если спросить любую мать, согласна ли она, чтобы ее дети стали миллионерами, но были бы при этом грубыми, бессердечными людьми и умирали с врожденными патологиями, не дожив до сорока лет, то ответ, думается, будет однозначным.

Именно в этой принципиальной установке общества и государства на принятие новых общецивилизационных ориентиров существования, совершенно органичных для традиций нашей страны, заключается и лучший способ консолидировать наше общество, и поставить эффективную преграду ложным формам и целям человеческого существования, и обрести стимулы для творческой деятельности государственным чиновникам. Наличие у общества высоких целей и содержательных смыслов деятельности — лучшее лекарство от государствен-

¹¹³ В отечественной философской литературе теоретическая проработка контуров этой новой цивилизации уже активно ведется. Она лишь именуется по-разному — «ноосферная цивилизация», «духовно-экологическая цивилизация» и т.д.

ной, социальной и экзистенциальной порчи, которой является коррупция.

Этюд 13. Яд сквернословия

Россия насквозь пропиталась матерщиной. Мат звучит на улицах и в общественном транспорте, обрушивается на нас с экранов телевизоров и бьет по глазам со страниц печатных изданий. Матерятся сегодня, увы, не только извозчики и грузчики, а политики и артисты, писатели и телеведущие. Мат вроде как придает языку пикантность; общению — доверительность и живость; выражению мысли — смелость и остроту. Более того, сквернословие сегодня почти узаконено «наукой», ведь массовыми тиражами издаются словари русского мата, по мату защищаются диссертации и проводятся научные конференции. «Надо воздерживаться от всяких осуждений и беспристрастно изучать объективные тенденции развития разговорного и литературного языка» — можно услышать из уст некоторых филологов. Но такая псевдообъективная позиция патологию возводит в норму и фактически «научно» узаконивает порок. Все чаще можно встретить и рассуждения следующего содержания: «Мат — это не ругань, на нем уже говорят массы людей, а следовательно, и бороться с ним бесполезно». Здесь нас, в сущности, призывают безропотно мириться со злом и оправдывать свое человеческое слабование. В результате подобного общественного и государственного попустительства происходит нечто совсем уж недопустимое: родители бесстыдно сквернословят в присутствии маленьких детей; а юноши и девушки преспокойно обмениваются матерками в межличностном общении. Даже в школах и университетах ядовитой пеленой повсюду висит мат.

Что нас ждет впереди, я недавно явственно ощутил на экзамене по философии. Один студент тщетно пытался выдать из себя хотя бы пару осмысленных фраз, а потом сказал, помывшись, что к экзамену готовился, но не может выразить свои мысли... без мата. «Не хватает связующих слов!» — честно признался он. Предложенный мной ради любопытства тест по

философии он заполнил галочками на твердую тройку. Явил, так сказать, абстрактную осведомленность.

Все это, увы, не смешно. Массовое сквернословие — один из самых зримых показателей нарастающего культурного одичания и нравственной деградации общества. «Что на уме, то и на языке» — но, значит, на уме то, что ниже пояса, что, по мысли Достоевского, заставляет человека становиться даже не животным, а чем-то гораздо худшим, чем животное. Зверь хотя бы не съедает самого себя и не разрушает окружающего пространства. У человека же с ядом матерщины неизбежно соседствуют водка и пьянка, низменный похабный хохот и пошлость, грубость в отношениях между полами, жизненная глупость и человеческая подлость. Тьма сквернословия окутывает и разлагает все вокруг; каждое матерное слово будто выделяет ядовитые миазмы гниения. «Никогда не ругайся по-черному» — говорила мне моя покойная мудрая бабушка, а когда однажды я мальчишкой принес с улицы бранное слово, она заставила меня пойти вымыть с мылом лицо и руки. Вслушайтесь в русский язык, который порой мудрее своих суетных носителей: в самом мерзком слове «матерщина» есть и вправду нечто черное, сиплое и смрадное — та нечистота духа и тела, от которой хочется поскорее уйти и помыться.

Интуиция духовно здорового человека, что матерщина — это нечто заразное и опасное, — подтверждается современными научными экспериментами. Они весьма показательны. Если в присутствии растения постоянно сквернословить, то оно быстро засыхает, а вот чтение молитв и классическая музыка, напротив, оказывают самое благотворное влияние на его рост и развитие. Замерзающая при матерщине вода образует хаотическую кристаллическую структуру; а при чтении стихов и молитв — почти идеально упорядоченную. Если представить, что наш организм во многом состоит из воды, то можно себе представить, какой **непосредственный физический вред** наносит сквернослов-кошунник самому себе и окружающим людям. Он — источник губительного хаоса и зла в мире. Он **духовно и физически заразен** в самом прямом и точном смысле этого слова.

На эту физическую — созидательную или разрушительную — мощь слова в свое время обратили внимание П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков. Из уст человека, по мысли отца Павла, может выходить или молитва, или хула; им можно воскресить и облагородить, а можно уничтожить и запятнать. Люди должны отвечать за свои слова, поскольку последние обладают непосредственной материально-психической силой воздействия на людей и вещи. Произнесенное слово способно буквально спирально ввинчиваться в человека, преобразуя не только его сознание, но и плоть¹¹⁴. С.Н. Булгаков, разделяя позицию П.А. Флоренского, писал: «Если справедливо, что слова имеют известную силу, присущую им самим по себе, даже безотносительно к говорящему, приходится заключить, что произнесение слов, так сказать, освобождение энергии их, вовсе не есть индифферентная вещь. Слова не исчезают бесследно после своего произнесения, но живут своей собственной жизнью, долговечной или короткой; зависит, конечно, и от самих слов, и от произнесшего. Слова наполняют собой атмосферу, хотя и иначе, но в том же смысле, как пыль, запахи, разные бактерии, недоступные глазу. Они скучиваются в облака, друг с другом сталкиваются и образуют среду, имеющую свои свойства. Почему же думать, что комната нуждается в проветривании после курения табака, но не после некоторых слов?»¹¹⁵ К сожалению, у нас от матерного смога впору проветривать целые города, если только не всю страну.

Посему можно только приветствовать усилия администраций и общественности Белгородской области, города Иркутска, некоторых других регионов России, которые объявили войну матерщине. За сквернословие в публичных местах там штрафуют, его едко и тонко высмеивают в прессе и по телевидению. Студенты объявляют свои вузы территориями свободными от мата. Фотографии и фамилии ярых матерщинников красуются на позорных столбах и стендах. Если в проведении этой благородной кампании у властей и у народа хватит терпения, воли и мужества, то можно быть уверенным: вскоре повысится не только общий культурный уровень, но пойдет вниз статистика

¹¹⁴ См. напр. работы П.А. Флоренского «У водоразделов мысли» и «Имена».

¹¹⁵ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 227.

семейных скандалов и разводов, пьянок и преступности, особенно малолетней. Есть один удивительный европейский пример. В Праге с некоторых пор на остановках городского транспорта стала звучать музыка Моцарта. И общий уровень городской преступности стал потихонечку, но неуклонно снижаться! Оно и понятно: совершить преступление или сматериться на порядок проще в атмосфере всеобщего бытового хамства, но второе трудней, когда звучит божественный Моцарт.

Это большая иллюзия, что корень общественных взлетов и неурядиц следует искать в экономике, а культура — нечто от нее сугубо производное. Дело обстоит прямо противоположным образом, особенно в такой стране, как наша Россия. Нельзя представить здоровой и бодрой нашу Родину без острого чувства несовершенства мира, без искания Красоты, Правды и Добра, без устремленности в будущее — к Новой Земле и к Новому Небу. Нельзя представить мой Алтай — сердце Евразии — без мечты о Беловодье, без пафоса единения различных племен и культур. Сделайте в них ставку на общее культурное оздоровление, на максимальную поддержку науки и образования, музейного и библиотечного дела, искусства и массового спорта, — и вы увидите, как удивительным образом обнаружатся внутренние инвестиционные резервы (культурный человек с радостью отдаст деньги на общее благое дело, а не потратит их на себя, не прокутит в ресторанах и казино), начнет приобретать цивилизованные формы бизнес (просвещенному и совестливому предпринимателю стыдно жировать за границей, когда нищает его страна), возрастут общая культура и организация производства, а в людях пробудится энергия и социальная инициатива. Подчеркну в этой связи еще раз: **не низшее в мире определяет высшее, а высшее упорядочивает, стимулирует и придает смысл существованию низшего.**

Но для начала... надо хотя бы перестать материться в общественных местах, при детях и в присутствии лиц противоположного пола. И надо находить в себе гражданское мужество останавливать и стыдить взрослых и малых сквернословов, хотя бы так оказывая сопротивление торжествующему мировому злу. Иначе в смердящей тине матерщины не будет здоровых детей, не будет любви и чистоты в отношениях между полами,

не будет уважения к матерям и старикам, к народным идеалам и святыням. Не будет подлинной культуры, как стихии Добра и Света, за которыми, собственно, и приходит в этот бренный мир человек, дабы ими напитаться, их сохранить и посылно преумножить.

Этюд 14. Шутки «реформирования» отечественного образования

Любое объединение частей в рамках целого позитивно, если эти части не утрачивают своеобразие, а любое разнообразие живительно только при наличии объединяющих принципов и черт. В этом плане интеграция государственных образовательных систем — процесс важный и совершенно объективный, но никакая абстрактная, а тем более насильственная унификация здесь абсолютно недопустима. Принцип единства в многообразии здесь так же справедлив, как и во всех других областях человеческой деятельности.

Между тем, в русле так называемого «Болонского процесса» Россия является чуть ли не единственной страной, безропотно принимающей чужие — европейские — правила игры и готовой отказаться от всех своих исторических завоеваний в области образования. Парадоксально, но это противоречит самому тексту Болонской декларации 1999 года, где, во-первых, о двухступенчатой системе образования сказано весьма обтекаемо (например, что первая ступень образования не должна быть менее 3-х лет) и, во-вторых, подчеркивается необходимость «полного уважения к диверсифицированным культурам, языкам, национальным системам образования и университетской автономии»¹¹⁶. Еще более парадоксально, что стратегические решения о реформировании отечественного образования до сих пор разрабатываются и принимаются высшими государственными органами втайне от вузовской общественности, а попыт-

¹¹⁶ Болонская декларация. Совместное заявление европейских Министров образования, подписанное в Болонье 19 июня 1999 года // Вестник российского философского общества, №1, 2005. С. 77.

ки последней наладить с властью конструктивный диалог заканчиваются пока ничем.

Между тем, прежде чем начинать практически реформировать российское образование — полезно было бы сначала широко обсудить и четко определить базовые теоретические и ценностные основания подобных реформ, начиная с вопроса о сущности и назначении образования в современном обществе. На нем я бы и хотел остановиться поподробнее.

Начну с того, что на данный момент четко выявились две противоположных позиции по данному вопросу. Первая поддерживается подавляющим большинством научно-педагогической интеллигенции России, причем самых разных политических убеждений; вторая — исповедуется в основном властными верхами с опорой на руководство некоторых влиятельных российских образовательных структур типа Высшей школы экономики. В чем же сущность стратегических расхождений между этими подходами.

1) Для первой позиции система образования — это стеновой хребет существования общества и государства, без которого общество стремительно интеллектуально и морально деградирует, а государство перестает выполнять свои главные — управленческие и планирующие — функции. Иными словами, успешно функционирующая и развивающаяся система образования — это важнейшее условие воспроизводства индивидуальной и общественной жизни, безотносительно того, дает она сиюминутный практический эффект или нет, обслуживает рыночные отношения или не имеет к ним никакого отношения. Знание — в первую очередь сфера бескорыстного дарения, чем всю жизнь и занимается истинный педагог (школьный и вузовский). Для второй же позиции система образования — неотъемлемая часть рыночной системы хозяйства и, соответственно, должна в первую очередь определяться реальной рыночной востребованностью тех или иных специалистов. Знание здесь — это прежде всего товар.

2) Для первой позиции характерен субстанциональный взгляд на природу знания, т.е. оно само по себе, а также процесс его получения, проверки и трансляции, представляют для общества высочайшую ценность. Функционально-практические возмож-

ности знания здесь производны от его истинности, фундаментальности и, естественно, востребованности со стороны государства. Для второй позиции знание несубстанциально, а сугубо функционально. Оно производится обязательно «для чего-то и призвано в первую очередь давать быстрый прагматический результат или формировать так называемые «компетенции» для получения оно́го.

3) При первом подходе главной целью образования является подготовка всесторонне развитого человека, где профессиональные знания и навыки творческого мышления сочетаются с твердой системой жизненных (особенно нравственных) ценностей. При втором подходе образование прежде всего должно способствовать достижению «жизненного успеха» в виде обретения высокой зарплаты, власти или социального престижа. При этом личностные, а тем более моральные качества личности особого значения не имеют, равно как и то, истинными или неистинным знанием руководствовался человек, делая успешную профессиональную карьеру (принцип «не важно, какого цвета кошка — лишь бы она ловила мышей»).

4) Для первой позиции характерен учет национальных традиций и приоритетов в образовании (принцип «за державу обидно»); для второй — сугубо космополитическая установка, связанная с ориентацией на поиск места, где знания будут приносить их носителю максимальный личный «жизненный успех». Отсюда и кардинальная разница в отношении конвертируемости дипломов: для первой конвертируемость — частная проблема, успешное решение которой производно от качества знаний; для второй — первостепенная задача для российского образования¹¹⁷;

5) В первом случае упор делается на возможность получить бесплатное государственное образование, а платные услуги рассматриваются как дополнительные, при втором подходе — дело обстоит прямо противоположным образом.

¹¹⁷ Кстати, абсолютная правота первой позиции подтверждается фактом, что наши специалисты работают по всему миру, и если они действительно специалисты, то на записи в их дипломах никто не обращает внимания. И напротив: вряд ли русский выпускник с квалификацией «магистр» или «бакалавр», в дипломе европейского образца сумеет одержать победу в конкуренции с местным европейским выпускником при приеме на работу.

Непредвзятый анализ показывает, что возможен и даже необходим разумный синтез обеих позиций при стратегическом доминировании первого подхода. Однако сегодня мы имеем дело с безусловным выбором государством именно второй — сугубо рыночной — установки в отношении образования, которая реализуется спешно и, к сожалению, в самых провальных сценариях. Уже сейчас можно твердо предсказать, что при повсеместном введении ЕГЭ, сломе классической пятилетней системы высшего образования и тотальном переходе к двухступенчатой модели «бакалавр — магистр» (4+2) с так называемой системой «подушно-нормативного финансирования», введением зачетных баллов (кредитов) и в основном платной магистратурой нас неизбежно ожидают:

— **деградация школы** и обвальное падение общего образовательного и культурного уровня абитуриентов. Уже сегодня занятия в последних классах школы неуклонно превращаются в тренинг по заполнению тестов и сопровождаются утратой искони присущей нам творческой компоненты в школьном образовании. При этом ни с какой коррупцией в вузах это справиться не поможет, ибо кто брал взятки, тот их и будет брать, просто взяточничество переместится на уровень курсовых экзаменов и зачетов. Кстати, давать взятки будут в первую очередь сами «егэисты», которые или случайно набрали высокие баллы или выбрали вуз «не по способностям»;

— **прогрессирующая коммерциализация** вузов с вымыванием из сферы высшего образования талантливых детей из малообеспеченных семей и из сельской местности. Они не смогут сдать ЕГЭ и оплатить свое обучение, а надеяться на возможность получения льготного государственного кредита в достаточном объеме пока явно преждевременно, если не сказать — утопично;

— **дефундаментализация** российского образования, бывшая всегда его главным конкурентным преимуществом на мировом рынке образовательных услуг. В качестве примера: сегодня наши преподаватели в области ветеринарной хирургии, теоретической математики и классического рисунка сверхвостребованы в европейских вузах, но для этого надо было пять лет систематически специализироваться на кафедре под руко-

водством опытных наставников, а потом три года работать в аспирантуре. Что же касается бакалавра, то сугубо инструментальный подход к его подготовке не даст возможности успешно сменить специальность при поступлении в магистратуру;

— **дегуманитаризация** образования, ибо узко прагматический рыночный подход (принцип «а зачем это специалисту нужно?») уже сегодня ведет к вытеснению из учебных программ таких важнейших мировоззренческих дисциплин, как философия, отечественная история, русский язык и литература. Зато во все госстандарты 3-го поколения чиновники и их идеологи из Высшей школы экономики вставили экономические псевдознания, типа «менеджмента» и «маркетинга»;

— **денационализация** нашего образовательного пространства в силу механического встраивания в европейскую образовательную систему на правах бедной родственницы. При этом лишь немногие российские студенты по чисто финансовым причинам смогут поменять российский вуз на европейский. Да и к нам вряд ли многие поедут учиться из-за рубежа, ибо, во-первых, не в традициях европейцев делить с кем-то рынок, а, во-вторых, едут учиться обыкновенно туда, где система образования фундаментальна, своеобразна и дешева, чего у нас, в силу изложенных выше причин, скорее всего, не будет. Приезжать к нам будут в лучшем случае те, кто изучает непосредственно Россию;

— **дерегионализация** российской системы образования, когда финансовые и технические ресурсы будут концентрироваться в крупных университетах крупных городов, причем, преимущественно в европейской части страны. Затухание провинциальной вузовской науки, особенно фундаментальной, будет неизбежно способствовать ее общей деградации и нивелировке, не говоря уж о разнообразных потерях, которые будут нести регионы России. Этому способствует и малопонятное трехуровневое ранжирование высшего образования, когда выделяются два головных российских вуза, имеющих собственные госстандарты: Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты. Вторую группу образуют полтора десятка вузов, имеющих статус федеральных. Им выделяется дополнительное финансирование и прочие карт-бланши. Нако-

нец, третью группу образуют вузы-изгои, в которых образование государство априори признает третьесортным. В результате вместо того, чтобы учиться по единому Госстандарту высшего образования, где цель состоит в подтягивании вузов с периферии до уровня вузов федерального центра¹¹⁸; мы получаем типично колониальную систему высшего образования, где провинция в ближайшее время обречена на интеллектуальную и духовную деградацию. Но в скором времени, лишившись подпитки из провинции, деградировать начнут и элитные вузы.

Возникает закономерный вопрос: *какими мотивами руководствуется правительство, ведущее наше образование к краху, неизбежность которого подтверждается и теоретическими аргументами, и эмпирическими фактами?* Хочется, конечно, найти этому рациональное объяснение и сказать: наши чиновники и их научные консультанты искренне заблуждаются, являясь жертвами распространенной «рыночной мифологии» и зуда безудержного реформаторства. На самом же деле, главные ценности личной и общественной жизни нельзя прагматически оценить в денежном эквиваленте, они принципиально вне рыночных отношений. К таким всеобщим и объективным ценностям относятся любовь и дружба, научное познание и художественное творчество, национальное и личное достоинство. Наука и образование, в отличие от экономики и политики, — сферы принципиально нестяжательные. Это нестяжательство и ориентация на истину, как на высшую ценность, оказываются, однако, фундаментально прагматичными, принося в конечном итоге государству колоссальные дивиденды. Что же касается реформ и необходимости обновления, то лучше быть со старой истиной, чем с новой глупостью, тем более что есть сферы общественной жизни (к ним относятся в первую очередь семья, государственные системы образования и воспитания), где новация тогда хороша, когда опирается на проверенные веками традиции. Короче, стоит только работникам министерства отрешиться от плоских рыночных и реформаторских предрассудков, да еще от наивного благоговения перед Западом, как им самим станет очевидной тупиковость их проектов.

¹¹⁸ Даже если эта цель и не достижима практически, то само ее идеологическое постулирование безусловно благотворно.

Однако от подобных попыток рационального объяснения практики государственного разрушения образования приходится отказываться. Мотивы действий «реформаторов» — иные, лежащие за пределами объективных национальных интересов и логики. Мы сталкиваемся здесь или с рьяно-бездумным чиновничьим исполнением приказов начальства; или с общей интеллектуальной ограниченностью, о чем, к сожалению, свидетельствуют многочисленные интервью и деяния министра науки и образования Фурсенко; или с хорошо оплачиваемым *выполнением иноземного заказа по ликвидации отечественной высшей школы*.

Чтобы воспрепятствовать уничтожению российской системы высшего образования и придать реформам конструктивный, национально ориентированный характер требуется, на мой взгляд, принимать экстренные меры, иначе мы все окажемся заложниками горстки распоясавшихся разрушителей. Сформулирую только ряд неотложных мер:

— следует четко зафиксировать в государственных документах, что фундаментальные знания и фундаментальное образование являются высшими и абсолютными ценностями общественной жизни, а их защита — приоритетная задача в деятельности государства. Любые же попытки поставить науку и образование в зависимость от сугубо относительных ценностей рыночного спроса и коммерческой выгоды, сделать их окупаемыми, должны рассматриваться как угроза национальной безопасности страны;

— считать обязательным согласование всех государственных документов, содержащих стратегические разработки по развитию системы высшего образования в нашей стране, с коллективным органом самоуправления научно-педагогической общественности — Учебно-методическим объединением университетов России;

— прекратить порочную бюрократическую практику анонимной концептуальной подготовки властных решений в сфере высшего образования. Научно-педагогическая общественность России должна знать, какие конкретные лица из каких конкретно ведомств и научных коллективов готовили те или иные документы для высших органов государственной власти. Целе-

сообразно готовить подобные документы и решения на гласной и конкурсной основе с привлечением компетентных и независимых экспертов из числа работников высшей школы;

— провести съезд вузовской общественности России для обсуждения кризисной ситуации, сложившейся в высшем образовании. Делегировать на этот форум 2-3 профессоров от каждого вуза страны, наделенных полномочиями голосовать от имени своих вузовских коллективов. Потребовать от Министерства образования и науки представить на этот форум Программный стратегический документ о путях развития высшего образования в России до 2030 года, предварительно разослав его проект во все вузы страны для коллективного обсуждения и корректировки.

Соборная защита отечественного образования и социальная консолидация на этой основе — это, в сущности, один из последних рубежей обороны России против агрессивного рыночного варварства, уже столько лет изводящего нашу страну.

Этюд 15. Традиции живые и мертвые

Сегодня все большее количество ученых склоняется к мысли, что во избежание глобального коллапса нашей техногенно-потребительской цивилизации необходимо сознательно вернуться к мудрости предков и к признанию того факта, что многие явления и процессы в мире они понимали лучше и глубже нас. Этот мотив является сквозным для учения Живой этики, данного в 20-ом веке через Е.И. и Н.К. Рерихов, но он явственно звучит также в трудах П.А. Флоренского и В.И. Вернадского, М. Элиаде и Шри Ауробиндо Гхоша, К.Г. Юнга и М. Хайдеггера. Сегодня *схождение древнего и современного знания* — фундаментальная черта постнеклассической науки. Это касается в первую очередь знаний:

— о человеке и тайниках его психики (знаменитый древний принцип тождества макро- и микрокосмов), где особенно ценные знания накопили индийская йога и тибетская медицина;

— о механизмах и силе непосредственного влияния мысли на окружающие природные формы и на человека и, соответственно, об обратном — положительном или негативном —

влиянии окружающих природных процессов на самого человека;

— о мудрости языка, который иногда мудрее своих носителей и о необходимости бережного отношения к слову, которым можно и убить, и воскресить;

— о воздействиях Космоса на наши земные дела и состояния сознания.

Философский же анализ древних знаний убеждает, что реальность не исчерпывается тем образом мира, который дают нам телесные органы чувств и интеллектуальные построения современной науки. В этой связи все большую метафизическую и научную глубину обнаруживает бессмертный символ платоновской пещеры, где все мы живем в мире теней (майи в восточной терминологии), и где многие современные технические достижения используются вовсе не для того, чтобы эту пещеру покинуть и увидеть свет истины; а, напротив, скорее создают дополнительные и уже совершенно эфемерные тени на стенах пещеры, способствуют техническому и интеллектуальному удвоению майи.

Отсюда сознательное обращение современной науки к исследованию живительных традиций древнего знания — важнейшее условие гармоничного научного, технического и социального прогресса.

Параллельно с оправданием древнего знания идет процесс реабилитации многих мудрых социальных традиций и практик прошлого. Возвращение к ним оказывается в ряде случаев важнейшим условием рациональности экономических и социальных инноваций, а также гарантией психологической стабильности социума. К таким незаслуженно забытым традициям и практикам, настоятельно нуждающимся в возрождении на новом уровне, можно отнести:

— экологические знания древних народов, касающиеся необходимости сохранения и почитания сакральных гор, лесов, рек, водных источников. Они являются стабилизаторами земного ландшафта, центрами биологического разнообразия, обладают лечебным и рекреационным потенциалом;

— мудрость и умеренность предков в использовании природных богатств. Они чаще всего не присваивали ресурсов

больше, чем было необходимо для их непосредственных нужд. При этом изъятое из природы использовалось максимально эффективно, а отходы производства были минимальны. Такова, например, разделка барана и эксплуатация пастбищных угодий у кочевых народов, использование лесных и почвенных ресурсов у народов земледельческих. Здесь не человек служит экономике, а хозяйственная жизнь обеспечивает воспроизводство как самого человека, так природных и социальных условий его существования;

— обряды и традиции по укреплению и сакрализации семьи, ясное понимание предками разрушительности безответственного отношения к браку и поощрения внебрачных сексуальных контактов;

— осознание особой роли человека и созданной им культуры в формировании природного ландшафта и гармонизации его незримых энергий. Это касается эстетики обряда и организации культового места, бережного отношения к могилам предков и культурному наследию ушедших народов;

— уважение к старшему поколению, ибо сегодня даже самоуверенный Запад отчетливо осознал, какими провалами оборачивается отказ от мудрости стариков и слом проверенной веками возрастной иерархии.

Сохранение подобных традиций и их актуализация в новом историческом контексте — одна из важных закономерностей перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации.

При этом нельзя впадать в противоположную крайность. Следует ясно осознавать угрозы культурного изоляционизма и сопротивления разумным культурным и техническим инновациям, о чем ясно предупреждали еще классики евразийства, тот же Н.С. Трубецкой. Культурная некрофилия и эскапизм в виде бегства в традицию от ужасов современности всегда чреваты угрозой нарастания этнической и религиозной ксенофобии. К тому же часто мы имеем дело не с возрождением старой традиции, а с игрой в традицию, с искусственным подражанием ей, причем часто с довольно меркантильными целями. Таковы

многие «ряженные в традицию» казаки, шаманы и гадалки «в десятом поколении» и т.д.

В истории, как бы ценна она ни была, никогда не найти полных ответов на проблемы современности. Истинное возвращение к традиции — не самоцель, а всегда помощь в разрешении современных социальных и культурных противоречий.

Отсюда одна из центральных проблем, связанных с феноменом так называемого неотрадиционализма, — это поиск критериев различения живой и мертвой традиции, с одной стороны; и конструктивной и разрушительной инновации — с другой. Никак не претендуя на исчерпывающий характер решения этой проблемы, приведу, на мой взгляд, важнейшие из таких критериев:

— экономическая, социальная или техническая инновация бережет традиции и учитывает их. Особенно бережного отношения требуют к себе природные и культурные святыни народов. Недопустимо их техногенное поругание и осквернение. Если говорить об Алтае — то это река Катунь и плоскогорье Укок, где хотят строить ГЭС и провести дорогу с газопроводом. Полученные фирмами доллары не покроют огромных экологических ущербов, которые неизбежно возникнут в результате реализации этих проектов. Ущерб от оскверненных народных святынь в долларах не измерить, а пагубные экологические и социальные последствия придется устранять десятилетиями, если только они вообще подлежат устранению;

— традиция и ее возрождение способствуют решению реальных современных экологических, социальных, этнических или религиозных проблем. Таковы, например, официальное государственное почитание священных гор в Монголии, а также объявление некоторых территорий сакральными в ряде субъектов Федерации в нашей стране;

— традиция способствует духовному возрождению и укреплению нравственности народов;

— традиция народа не оскорбляет святыни и традиции других народов;

— возрождение традиций носит не насильственный характер и не оскверняет традиций, которые появились раньше или возникли позже. Это особенно характерно для России, где в 20-

ые и в 90-ые годы XX века осквернялись сначала традиции царской, а потом советской России. В результате остается только выжженное ценностное поле, оказывающее разрушительное воздействие на ценностные представления подрастающего поколения. Как бы ни менялись социальные системы ценностей, непрерывной должна оставаться духовная традиция народа, связанная с почитанием его великих святых, героев, творцов, природных и культурных святынь, благих социально-политических реформаторов. И если тебе не нравятся старые ценности — ни в коем случае не глумись над ними, а личной праведной и созидательной деятельностью доказывай преимущества новых;

— особо ценными представляются традиции культурного и хозяйственного общения народов, а также дружбы их духовных лидеров. Трудно переоценить дружбу Пушкина и Мицкевича, Грибоедова и Чавчавадзе, Достоевского и Валиханова, Чорос-Гуркина и Гребенщикова.

Как философ-гуманитарий, я бы возродил следующие положительные традиции отечественного и зарубежного прошлого:

— традицию монгольской державы по публичной полемике и диалогу представителей разных религиозных конфессий;

— китайскую традицию сдачи чиновниками экзаменов по гуманитарным предметам, о чем речь шла выше;

— традицию царских университетов с публичными лекциями ведущих профессоров для широких кругов общественности при их широкой рекламе. Здесь уместно также вспомнить деятельность общества «Знание» в советский период нашей истории. Полной поддержки в этой связи заслуживает проект телеканала «Культура» по показу лекций наших ведущих ученых из различных областей научного знания.

В целом, можно констатировать, что необходимо сознательно возвратиться ко многим знаниям и традициям прошлого, которые старательно забыла западная цивилизация, но которые еще актуально живут в культуре многих евразийских народов. И такое возвращение будет живительным в первую очередь для самой западной цивилизации.

Этюд 16. Об истинном и ложном патриотизме

Все 90-ые годы прошлого века нас систематически отучали от понятия патриотизма и призывали ориентироваться на Запад (по принципу «пустите Дуньку в Европу»). Сегодня, напротив, стало модным быть патриотом. Это, несомненно, радует, однако сплошь и рядом мы сталкиваемся с суррогатными формами патриотизма.

Так, не велика честь любить Родину во времена ее благоденствия и процветания, когда любится, что называется, «в свое удовольствие». Это как любовь ребенка к балующей его матери. Ради такой любви ты ничем не жертвуешь и ничего не приносишь на алтарь Отечества; скорее Отечество — щедро одаривает тебя.

Не велика заслуга гордиться Родиной и в связи с ее спортивными победами, типа победы на чемпионате Европы по футболу или на конкурсе Евровидения. Известно, что здесь «патриотизм» — просто форма самоутверждения, психологического переноса успехов страны на себя. Недаром его так легко совместить с пьянкой и гулянкой. Однако подобный «патриотический восторг» мгновенно оборачивается своей противоположностью — яростью и руганью, когда твоя команда проигрывает или показывает невыразительную игру. Словом, любовь здесь явно не высокого качества, и где-то даже сродни наркотической зависимости: для поддержания такой «любви к Родине» настоятельно требуется новая порция побед и алкоголя, чем, кстати, испокон веков успешно пользовались тираны и диктаторы.

Качественно отличается от этих чувств гордость за историю своей страны, взлеты ее научной мысли, культурные достижения, подвиги предков. Таковую любовь к Отечеству, конечно же, следует прививать и поощрять с детства, лишь бы она не превращалась в национальное самолюбование и чванство, когда гордостью за прошлое прикрывают свое нынешнее убожество. И уж совсем недостойно человека утверждать и доказывать свою любовь к Отечеству мстью другим народам за прошлые — реальные и мнимые — исторические обиды, о чем я

писал в первом этюде. Ничего кроме ненависти и ксенофобии такая ложная любовь породить не может.

Чем же тогда подлинная любовь к Родине отличается от ее суррогатов?

Во-первых, Родину любят во все исторические времена, и чем ей хуже — тем более она нуждается в нашей любви. Живущий только для себя ищет там, где ему лучше; истинный же патриот служит Отечеству там, где он Ему больше всего нужен. И в первую очередь служит он своей малой Родине, где ему посчастливилось родиться. Я всегда искренне сочувствую молодым людям, уезжающим из Алтайского края куда-нибудь в Москву или Питер. Там их никто не ждет, и никакого там не будет великого будущего. Центру российского бытия все равно предстоит смещаться в районы Сибири, как это давно предсказывали Ломоносов, Семенов-Тянь-Шанский, Менделеев и Вернадский, и что только подтверждается современным глобальным кризисом. Если Сибирь обезлюдует и зачахнет, то через 10-15 лет неминуемо зачахнет и Россия европейская. Поднимется Сибирь — поднимется и вся Россия. Но даже если предположить самые катастрофические сценарии мирового развития (не приведи, конечно, Господи!), то Алтай переживет любые катаклизмы. Он самодостаточен по водным и лесным ресурсам, по почвам, по уровню развития науки и образования (пока еще!), по производству продуктов питания, по своему геополитическому положению, наконец. Разве что энергетических мощностей Алтая явно не хватает, равно как и современной технической оснащенности сельского хозяйства. Но вот тут как раз нужны головы и энергия молодых людей, причем с ясным осознанием, что никакой взрослый дядя и никакая власть им счастья не построят. Выбирать неторные тропы, по которым никто не рискует идти, — это и значит быть настоящим патриотом. Чтобы доказать, что ничего невозможного нет для любящего свое дело и свою страну человека, я всегда привожу студентам в пример академика Михаила Лаврентьева, который буквально с белого листа, фактически в одиночку, создал научно-организационное чудо XX века — Сибирское отделение Академии наук и Новосибирский академгородок.

Во-вторых, любящий свою Родину и Землю не требует ничего взамен, он бескорыстен. К сожалению, в 90-ые годы нас систематически отучали делать что-то бескорыстно и от чистого сердца. Проще говоря, отучали от понятия «общее благо». А ведь мир стоит не на корысти, а на бескорыстии, особенно мир российский. Спросим любого классного педагога, врача, ученого, крестьянина, даже предпринимателя — исключительно за деньги он работает или из-за любви к профессии, к людям и земле, которые его окружают? И в подавляющем большинстве они скажут: «Да, деньги важны, но не в них счастье. Я просто получаю радость от своего труда, я без него жить не могу». Да и, в целом, если представить общество, где абсолютно все делается за деньги, то очевидно, что в таком мире попросту невозможно жить. Все, что ты «содрал» с товарища; другой «товарищ» «сдерет» с тебя. Не потому ли взяточникам и толстосумам всегда не хватает денег, огромных по меркам нормального человека? Нормальный же человек чувствует глубинную радость, бескорыстно сделав добро для другого; и тайный стыд, если взял за добро деньги. Кстати, лучшие из русских купцов и предпринимателей жили не ради чистогана, а получали прибыль, чтобы принести благо своему Отечеству. И этим остались в памяти потомков как истинные патриоты. Всем известно, что Павел Третьяков помогал русским художникам и основал знаменитую картинную галерею. Но все ли знают, что Третьяков сколотил капитал, успешно продвигая продукты русского льноводства на европейский рынок? Экономика — это вообще не цель, а средство сделать свою Родину более красивой, здоровой, творческой и культурной.

В-третьих, любить свою Родину — это еще и уметь объединяться с другими людьми. В России умирают в одиночку, а вот выживают и встают на путь процветания только сообща. Если хотим поднять сельское хозяйство — надо вспомнить, что именно многоуровневой и разнообразной кооперацией крепла Сибирь. Русские — вообще народ не конкуренции, а сотрудничества и навыков общинного бытия. Объединяться сегодня следует везде, где только можно: вскладчину покупать трактора современных марок и строить на селе цеха по производству сыра и колбас. Объединяться по доставке продуктов в города и

по открытию фирменных магазинов, вытесняя посредников-спекулянтов. Надо создавать свои народные крестьянские банки, где можно кредит отдать сельхозпродукцией, а не деньгами с сумасшедшими процентами банкам-паразитам.

Надо совместно и решительно требовать от государства, чтобы молоко и зерно были дороже солярки, но не за счет повышения цен на молоко и хлеб, а за счет снижения цен на солярку. А если этого государство обеспечить не может, то зачем оно вообще нужно, по крайней мере, министерство топлива и энергетики? Не крестьяне, учителя, врачи, ученые и работники культуры должны жить ради газовых и нефтяных магнатов, а последние — исключительно создавать оптимальные условия для развития сельского хозяйства, науки, культуры и образования. И не надо заниматься словоблудием, что эти отрасли обеспечивают основные поступления в государственный бюджет. Ущерб государству от обнищания тружеников села, образования и работников культуры многократно перевешивает доходы от нефти и газа. Мы теряем миллиардные доходы от той же смерти мужского населения в трудоспособном возрасте.

В-четвертых, любить свою Землю нельзя абстрактно. Подлинная любовь всегда деятельна. Я уже писал, что для начала надо хотя бы перестать мусорить вокруг себя и публично материться. А далее — надо думать о качестве собственного труда и качестве труда окружающих людей, включая органы государственной власти. А если сталкиваемся с халтурой, хамством, ложью и человеческой подлостью, то с ними надо просто бороться. И бороться, желательно, не в одиночку, а объединяясь с такими же равнодушными и любящими свою большую и малую Родину людьми. Не бывает такого, чтобы доброе дело не принесло свои плоды. Зло только кажется сильным, но всегда рано или поздно отступает перед силой человеческого единения и созидания. Не могу не процитировать в конце этого этюда слова великого русского философа В.С. Соловьева, сказанные им в память о своем старшем друге Ф.М. Достоевском: «...В том-то и все значение таких людей, как Достоевский, что они не преклоняются пред силой факта и не служат ей. Против этой грубой силы того, что существует, у них есть духовная сила веры в истину и добро — в то, что должно быть. Не иску-

шаться видимым господством зла в мире и не отречься ради него от невидимого добра есть подвиг веры. В нем вся сила человека»¹¹⁹.

¹¹⁹ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1988. С. 303.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последние слова в книге — чаще ритуальные, нежели содержательные, ибо основной текст должен говорить сам за себя. Обобщать же выводы и практические рекомендации, сделанные в разных этюдах по разному поводу, — значит эклектически смешивать темы и жанры. Что, пожалуй, будет уместно сделать, так это еще раз постараться ясно и кратко артикулировать основную идею, которая лежит в основе мировоззрения автора и на которую, как на духовный и логический стержень, нанизывались все этюды этой книги.

Идея эта заключается в том, что нынешняя техногенно-потребительская цивилизация себя полностью исчерпала, и что спасением от грозящей нам экологической и культурной катастрофы может стать переход к духовно-экологической стратегии мирового развития. Она не является чем-то совсем новым для нашего сознания, ибо ее базовые принципы и разработки мы находим в наиболее глубоких религиозно-философских учениях прошлого и настоящего, а также в передовых современных научных исканиях. Нравственные же основы этой новой цивилизации просты и стары как мир и лишь старательно забыты современным человечеством. И, на мой взгляд, их совсем не грех повторять вновь и вновь, так как они спасительны и для отдельной личности, и для всего общества в целом.

Чтобы встать на путь процветания и единения надо на место конкуренции поставить сотрудничество и кооперацию; отказаться от материального потребительства и расхищения природных ресурсов, вспомнив о ценности нестяжательства, умеренности и примате ценностей духа над соблазнами плоти. Современный человек должен вновь научиться благоговеть перед национальными и общечеловеческими природными и культурными святынями, и при этом научиться сражаться не за свое добро, а за общее благо. Вновь должна вспыхнуть в душах жажда совершенствования и бескорыстного познания, желание свободно обогащаться достижениями других культур и щедро делиться с ними тем, что накоплено в твоей. Красота и свет должны постепенно вытеснить безобразие и тьму, но утвер-

ждать их в жизни каждый человек должен и может каждый день, даже в суете повседневности и в пыли домашнего обихода.

Я верю, что человечество преодолеет испытания и обретет новую — духовно-экологическую — цивилизационную дорогу, но решающий вклад в этот поворот внесут все же не страны Запада, а великие народы Евразии и Востока, сумевшие сохранить свои традиционные и вечные ценности для битвы последних времен. В этом плане многое будет зависеть от соборного перехода к духовно-экологической стратегии развития трех великих государств — Индии, Китая и России.

Алтай же — это ключевой пограничный пункт на евразийской дороге в Китай и в Индию, а из Индии и Китая — в степи и леса Евразии. Его белоснежные вершины и светлые реки — Белуха и Табын-Богдо-Ола, Катунь и Бия — всегда были и будут символом единения и устремленности к высшему, и возле его евразийских алтарей всегда найдется место для дорогих гостей с Востока и с Запада.

И созерцая с высот Алтая, что происходит сегодня в мире, почему-то твердо верится, что исподволь, но неуклонно строится новая цивилизация...

Андрей Владимирович Иванов

О вечных устоях в последние времена
(философско-публицистические этюды)

Технический редактор О.З. Енгоян

Сдано в набор 07.05.2010 Подписано в печать 14.05.2010

Формат 60х84/16. Печать — ризограф.

Уч.-изд. л. 9,15. Усл.-печ. 11,38

Тираж 400 экз. Заказ. №70-2010

Типография Фонда «Алтай — 21 век»

656052, Барнаул, ул. Матросова, 120.